

"Стрела амура"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Сандра МЭЙ

СТРЕЛА АМУРА

Пролог

Лиза небрежно захлопнула входную дверь и с наслаждением сбросила тесные туфли. Глаза слипались, все мышцы ныли, но настроение у нее было отличным.

Сегодняшняя вечеринка проходила в одном из самых фешенебельных клубов Батон-Руж, штат Луизиана, и Джимми Хант был особенно внимателен, а Джереми выглядел совершенно влюбленным, не говоря уж о Сэме, который ревновал ее к Тоду, и совершенно зря!

Лиза Кудроу, двадцати трех лет, незамужняя, белая, по специальности преподаватель-воспитатель детского сада, засмеялась и закружилась по комнате, раскинув руки. В сущности, в двадцать три года жизнь прекрасна и без всяких причин, но у Лизы Кудроу таких причин было множество.

Она любила танцевать, любила быть центром всеобщего внимания и восхищения, любила флиртовать с парнями, смеяться, петь, есть мороженое... Любила жить в свое удовольствие, одним словом.

Воспитателем она не проработала ни единого дня, так как огромное наследство от двух незамужних тетушек досталось ей еще во время учебы в колледже, и когда Лиза поняла, СКОЛЬКО именно у нее денег, ей почти сразу понравилось быть «золотой молодежью».

Родители Лизы умерли — или, как выражались тетушки, «оставили свое дитя» — двадцать лет назад, и потому Лиза грустила по ним ровно три дня — потом ей принесли куклу Надин с огромными голубыми глазами и настоящими волосами. Повзрослев, она регулярно поминала родителей, заказывала службу в церкви, но особой тоски не испытывала.

Лиза выросла в этом доме — огромном старом доме с белыми колоннами. У нее была няня-негритянка, в точности, как у Скарлетт О'Хара, был свой пони, были платья и игрушки, была детская комната и комната для занятий, а потом был целый третий этаж, отведенный лично ей, и еще автомобиль с шофером...

Одним словом, у нее всегда все было. Тетушки окружили племянницу непомерной и бестолковой, но вполне искренней заботой и лаской, а в шестнадцать лет Лиза стала полноправной владелицей громадного — по крайней мере, по меркам Батон-Руж — состояния.

Честно говоря, будь у Лизы старший товарищ или наставник, он бы наверняка выразился в том смысле, что она пустилась во все тяжкие...

Нет, ничего непристойного и даже неприличного она не делала — Юг хорошо воспитывает своих дочерей. Она просто жила в свое удовольствие, закатывала вечеринки, каталась по Европе, отдыхала на Гавайях, покупала новые модели машин, новых лошадей, драгоценности, красивую мебель, наряды, шляпки, туфли, небольшой самолет, пляж в Майами — и никогда не грустила дольше трех минут.

Опять же, будь она немного постарше или проживи она чуть более тяжелую жизнь — она бы прореагировала на некоторые тревожные сигналы, которые с недавних пор стали приходить от ее поверенного, мистера Карча. Так, например, он настоятельно порекомендовал избавиться от лошадей и вообще от всей конюшни. Потом выставил на продажу пресловутый пляж. В Майами

Лиза не особенно любила ездить, а лошади к тому времени ей самой уже надоели, так что она с легким сердцем подмахнула какие-то бумаги в конторе у мистера Карча — и уехала в Париж.

По возвращении из Европы она выяснила, что мистер Карч принялся заваливать ее различными бумагами, но Лиза Кудроу была слишком занятой особой, чтобы внимательно прочитать всю эту гору макулатуры. Мистер Карч хочет ее подпись — мистер Карч ее получит. И Лиза подписала всю кипу за рекордный срок в пятнадцать минут.

Потом снова были вечеринки и балы, танцы до рассвета и крепкий сон до заката, кажется, Ибица, потом тур по ночным клубам Амстердама, где Лиза впервые попробовала марихуану — гадость, болит голова — и только три дня назад, в самом начале июня Лиза Кудроу оказалась дома с легким желанием немного пожить в тишине.

Золотые босоножки на шпильках разлетелись по комнате. Платье повисло на ручке двери. Трусики, больше похожие на крылышко стрекозы, упорхнули на люстру. Совершенно обнаженная маленькая фея с буйными черными кудрями закружилась по комнате с веселым смехом, потом остановилась, у большого зеркала, скорчила смешную рожицу, высунула язык и тут же снова затанцевала, не боясь чужих глаз — старый дом окружал парк, а еще дальше была надежная стена.

Прислуга в доме не ночевала. Строго говоря, за последнее время прислуги вообще осталось маловато — садовник Лизе был ни к чему, уборку в доме делали приходящие уборщицы, а горничная... в конце концов, на дворе двадцатый век! Раздеваться и одеваться Лиза умела сама. Честно говоря, на этом ее бытовые таланты заканчивались...

Она приняла душ, расчесала буйные кудри, но сушить их не стала, вместо этого налила в высокий бокал мартини, насыпала льда и уселась на балконе в шезлонг, задрав голые ноги на перила. Жизнь была прекрасна, магнолии благоухали, лед позвякивал в бокале, и Сэм был сегодня очень мил, а Джимми... Джимми... Надо будет ему завтра позвонить, подбодрить бедного мальчика... Тем более что они собрались всей компанией махнуть на Багамы...

Лиза Кудроу заснула сном младенца, и ночной ветерок и звезды беспрепятственно рассматривали и гладили ее обнаженное тело, играли непослушными прядями волос.

Высоко в небе созвездия судьбы Лизы Кудроу начали выстраиваться в замысловатый узор...

1

Мистер Карч олицетворял собой Закон и Порядок. Нет, он был не в костюме шерифа и не в форме кавалерии, но весь его вид — выставленный вперед подбородок, крючковатый нос, нахмуренные брови, сцепленные на животе пальцы — все указывало на то, что в данную минуту мистер Карч представляет собой исключительно закон, а порядок — само собой...

Лиза исподтишка прислонила бокал с кока-колой к виску. В голове взрывались петарды, сверкали фейерверки и какая-то зараза била в барабан, ритмично и назойливо.

Вчерашний мартини давал о себе знать.

Мистер Карч откашлялся и проскрипел:

— Прежде, чем приступить к нашим делам, позволю себе напомнить, что злоупотребление алкогольными напитками в столь юном... впрочем, в любом возрасте приводит к самым печальным последствиям. Поскольку после драки кулаками не машут, рекомендую принять

аспирин. Я подожду.

С пылающими от смущения щеками Лиза выскользнула из комнаты, торопливо проскакала на кухню и дрожащими руками открутила крышку пузырька с аспирином. Вот зануда! Разбудил в такую рань! Лиза уже и не помнила, как выглядит окружающий мир в десять утра.

Через несколько минут негодяй-барабанщик умолк, петарды с шипением угасли, и Лиза воспрянула духом. В конце концов, никто не помешает ей лечь спать после визита мистера Карча.

Она вернулась в гостиную и одарила поверенного ослепительной улыбкой. Джимми Хант за такую умер бы, не задумываясь.

— Итак, мистер Карч, я вас внимательно слушаю.

— Рад.

— Чему именно?

— Тому, что вы слушаете внимательно. Обычно ваше внимание направлено на что угодно, кроме моих слов.

— Ой, да бросьте вы! Просто я ничего не понимаю в ваших скучных бумажках и терпеть их не могу, только и всего...

— Итак. С момента вашего вступления в наследство прошло семь лет. В момент вступления в права ваше наследство исчислялось суммой в пятьсот тысяч долларов на счетах казначейств и банков США, а также суммой около трех миллионов в форме объектов недвижимости, как то: домов, административных зданий и построек, предметов антиквариата и искусства...

— Уа-ахх... Простите. Не выпалась. А зачем вы мне это рассказываете?

— На сегодняшний день положение дел таково, что на ваших счетах в общей сложности осталось около трех тысяч долларов.

— Серьезно? Как это я так быстро ухитрилась... Ну возьмите, продайте какое-нибудь из этих... административных зданий. Или дом в Нью-Йорке — я туда все равно не езжу.

— Недвижимость под залогом.

— Вся?!

— Вся.

Лиза нахмурилась. В финансовых делах — равно как и во всех прочих — она разбиралась слабо, но некоторое беспокойство все же ощутила.

— Вы что же, хотите сказать, что у меня нет денег?

— Почему же нет. У вас осталось три тысячи.

— Мистер Карч, я не понимаю, как это вы там себе работаете, если я живу, живу, а потом — бац! — и нету денег!

— Мисс Кудроу, я неоднократно пытался вас предупредить...

— Да не предупреждать меня надо было, а сказать по-человечески: так и так, деньги кончаются, надо экономить... Вы ведь прекрасно знаете, я ничегошеньки не соображаю...

Мистер Карч подался вперед и стал похож на очень злобный вопросительный знак — Лиза даже отшатнулась.

— Вот что я вам скажу, барышня. На месте ваших теток я бы вам ни цента в руки не отдал. Поместил бы капитал под опеку — и дело с концом. Тогда вы сейчас были бы одной из богатейших невест Америки. Но ваши тетки слишком вас любили. Слишком! Вы — избалованная, легкомысленная, взбалмошная особа...

— Мистер Карч!

— Не перебивайте меня! Я терпел семь лет, но теперь терпению пришел конец. Я должен вам все это высказать — в ваших же интересах! Вам, в конце концов, всего лишь двадцать три года, вы еще можете исправиться.

— Ну, знаете...

— Так вот. Вы разорены. У вас ничего не осталось. Единственная надежда...

— Ха! А вот и нет! У меня есть этот дом! Он не может быть заложен, это я точно знаю, ведь он...

— Дом. Вам. Не. Принадлежит.

Лиза уставилась на мистера Карча, открыв рот. Воспользовавшись затишьем, поверенный откашлялся и заговорил более или менее спокойно.

— Разумеется, вам было некогда, да и неохота интересоваться историей своей семьи. Вы всегда ощущали себя центром мироздания, что вам до остальных... Между тем вы являетесь членом довольно многочисленного семейства. Правильнее сказать, являлись... Ваши покойные тетки были старыми девами. Только их младшая сестра Юлали, ваша мать, вышла замуж. Ваши дяди — Юстас и Огастес — умерли в позапрошлом и прошлом годах, не оставив ни наследства, ни наследников. Более того, оба они оставили долги, которые по закону были оплачены из ваших денег...

— Вот нахальство! Так, значит, это не я транжира, а дядюшки, которых я и в глаза не видела?

— Вы вполне могли оспорить решение суда, но не удосужились даже прочитать то, что я приносил вам на подпись. Вы не глядя подмахивали все бумаги, так?

— Да, но...

— И даже когда я пытался остановить вас, чтобы по крайней мере объяснить смысл того, что написано в этих бумагах, вы топали ножкой и махали на меня ручкой, так?

Лиза закусила губу. Она вдруг смутно припомнила, что примерно полгода назад, случайно оказавшись дома в промежутке между Парижем и Ибицей, она и в самом деле что-то подписывала, а внизу уже сигналил Джереми...

— Идем дальше. Родня с материнской стороны закончилась. Однако и у вашего отца имелись

родственники.

— Он был единственным ребенком и к тому же сиротой. Тетя Розали мне рассказывала... ну, она ведь не очень любила папу...

— Другими словами, она считала его неудачной партией для своей младшей сестры. Однако именно ваш отец спас этот дом и выкупил его в вечное и пожизненное пользование, когда ваши тетушки разорились.

— Разорились?..

— О, я не удивлен. Вы и сами не часто вспоминали про родителей, а уж две старые южанки тем более не любили заговаривать о семейном позоре. Да, Лиза, ваши тетки разорились. Это произошло четверть века назад, было связано с обвалом на бирже, но для вас это все равно темный лес, так что... неважно. Важно другое: все состояние заново нажил ваш отец, Макс Кудроу, и именно благодаря ему тетки — и вы вместе с ними — не вылетели из родового гнезда вперед свиста, простите мне этот простонародный оборот.

— Я все равно не понимаю, к чему вы клоните. В любом случае, папина наследница — я? Почему же этот дом мне не принадлежит?

— Потому что, видя, что ваши тетки по-прежнему воспринимают его в штыки, ваш отец завещал этот дом своей двоюродной сестре.

— Тогда почему мы в нем жили?!

— Потому что сестра умерла.

Лиза снова схватилась за бокал с кока-колой. Барабанщик в голове ожил и сыграл тревожно-нахальную дробь.

— Мистер Карч, вы издеваетесь надо мной, не так ли?

— Всего лишь пытаюсь объяснить происходящее. Итак. Ваш отец выкупает этот дом и отдает его в пожизненное пользование вашим теткам. После их смерти, согласно завещанию вашего отца, дом должен перейти его двоюродной сестре, но она умирает за полгода до гибели ваших родителей.

— И дом переходит ко мне!

— Нет, не к вам. К наследникам умершей сестры.

— Так у нее были дети? И у меня есть братья и сестры?

Мистер Карч вздохнул и потупился.

— Должен вам признаться, мисс Кудроу, что, хотя вы лично мне глубоко несимпатичны, я все же ВАШ поверенный, а потому всегда стоял на стаже ваших интересов. После смерти вашей тетки по отцу я посылаю множество запросов насчет возможных наследников. Да, у Маргарет Кудроу была дочь. Незаконнорожденная дочь, Шейла Кудроу. Однако мать отказалась от нее, и девочка воспитывалась в приюте.

— Моя сестра! Моя троюродная сестра! Что за дикость — незаконнорожденная! Мы же не в восемнадцатом веке!

— И тем не менее. В Джорджии на такие вещи до сих пор смотрят косо.

— Короче говоря, у меня есть сестра, и этот дом принадлежит ей! Отлично. Я очень рада, и не смотрите на меня с таким недоумением. Я не из Джорджии, я всю жизнь мечтала о сестре и я...

— Она умерла.

Лиза со стуком поставила стакан на стол и всплеснула руками в бессильном гневе.

— Мистер Карч! И вы еще удивляетесь, что я никогда не дослушивала вас до конца?! Это же нереально!

— Хорошо, закончу кратко. Ваша сестра Шейла умерла около трех лет назад, оставив сына. Сейчас ему восемь лет, и месяц назад вы подписали документы об опеке.

— Я... что сделала?

— Вы дали согласие стать его опекуной. Через несколько дней мальчик будет здесь. Сейчас он в детском доме.

— Погодите. Я... разве я могу быть его опекуной?

— Лично я не отдал бы вам в опеку даже морскую свинку, но по закону — вполне. Вы совершеннолетняя, вменяемая, под судом не были...

— Но у меня нет денег!

— Это неважно. У него есть. Этот дом и довольно внушительный счет в банке.

— Погодите...

— Вот что, Лиза. Для вас это единственный шанс жить в нормальных условиях. Разумеется, не в тех, к которым вы привыкли, но вполне сносных. Как опекунша, вы будете получать ренту, содержание, которое должна будете разумно тратить в интересах мальчика, не забывая и о себе. Посмотрите правде в глаза — работать вы не умеете, зарабатывать не сможете. Пожалуй, из вас могла бы получиться неплохая жена — хорошенькая и глупенькая, но...

— Мистер Карч, вы забываетесь!

— Вовсе нет. Просто высказываю то, о чем молчал все эти семь лет. Так вот, и с этим тоже ничего не выйдет. Теперь они на вас не женятся.

— Кто это — они?

— Ваши приятели в «роллс-ройсах». Все эти Ханты, Истерны, Макларены и иже с ними.

— Вы просто... просто злобный старик! Назло вам выйду замуж! И не нужна мне никакая рента! И дом этот дурацкий, пусть забирают!

Мистер Карч поднялся и взял со стола шляпу.

— Вы увидите, что я прав, буквально на днях. Всего доброго, мисс Кудроу. Бумаги я пришлю по почте. Отныне у вас нет личного поверенного, так что либо беритесь... хм... за ум сами, либо

ищите нового.

Мистер Карч церемонно поклонился и вышел. Лиза досчитала до пяти и изо всех сил швырнула стаканом в закрытую дверь. Потом рухнула в кресло и с наслаждением зарыдала.

2

В следующие несколько дней Лиза Кудроу развила бурную и совершенно несвойственную ей деловую активность. Продиктована была эта активность в основном соображениями мести — пусть, пусть этот негодяйский мистер Карч увидит, как прекрасно она справляется с любыми трудностями!

Несколько раз изучив вдоль и поперек все документы, присланные Карчем, и ничего в них не поняв, она отправилась в банк. Там с ней обошлись вполне вежливо, однако особого восторга, как бывало раньше, не изъявили. Подтвердилось следующее: на счете у нее три тысячи шестьсот пятьдесят четыре доллара восемнадцать центов. Лиза едва не впала в черную депрессию, однако призрак мистера Карча издевательски ухмыльнулся из жаркого марева, струившегося по улицам Батон-Руж, и обозлившаяся Лиза отправилась домой.

Целый день был посвящен телефонным переговорам с различными компаниями, магазинами, магазинчиками и лавками. В результате еще через сутки из дома исчезли все до сих пор нераспакованные коробки с обувью, пакеты с одеждой и футляры с драгоценностями, а роскошный серебристый «ягуар» в гараже чудесным образом превратился в неплохой, но явно подержанный «форд» темно-зеленого цвета.

На следующее утро Лиза вновь посетила банк и с плохо скрываемым торжеством положила на свой счет двадцать одну тысячу долларов. Жить стало немного веселее. В тот же день она устроила себе развлечение под названием «Посещение Супермаркета и Расчет Наличными» — для человека, всю жизнь расплачивавшегося по карточке, это оказалось настоящим аттракционом.

В одиннадцать вечера Лиза гордо повязала себе новый хозяйственный передник и собственноручно приготовила целую тарелку кукурузных хлопьев с молоком. Это отняло у нее последние силы, и спала она в ту ночь сном младенца.

Остаток недели был посвящен внимательному изучению документов об опеке. Вечером в пятницу Лиза пришла к выводу, что для этой роли она совершенно не подходит, решила отказаться, засунула документы в стол и отправилась наряжаться — по пятницам в ресторане «Шато-Роял» ее компания зажигала с одиннадцати вечера и до рассвета.

* * *

Как выяснилось по дороге, «форд» невыносимо вонял бензином. В открытом «ягуаре» таких проблем не было. Лиза с облегчением затормозила около залитого огнями входа в ресторан и на всякий случай побрызгала на себя духами дополнительно — чтобы забить запах бензина. Ей казалось, что теперь им пахнет весь мир.

Швейцар сурово и надменно посмотрел на непрезентабельную машину, а потом изумленно вытаращил глаза: из зеленой колымаги выпорхнула красотка Кудроу в серебристом платье и высоких сапогах-ботфортах, украшенных стразами. Приветственно махнув швейцару, дамочка скрылась в недрах «Шато-Роял».

* * *

Лиза вихрем ворвалась в привычный уголок ресторана, прочно и давно оккупированный ее друзьями и ею самой. После недели напряженного умственного труда она чувствовала себя совершенно измотанной, но одновременно и необычайно бодрой. Хотелось шампанского, танцев, флирта, поцелуев, шуток, дурацких выходок — всего того, из чего состояла ее жизнь последние семь лет.

Лиза увидела Марлен, свою подружку, и кинулась к ней с веселым возгласом, но Марлен повела себя странно. Она растерянно улыбнулась, огляделась по сторонам, неловко и стремительно поцеловала воздух около щеки Лизы — точно клюнула и, запинаясь, пробормотала:

— Не ожидала увидеть тебя, Лиз... Говорили, у тебя неприятности.

— А, ерунда! Скорее, скорее, умираю, как хочу шампанского! Джимми! Любовь моя! Привет!

Джеймс Хант помахал ей сложенными щепотью пальцами и даже со стула не поднялся ей навстречу. Зато приподнялась девица, обвинившая вокруг плеча Джимми наподобие ядовитого плюща.

— Джеймс, ты представишь меня твоей знакомой?

— Э-э... да... разумеется. Это Лиза. Мисс Кудроу. Лиза Кудроу...

— Я уже поняла, как ее зовут, дорогой.

— Да... Конечно. Лиза, это Шерилин. Моя... невеста.

Лиза почувствовала себя примерно так же, как чувствует себя человек, которого окатили ледяной водой. Огромным усилием воли она выдавила светскую улыбку и протянула руку.

— О, рада познакомиться. Надеюсь, вы не в обиде? Мы с Жи... Джеймсом давние знакомые, только и всего. Это просто шутка.

— Не сомневаюсь. Я ценю хорошие шутки.

Лиза в некоторой панике огляделась по сторонам. Она словно попала в Зазеркалье, где все привычные предметы и лица стали чужими и пугающими. За столиками сидели, смеялись, пили и разговаривали ее друзья и подруги. По крайней мере трое из присутствовавших мужчин могли претендовать на звание ее ухажеров. Могли... но почему-то не претендовали. Более того, они старательно и удачно делали вид, что Лизы здесь и вовсе нет.

Паника все туже охватывала горло тугим жгутом. Лиза медленно опустилась на ближайший стул. Почти немедленно над ее левым плечом раздался спокойный и чуть насмешливый голосок:

— Ты не могла бы пересесть, дорогуша? Это — мое место.

— А?

Лиза резко обернулась. Прямо перед ней стояла Сара Коннелли, рыжеволосая и зеленоглазая красавица. Они с Лизой всю жизнь вели скрытое соперничество за роль лидера, но внешне всегда общались очень мило. Однако сейчас в глазах Сары горел неприкрытый вызов и еще... торжество?

— Привет, Сара. Не знала, что это твое место. Сейчас подставлю стул и...

— Ты не поняла, дорогуша. Тебе лучше сесть за другой столик.

— Ты это серьезно?

— Вполне. Извини, но мы заказывали ужин на строго определенное количество человек.

— Но я же всегда прихожу по пятницам...

— Приходила. «ЛА» — понимаешь, Лиззи? Теперь тебе это вряд ли будет по карману.

— Сара!

— Не шуми. Это приличное место, здесь не кричат, не машут руками и не подсаживаются к чужим столикам. Кстати, вон за тем столиком сидят журналюги. Надеюсь, ты не планируешь развлечь читателей субботней газеты описанием скандала имени себя?

Лиза ошеломленно переводила взгляд с одного на другого... с подруг на приятелей... с Джимми на Сару...

— Вы сошли с ума? Перегрелись? Обкурились?

Сара изящным движением опустилась на освободившийся стул, и Лиза почувствовала себя еще более неловко. Словно стояла перед судом...

Если бы они смеялись. Говорили что-то обидное. Презрительно смотрели на нее. Даже это все было бы гораздо легче вынести.

Но они ее просто не замечали. Не было Лизы Кудроу, было только пустое место.

Лиза повернулась и побрела к выходу. Слезы горячей волной подступали к глазам, заволакивали мир серой пеленой, и пылали щеки, словно Лизе надавали пощечин.

Марлен, по всей видимости, решила отсидеться в дамской комнате и теперь осторожно выглядывала из нее, желая удостовериться, что Лиза уже ушла. При виде экс-подружки ярость захлестнула Лизу. Она одним прыжком влетела в дамскую комнату, толкая Марлен перед собой, и приперла ее к кафельной стенке.

— Чума Коннелли может выпендриваться, сколько ей влезет! В конце концов, она всегда мне завидовала, но ты — ты мне скажешь, в чем дело, иначе я... я с тебя весь макияж смою! В унитазе!

— Лиз, я...

— И не ври мне! Говори, что случилось? Они все грибочков с галлюциногенами поели?

Марлен извивалась в цепких руках Лизы, хотя была выше ее ростом.

— Лиз, прошу тебя... Господи, ну да, да, это все Сара.

— Что — Сара?

— Сара рассказала, что ты разорилась.

— Откуда она узнала?

— Ты что, смеешься? Ее папаша — хозяин половины банков в нашем городе. В том числе и того, где ты держала свои средства.

— Точно! Коннелли! Так я ему теперь впаю иск за разглашение коммерческой тайны и принесенный им моральный ущерб...

— Лиза.

— Что?

— Остановись.

Марлен грустно смотрела на Лизу, и в ее глазах горело теперь явное сочувствие.

— Судиться с главным банкиром нашего города — значит потерять и все оставшиеся деньги. Представляешь, во сколько встанет тебе такой процесс?

Лиза внезапно устала. Страшно устала. Ей больше ничего не хотелось. Даже шампанского.

Она вяло взмахнула рукой, отвернулась от Марлен.

— О'кей, ребята, оставайтесь при своих, а я пойду.

— Лиза, я...

— Не надо, Марлен. Поспешу, а то Сара тебя отругает.

— Мы были подругами...

— Были? Нет, не думаю. Подруги не обращают внимания на банковские счета друг друга.

Марлен закусила губу, а потом выпалила:

— Ну и пожалуйста! Была мне охота набиваться в друзья такой, как ты!

— Вот и иди... к Саре.

— И пойду! Мы, девушки одного круга, должны держаться вместе...

Лиза не дослушала, повернулась и выплыла из дамской комнаты.

* * *

Дома у нее случилась истерика — хорошая, затяжная, молчаливая истерика с битьем посуды, слезами в три потока, конвульсиями и полным изнеможением в конце.

Маленькое опухшее чудовище выползло на кухню и дрожащей рукой нацедило бокал мартини. Когда первый глоток живительной влаги достиг желудка Лизы Кудроу, в прихожей зазвенел звонок.

Прекрасно. И причесываться она не будет!

Лиза — как была, в серебристом платье и босиком, с бокалом мартини в руке и зареванным до

полной неузнаваемости лицом — спустилась вниз и открыла дверь. Если это мистер Карч и если он хоть одно слово скажет про алкоголь, то она выльет остатки мартини ему на голову.

Это был не мистер Карч. Это была высоченная и дородная монахиня, которой только в цирке выступать. С поднятием тяжестей. Из-под дурацкого чепца с рогами полной луной сияло круглое румяное лицо, украшенное курносом носом, маленькими пронзительными глазками и настоящими усами.

Монахиня оглядела Лизу с ног до головы, потом с головы до ног, потом заглянула девушке через плечо, словно надеясь увидеть собеседника, более подходящего ей по росту, потом наконец вздохнула и трубным гласом изрекла:

— Да хранит Господь этот дом. Я — сестра Фелицата. Я ищу Элизабет Гвендолен Майру Джессику Кудроу.

Лиза нервно хихикнула.

— Они все перед вами.

Сестра Фелицата строго посмотрела на девушку, и Лиза немедленно спрятала бокал с мартини за спину.

— Я пошутила, сестра. Не слишком удачно, впрочем, такой уж сегодня день, видимо. Меня зовут... все то, что вы сказали, но на самом деле Лиза. Лиза Кудроу. Я — хозяйка этого дома.

— Вот и шиш!

Последняя фраза была произнесена абсолютно детским, писклявым голосом, никак не вязавшимся с обликом величавой гренадерши Фелицаты, и Лиза с изумлением уставилась на монахиню.

— Простите?

Тяжелый вздох вырвался из могучей груди монахини, и сестра Фелицата, нагнувшись, принялась энергично рыться в широких складках своего монашеского одеяния, бормоча себе под нос:

— В геенну огненную не берут малых детей, но для тебя, Брюс Брайтон, наверняка сделали бы исключение, прости меня, Господи! Выходи! Паршивец!

Через пару секунд перед ошеломленной Лизой появился сам Паршивец собственной персоной. Сестра Фелицата простерла руку, которую иначе как дланью не назовешь, и пророкотала:

— Время позднее, так что давайте пройдем в гостиную и быстренько уладим все формальности. Я бы хотела успеть на ночной экспресс до Мемфиса.

После этого достойная невеста Христова двинулась вперед, подталкивая паршивца в спину, а Лиза вяло поплелась сзади, слишком ошарашенная, чтобы полностью осознать все, что происходит в данную минуту.

Сестра Фелицата была на удивление краткой. Она раскрыла громадный саквояж и начала извлекать из него различные предметы, оказавшиеся в основном бумажными папками и небольшими свертками. Каждое свое действие она сопровождала лаконичным пояснением.

— Свидетельство о рождении. Медицинская карта. Страховки. Судебное предписание. Молитвослов. Документы в банк. Две смены белья. Кеды. Рубашки. Запасные брюки. Пижама. Личные вещи. Это все.

Лиза, автоматически кивавшая на каждую фразу, кивнула и на этот раз, и сестра Фелицата удовлетворенно хмыкнула.

— Что ж, на этом мое участие в судьбе этого юного негодника заканчивается. Распишитесь здесь. И здесь. Храни вас Господь, причем желаю вам этого абсолютно искренне.

С этими напутственными словами сестра Фелицата поплыла к двери, и тут Лиза опомнилась и кинулась следом.

— Погодите! Вы не можете так уйти! Я не хочу! Я не могу!

— Мне нужно успеть на экспресс. Всего хорошего.

— Но я...

Лиза с размаху налетела на закрывшуюся за монахиней дверь и в отчаянии вцепилась в дверные косяки. Через несколько мгновений у нее за спиной раздались шаркающие шаги, и мальчишеский голос с хрипотцой произнес:

— Да-а, в первый раз такое вижу.

Лиза сердито буркнула, не поворачиваясь:

— Чего ты еще видишь?

— Ну чтоб я такой ужас внушал с первого взгляда. Обычно дня два все они еще крепились.

— Кто — они?

— Опекуны, кто же еще. Приемные маменьки и папеньки. Но ты, как я понимаю, и в самом деле моя родственница. Тетка, значит? Здорово, тетка.

Лиза медленно развернулась, отвела волосы, упавшие на глаза, одернула платье...

На скуластом личике малолетнего паршивца отразилось искреннее сочувствие.

— Я гляжу, ты выпиваешь? Печально. В этом случае мы долго не продержимся. Прискачет комиссия по опеке, начнет охать и ахать, а потом меня спасут от твоего тлетворного влияния. Ты вот что, тетка, давай договоримся...

— Прекрати меня так называть!

— Почему? Ты же мне тетка по-взаправдашнему.

— Меня зовут Лиза! А тебя... кстати, а как тебя зовут?

— Брюс. Будем знакомы, тетка.

И паршивец с абсолютно серьезным выражением лица протянул Лизе не слишком чистую ручонку. Через секунду Лиза с диким воплем отдернула руку и отпрыгнула в сторону.

Паршивец скромно улыбнулся.

— Извини. Не думал, что так клево выйдет.

— Что... что это было?!

— Батарейка и проводки, маленький моторчик в кармане. Чего ты разоралась, не больно же.

— Противно. Как будто таракан по ладони бегаёт.

— Во, так и надо. Ладно, не буду больше. Все, давай показывай мне мой дом.

И удивительный ребенок отправился на экскурсию по дому, а Лиза — Лиза Кудроу! — бежала за ним на полусогнутых, отвечала невпопад и чувствовала себя малолетней школьницей, к которой неожиданно пришел в гости одноклассник ее старшего брата.

Зато по дороге она смогла лучше разглядеть юного гостя. То есть... хозяина?

Паршивец был на самом деле мальчиком восьми лет. Ничего выдающегося — восемь ему было, на восемь он и выглядел. Белобрысый, зеленоглазый, на загорелом скуластом личике россыпь золотистых веснушек. Волосы густые, подстрижены коротко, но неряшливо, поэтому напоминают соломенную копну. Весь из локтей и коленок — наверняка и то, и другое у него ободранное и ссаженное. Одет...

В Батон-Руж детских приютов не было. Приютских детей Лиза видела всего один раз, в Париже, и на всю жизнь запомнила острое чувство неловкости: она, расфуфыренная и счастливая дурочка с мороженым, — и серая вереница худеньких, бледных, одинаковых детишек.

Паршивец Брюс был одет в приютскую казенную одежду. Мешковатые джинсы, обтрепанные снизу, были подхвачены несуразным ремнем, клетчатая рубашка застегнута под самое горло, из коротких рукавов кургузого пиджачка высовываются стиснутые кулаки...

Только по этим кулакам Лиза и догадалась, что на самом деле парнишка нервничает. Просто не показывает вида, да еще и подзадоривает ее, Лизу, чтобы скрыть собственную неуверенность, а то и страх.

Стремительно обойдя все три этажа, Паршивец вернулся к исходной точке в гостиной и со вздохом вынес вердикт:

— Ясно. Пьющая мать — горе семьи. Хорошо, что я вовремя приехал, иначе ты бы этот дом совсем до ручки довела.

— Знаешь что, Брюс, ты бы все-таки...

— Я тебя не виню. Алкоголь — страшное дело. Есть чего поесть?

— Что? А... да... да, конечно... ты извини, я тебя сегодня не ждала, так что... только хлопья с молоком, будешь?

На скуластом личике загорелось прям-таки безбрежное удивление, смешанное с возмущением.

— Что значит — не ждала? Ты моя опекунша! Где, положим, моя комната? Где игрушки? Где настоящая железная дорога, мяч, кока-кола, ведро мороженого? Тетка! Ты что, не знаешь, чего

нужно детям?

И хотя тон у юного нахала был явно клоунский и смотрел он на Лизу с веселой насмешкой, но ей стало вдруг невыносимо, отчаянно стыдно перед этим восьмилетним парнишкой.

Она, взрослая избалованная дура, расклеилась и расхныкалась из-за того, что ее приятели оказались идиотами, а маленький мальчик, у которого на всем белом свете нет ни одного близкого человека, находит в себе силы смеяться, шутить, осваиваться на новом месте...

И в который раз за эти дни Лиза разрыдалась. Она села на корточки и уткнулась лицом в коленки — как в детстве. А через секунду почувствовала, как ей на плечо легла маленькая теплая ладошка, и голос Паршивца Брюса произнес:

— Ты не плачь, тётка... Лиза. Мы теперь зато вместе. Вдвоем. Это уже не страшно. Теперь мы справимся.

Она вскинула на него зареванное, страшное лицо — а он хмыкнул и подмигнул ей.

— А готовить я тебя научу. Ничего сложного. Пока давай, тащи хлопья.

* * *

На ночь она устроила Брюса в собственной комнате, потому что, как ни стыдно ей было в этом признаться, больше ни одна из комнат в доме для жилья пригодной не была. Всюду пыл и запустение, дурацкие чехлы на мебели и заклеенные папиросной бумагой стекла.

Брюс заснул быстро и тихо, и Лиза не выдержала, осторожно подошла к нему на цыпочках, наклонилась. Во сне лицо мальчика стало совсем детским, на нем появилось беззащитное и доверчивое выражение, а потом ребенок вдруг длинно и горестно всхлипнул во сне. Этого слабые нервы Лизы выдержать уже не могли, и она на цыпочках бежала из комнаты в гостиную, где и провела остаток ночи на диване.

Перед самым пробуждением Лизе снились очень добрые, хорошие и правильные сны. Сны про то, какой замечательной опекуной она станет для белобрысого мальчишки, про то, как они вместе катаются по детской железной дороге, про то, как...

— ТЕТКА!!!

Лиза рывком села на диване. Серебряное платье впилось в тело не хуже колючей проволоки, после вчерашних рыданий почти не открывались глаза, волосы на голове приобрели плотность и структуру прошлогоднего вороньего гнезда. В животе бурчало, во рту плавал отвратительный привкус вчерашнего мартини и кукурузных хлопьев. Полный набор начинающей алкоголички!

Брюс Брайтон, напротив, был свеж и весел, словно птица на ветке дерева. Скорее всего, он не умывался, и уж без всяких сомнений — не причесывался, однако его свежести это почему-то не вредило.

— Подъем! Утро на дворе.

— Ты чего орешь-то? Который час?

— Уже девять.

— Сколько?! Ты с ума сошел, да?

— Сама ты! Ребенку пора завтракать. Между прочим, в приюте мы вставали в шесть, а ели в семь.

— Ужас какой! О Боже, на чем же это я спала...

Брюс критически обозрел свою опекуницу и заметил:

— Надо брать себя в руки, тетка. Ты катишься по наклонной плоскости. Ничего, я за тебя возьмусь. Пошли есть.

— Опять хлопья...

— Зачем? Я их выкинул вообще-то. Нормальный завтрак будем есть.

С этими словами Брюс распахнул дверь в кухню — и Лиза застыла на пороге, вытаращив глаза до пределов возможного.

Кухня была наполнена теплыми утренними ароматами. Кофе, горячие тосты, поджаренный бекон... Небольшой стол был покрыт клетчатой скатертью, на нем стояли две кружки, две тарелки, вазочка с джемом, масленка, молочник.

Честно говоря, Лиза понятия не имела, что все это у нее есть — скатерть, вазочки, кружки... Она уже лет пять не завтракала дома. Да и вообще — только в ресторанах. И уж во всяком случае — не на собственной кухне.

Она осторожно примостилась на стуле, а Брюс, пыхтя, стащил с плиты сковородку с яичницей и беконом. Бурчание в животе стало громогласным, и Лиза невольно облизнулась. Оказывается, есть хотелось очень сильно.

Десять минут на кухне царил тишина, если не считать звона вилок о тарелки, ложек об стенки кружек и довольно явного чавканья. Потом Лиза вдруг опомнилась, поставила кружку на стол и ошеломленно уставилась на мальчика.

— А... где ты, собственно, это все взял?

Брюс и глазом не моргнул. Тон у него был серьезный и немного трагический.

— Это я, тетка, с утра пораньше пошел к вашей местной церкви и стал просить хлебушек. Денег не просил принципиально, только еду. Накидали добрые люди, кто — яичко, кто — джема баночку...

— Кто — кофе.

— Да. Хорошие люди попались, не жмотные.

— Я серьезно спрашиваю. И не зови меня теткой!

— Не сердись. Я отвыкаю, но медленно. А если серьезно — все это было у тебя в холодильнике и в буфете. Надо полагать, ты сюда редко заглядываешь?

— Совсем почти не заглядываю.

— Я сразу догадался.

— Почему это?

— Потому что тут убрано и полный порядок.

Лиза возмущенно фыркнула — и тут же улыбнулась. Паршивец обладал острым языком, но слушать его было интересно.

— Сдаюсь. Ты совершенно прав. Я никогда в жизни не занималась хозяйством. У меня есть приходящая уборщица, она убирается в гостиной и спальне...

— И еще в кухне. И закупает тебе на всякий случай продукты. В заморозке полно мяса и курицы, сегодня наедемся от пуза. Но сначала нам предстоит поработать. Доедай — и пошли.

Сейчас он говорил совершенно серьезно, этот восьмилетний мальчуган с соломенными волосами, и Лиза изо всех сил постаралась сдержать улыбку.

— Слушаю, мой генерал. Каков же план?

— Смеяться будешь потом, когда все сделаем. Я тут подумал, пока готовил...

— Кстати, где ты научился? Все было просто потрясающе!

— Яичницу?! Тетка, ты совсем одичала, я смотрю. Разве сложно вскипятить воду для кофе и пожарить яйца?

— Н-нет, но я...

— Никогда не пробовала. Понятно. Не все сразу. Придумал я вот что: этот дом офигительно большой. Нам двоим такая махина ни к чему. Предлагаю обосноваться на первом этаже.

— Но моя спальня на втором...

— А будет на первом. Смотри — кухня, гостиная и еще две комнаты.

— Это комнаты для гостей.

— Гости у нас пока не предвидится, а будут — так проживут в твоей спальне на втором этаже. Зато нам будет легче убираться и меньше платить за свет и отопление...

Восьмилетний малыш разглагольствовал, а Лиза смотрела на него с искренним почтением и неприкрытым восторгом. Брюс сообщил ей, что затраты уменьшатся ровно вдвое, что они смогут сэкономить астрономическую сумму в пятьсот долларов ежемесячно, а потом решительно поднялся из-за стола и указал Лизе на дверь.

— Переодевайся во что-нибудь, тетка. Начинаем Большую Уборку.

И Лиза Кудроу даже не подумала послушаться.

* * *

Они не разгибали спины до пяти часов вечера. В результате был чисто вымыт весь первый этаж дома, две небольшие комнаты для гостей превратились в спальни Лизы и Брюса, на столе

в гостиной появилась шикарная ваза с цветами, а из кухни уже потянуло ароматом запекаемого мяса. Духовку Лиза включала впервые в жизни, под руководством Брюса, обожгла три пальца и чуть не опалила челку. И теперь, совершенно обессиленные, но очень довольные собой, опекунша и воспитанник сидели на крыльце, вытянув гудящие ноги, и жмурились на вечернее, но все еще жаркое солнце.

Лиза лениво думала о том, что сейчас она примет душ и переоденется, а потом — потом надо загнать в душ Брюса. Детей надо приучать к чистоплотности... гм, кто бы говорил. Этот мальчик безжалостно и умело учил ее убираться, мыть полы, отжимать грязные тряпки — всему, что женщина должна бы уметь делать сама...

— Брюс?

— Чего?

— Не чего, а что.

— Ну че?

— Не че, а... ладно, неважно. Ты всему этому в приюте научился?

— Неа.

— Как? А где?

— Где-где, дома. Я в приюте недавно. Всего три года. Да и то...

— Чего?

— Не чего, а что, тетка. Короче, меня все время брали на усыновление, а потом отдавали.

— Безобразиие.

— Еще чего! Хорошо, что отдавали. А то мне пришлось бы с ними всю жизнь жить. Одна баба, к примеру, была повернута на религии. Заставляла меня псалмы учить. У нее было своих двое, и им я здорово не нравился.

— Дрались?

— Ага. Да ну их. Я от них сбежал.

— В приют?

— Не, в порт. В Кливленд. А оттуда уж копы меня вернули в приют.

— Брюс... а в приюте плохо было, да?

— Почему плохо? Нормальна. Там же монашки. Им драться запрещено. Только в церковь часто ходить приходилось, да еще по ночам холодно... Одежда там тонкие, не то что у тебя... то есть у меня.

Опять помолчали. Лиза внезапно помрачнела. Она совсем ничего не знает об этом мальчишке, они знакомы неполные сутки, но он ей уже очень нравится, и еще его очень жалко, но это нельзя, ни в коем случае нельзя показывать, иначе он и от нее сбежит, и тогда его опять

отправят в приют, и виновата будет она, Лиза...

— Ты чего ревешь?

— Ох... Я задумалась, извини.

— Задумалась она! Мясо надо посмотреть. Пошли.

И она покорно последовала за своим учителем-мучителем. По дороге на кухню Лиза смотрела в тощую спину, обтянутую клетчатой рубашкой, и внезапно ее осенило.

У него же нет одежды! У восьмилетнего мальчишки нет ничего, кроме приютского серого белья, второй пары поношенных брюк да кошмарного пиджачка! А она, его дурацкая опекунша, думает о том, во что переоденется сама после душа!

— Брюс?

— Чего? То есть... что?

— У меня есть одна идея. Давай после обеда съездим в магазин?

— И купим мороженого. Давай.

— Не только. И... железную дорогу, если захочешь.

Ребенок посмотрел на Лизу с такой снисходительно-терпеливой улыбкой, что она немедленно залилась краской. А Паршивец Брюс тут же подошел и похлопал свою бестолковую тетку по плечу.

— Не расстраивайся, Лиза. Ты хорошая тетка, это сразу видно. А железная дорога мне на фиг не нужна. Лучше давай купим кроссовки. Если можно.

— Конечно! Конечно, можно! И нужно! Пошли в душ, потом поедим и поедем.

Как ни странно, на душ Брюс согласился почти безропотно, только категорически отказался пускать в ванную Лизу. Вымылся сам и явился в гостиную в халате, растрепанный и румяный. Лиза немедленно умилилась и почти прослезилась при виде этого маленького ангела, но ангел не дремал и вернул ее на грешную землю.

— Давай быстрее, есть охота, а от тебя несет, как от козла... то есть от козы.

Лиза возмущенно фыркнула, но воспитание решила отложить на потом.

Душ придал ей бодрости, а свежая футболка и светло-голубые джинсы пахли любимыми духами, и из ванной Лиза выпорхнула совсем другим человеком. Брюс это тоже оценил — одобрительно щелкнул языком и заметил:

— Супертетка! Так и не видно, что ты зашибаешь. Ладно, ладно, не сердись, ты действительно клево выглядишь. Пошли есть.

И они пошли на кухню есть мясо. Разумеется, за свою жизнь Лиза посетила массу хороших ресторанов, в которых готовили куда более изысканные мясные блюда. Но еще никогда она не набрасывалась на обед с таким аппетитом.

Потом они пили сок, а Брюс рассказывал Лизе, в чем можно мариновать мясо, чтобы при запекании оно не стало сухим и жестким.

— ...Еще можно сунуть его в обычный йогурт, даже фруктовый. А индейцы делают вообще зашибись: зарывают мясо в землю, разводят на этом месте большой костер и поддерживают его три дня. После этого дают золе остынуть и выкапывают мясо.

— Откуда ты все это знаешь, Боже милостивый...

Неожиданно мальчик помрачнел и резко встал из-за стола.

— От мамы. Мы с ней любим читать. Любили...

Нахлынувшая жалость заставила Лизу задохнуться, она едва не бросилась к Брюсу — но буквально напоролась на яростный зеленый огонь его взгляда. И поняла каким-то внутренним чутьем, что жалеть нельзя. Совсем.

* * *

В машине он еще молчал и смотрел в сторону, но в супермаркете оттаял, а в отделе игрушек Лиза с удовлетворением увидела перед собой обычного восьмилетнего ребенка. Хохочущий Брюс с воплями кувыркался в бассейне, наполненном воздушными шарами, съезжал по пластиковой горке и в один миг подружился с остальными маленькими посетителями детской площадки. Лизе стало жаль его отвлекать, и она подозвала продавщицу.

— Скажите, вы можете определить размеры на глаз?

— Конечно, мисс, это наша работа. У вас приблизительно...

— Нет-нет, не мне, вон тому мальчику... в кошмарной клетчатой рубашке. Восемь лет.

— Понимаю. Да, это довольно просто. Он немного выше и крепче своего возраста, но хорошо сложен.

Лиза решительно кивнула, чувствуя странное блаженство, разливающееся в груди.

— Тогда так: полный набор. Белье, носки, джинсы, шорты, футболки, пару приличных костюмов на выход, куртки зимнюю и осеннюю... В общем — все! Возьмите мою карточку, проверьте счет и исходите из него.

— Слушаю, мисс. Обувь придется примерить...

— Хорошо, это он выберет сам.

Через полчаса Лиза с удовлетворением взирала на прилавок, заполненный свертками и пакетами, сумками и коробками. Подбежавший Брюс, запыхавшийся и румяный, скользнул по этой горе взглядом и нетерпеливо подергал Лизу за рукав.

— Здесь просто классно! Лиза, можно мне еще пять раз скатиться?

— Конечно. Только сначала выбери кроссовки — я же не знаю, какие тебе понравятся.

Мальчик повернулся к стеллажам со спортивной обувью и нахмурился.

— И я могу... выбрать любую пару?

— Все, что угодно. И не одну.

Случилось чудо — Паршивец смутился. Неуверенным жестом он указал на пару действительно симпатичных, но отнюдь не самых навороченных кроссовок, и тогда Лиза решительно добавила к ней еще одну, с фонариками на пружинящей подошве.

— Я пока буду расплачиваться, а ты можешь прокатиться на электромобиле.

— Серьезно? Лиза, я, правда, могу...

— Все, что захочешь. Держи десятку.

Лиза смотрела вслед Брюсу и чувствовала себя счастливейшим человеком на свете. Продавщица с улыбкой заметила, освобождая покупки от магнитных бирок:

— Мальчонке просто повезло с приемной мамой.

Лиза резко повернулась, словно ее ужалили.

— Почему вы считаете, что я его приемная мать?

Продавщица пожала плечами.

— На мальчике приютская одежда, это сразу видно. Вы одеты дорого. Берете ему сразу весь гардероб. Кроме того, вы слишком молоды, чтобы быть ему родной матерью. Ну а постороннего ребенка вы вряд ли захотите облагодетельствовать по полной программе...

— Он — мой племянник. Но насчет детского дома вы правы. Он совсем недавно переехал ко мне.

— Вы молодец, мисс. Не всякая девушка вашего возраста решится взвалить на себя такую обузу. К тому же детдомовские... с ними много хлопот.

— О, это не про моего. Скорее, ему нелегко со мной. Спасибо. Мне помогут отнести все это в машину?

— Разумеется. Вот дисконтная карта детского отдела. Уверена, вам она пригодится. Всего доброго и спасибо за покупки.

— Всего доброго.

Служащий гипермаркета нес большинство вещей, а Лиза налегке шла к выходу, намереваясь забрать Брюса по дороге. Мальчик уже заметил ее и махал ей рукой. В этот момент за спиной Лизы раздался хорошо знакомый вкрадчивый голос Сары Коннелли:

— Поглядите-ка, кого кот принес! Дорогая, ты подрабатываешь бэбиситтингом? Похвально, похвально. В твоём положении выбирать не приходится.

Лиза резко развернулась и оказалась лицом к лицу со всей честной компанией. Маячила на заднем плане Марлен, глупо улыбался Джимми Хант, обвитый по рукам и ногам своей гибкой невестой Шерилин, с каменным лицом стоял Джастин Магуайр, сын нефтяного магната, ну а впереди источала мед и яд рыжекудрая чума Сара.

Еще вчера Лиза была унижена этими людьми, растерянна и беспомощна, однако сегодня все волшебным образом изменилось. Почему-то она чувствовала себя сильной. Очень сильной. И независимой. Кроме того, как выяснилось секунду спустя, манера речи Паршивца Брюса Брайтона оказалась заразной.

— О, кого я вижу! Цвет нации и гордость Батон-Руж. Прекрасно выглядишь, Сара. Привела ребят на экскурсию?

— Знаешь ли, собираемся на Багамы, решили сами прошвырнуться по отделу для дайвинга.

— Смотрите, не заблудитесь. Шерилин, душенька, не стискивай так Джимми, он уже совсем малиновый.

— Я... э-э... собственно...

В изумрудных глазах Сары плеснула тревога. Изгой Лиза не выглядела изгоем. Это настораживало. В этот момент из толпы вынырнул Брюс в обнимку с ведром мороженого.

— Я взял разного. «Тирамису», «Вишневый восторг» и «Лимонное с шоколадной крошкой». Пошли?

Сара немедленно воспрянула духом.

— Бож-же, Лиза! Где ты откопала это сокровище? Неужели слухи, дошедшие до меня, оказались правдой, и этот бедный приютский малыш...

— Сара, тебе лучше заткнуться.

Брюс безмятежно поинтересовался:

— Тетка, это наши друзья?

— Не особенно.

— Особенно рыжая?

— Ты прав.

— Чисто выдра. Или нутрия. Я видел в зоопарке. Воняет там...

Сара смерила Брюса уничтожающим взглядом.

— Ах ты, маленький нахал...

— Тетя, а у вас лифчик выпал.

— Что?! Где!? Хулиган! Впрочем, чего еще можно ожидать от незаконнорож...

Лиза забрала у Брюса из рук ведро с мороженым и задумчиво поинтересовалась:

— Мы же ведь не жадные, правда, Брюс?

— Неа.

— Мы мороженого еще купим. Три ведра.

— Конечно.

— Ну, тогда огонь!

Полторакилограммовое пластиковое ведро мороженого, как оказалось, идеально подошло по размеру Саре Коннолли. В качестве головного убора для дайвинга. На несколько секунд в галдящем океане посетителей гипермаркета образовалось нечто вроде оазиса мертвой тишины — как в самом центре смерча. Воспользовавшись этой паузой, Лиза Кудроу и Брюс Брайтон неторопливо и с достоинством покинули магазин.

4

Брюс терпел сколько мог, но в машине дал волю чувствам, и Лиза получила свою долю восторгов и комплиментов.

— Это было потрясно, тетка! Ведро мороженого на голову! И все молчат! У них челюсти прям отвалились. Класс! Я бы сдрейфил.

— Одно плохо.

— Чего? В смысле — что?

— Мы остались без мороженого.

— Это ерунда. На бензоколонке купим. Там даже лучше. В маркетах оно вечно лежит по полгода, а в маленьких магазинах расходуется влет.

— На... бензоколонке? Там есть продукты?

— Лиза, ну ты даешь! Как ты протянула без меня столько лет? На бензоколонках никогда не была?

— Была, но там мне заправляли полный бак и...

— Ясно. Это твоя компания?

— Уже нет.

— Это хорошо. Рыжая выдра мне не понравилась.

— Мне тоже.

— А этот, малиновый?

— Что — малиновый?

— Ну... он на тебя как-то так смотрел... так вот!

И Брюс вытаращил глаза и скосил их к носу.

Лиза прыснула.

— Это Джеймс. Он был моим... Короче, я думала, что он в меня влюблен.

— Ясно. А его на самом деле окучила эта вьющаяся тетенька.

— Брюс! Это совершенно не твое дело. Ты еще маленький.

— Да ладно тебе. Тормози, вон колонка. Лиза высунулась из окна и смотрела, как Брюс покупает мороженое. Что-то говорит продавцу, пожилому пузатому дядьке, оба смеются, и дядька треплет Брюса по голове, протягивает ему леденец на палочке...

Новые, неизведанные чувства затопили Лизу Кудроу с головой. Она, избалованная красотка Лиза, в жизни не поднявшая ничего, тяжелее вилки, сидит в дешевом «форде» и не может отвести глаз от восьмилетнего пацана. Она только что покинула гипермаркет, НЕ КУПИВ СЕБЕ НИ ОДНОЙ ВЕЩИ. Зато накупила ворох детской одежды и игрушек и испытывает от этого неподдельный восторг, предвкушает, как Брюс все это наденет...

Конечно, он не девочка и никакой радости от примерки испытывать не будет, но ему должно понравиться, обязательно должно понравиться, и если она увидит на загорелом мальчишеском личике счастливую улыбку, то и сама будет счастлива...

Брюс шлепнулся на сиденье рядом с Лизой и немедленно прислонил заиндевевшее ведерко с мороженым к ее голому плечу. Лиза заорала от неожиданности, и Паршивец скромно улыбнулся.

— Я боялся, что ты впала в кому. У тебя было на редкость глупое лицо.

— Знаешь, что, Брюс...

— Не сердись, тетка. Я просто пошутил. Ты лучшая в мире тетка. Едем домой.

И они приехали домой, и Брюс побежал вперед, пока она парковала машину, а когда она вступила на песчаную дорожку, ведущую к крыльцу, окна первого этажа осветились теплым желтым светом, и это было так здорово — возвращаться в дом, на пороге которого тебя ждет восьмилетний пацан, приплясывающий от нетерпения...

— Эй! Я сейчас надорвусь. Помоги мне.

— Что это?

— Твои обновки.

— Лиза! Я же выбрал только кроссовки...

— И я немножко добавила. Пожалуйста, Брюс, примерь все прямо сейчас! Я ведь никогда ничего такого не покупала, я волнуюсь, что промахнулась с размером.

Мальчик насупился и с тяжелым вздохом кивнул.

— Ладно. Только чтоб никаких «пройдись» и «повернись». Я просто надену и сниму, ладно?

— Ладно. А я сделаю сок к мороженому.

— А ты сумеешь? Шучу, шучу.

И Брюс корчил рожи, страдальчески смотрел в небо, ковырял в носу и выворачивал носки в стороны, сопел и кряхтел, изображая недовольство примеркой, но Лиза видела, что ему нравятся все новые вещи. Оставшись напоследок в голубых широких джинсах, новых кроссовках и черной футболке с флуоресцентным рисунком, Брюс метнулся в комнату и вынес

свое старое тряпье в пакете.

— Лиза, исполни мою просьбу, последнюю. Пожалуйста!

— Конечно, а в чем дело?

— Можно, мы сейчас разведем в саду костер и спалим это все?

В голосе мальчика звенело такое отчаяние, что у Лизы мурашки по спине побежали. Она понимала, что сейчас чувствует Брюс. Потертые и несурзные тряпки символизировали для него сиротскую, приютскую жизнь, одиночество и тоску, неизбежное горе маленького ребенка, оставшегося без мамы... Лиза шагнула к нему и решительно обняла. Мальчик доставал ей почти до плеча.

— Немедленно разведем костер и сожжем все до единой тряпки. Тащи из ванной трусы и носки!

— Они мокрые...

— А мы их обольем бензином!

Через четверть часа посреди лужайки перед домом пылал костер. Лиза и Брюс стащили в него толстые сухие сучья из сада, картонные коробки, а потом Лиза плеснула в разгоравшийся огонь немного бензина. Пламя взметнулось вверх. Через пять минут Брюс с мстительным удовольствием начал швырять в огонь тряпки.

Было в этом что-то языческое, и они даже исполнили нечто вроде ритуального танца вокруг огня, а потом вытащили на лужайку стулья и ели мороженое, запивая его свежавыжатым апельсиновым соком. Потом Брюс стал клевать носом и в конце концов уснул, положив голову на плечо Лизе.

Она сидела возле догорающего костра, боясь пошевелиться. Иногда осторожно поворачивала голову и нюхала шелковистые волосы мальчика. Это был какой-то удивительный, свежий и душистый аромат, несравнимый ни с одними духами в мире.

Звезды перемигивались в небе, луна вовсю расплескивала вокруг серебро, и цикады звенели, словно оркестр в Альберт-холле...

* * *

Понеслись дни, полные забот и новых открытий. Будь Лиза чуть поменьше занята, она бы непременно поразилась тому, как резко и кардинально переменилась ее жизнь. Словно в тяжелом сне, остались где-то далеко фальшивые друзья и подруги, светская жизнь, дорогие вечеринки, катание на яхтах, ночные клубы и блестящие шмотки. Теперь ее утро начиналось непривычно рано, зато весело. Брюс Брайтон оказался ребенком, органически неспособным жить спокойно и без всяких выкрутасов.

Иногда он будил ее гонгом, раздобытым где-то на чердаке, иногда подсовывал под одеяло только что пойманную лягушку. Чем громче визжала Лиза, тем больше удовольствия получал Паршивец и тем изобретательнее становились его затеи.

При этом несомненным главой их маленькой семьи оставался именно Брюс. Под его суровым и беспристрастным руководством Лиза Кудроу постигала азы кулинарии и домашнего хозяйства,

училась самостоятельно вкручивать лампочки и варить супы, мыть окна и смазывать дверные петли.

Отдельной дисциплиной в обучении стоял поход за продуктами. Лиза, двадцать три года прожившая в Батон-Руж, до сих пор и понятия не имела, где находится огромный продуктовый рынок, на котором все продукты можно было купить дешевле в несколько раз, чем в супермаркете. Если же они все-таки попадали в супермаркет, Брюс, этот маленький пронирливый дьяволенок, мгновенно ориентировался в скидках и бонусах дня, шнырял по отделам, набирал полную тележку совершенно — с точки зрения Лизы — бесполезных товаров, а в результате Лиза платила за всю гору всего несколько долларов.

Брюс в два дня свел знакомство с молочником, развозившим молоко по утрам, и хозяином небольшой пекарни в квартале от их дома. Лиза обоих знала в лицо, но раньше ей и в голову не приходило с ними познакомиться.

Два раза они ездили на пикник, подальше от города. На песчаных отмелях Миссисипи загорали, ловили крошечных речных крабов, строили дворцы и крепости...

Это была неделя беспробудного, удивительного счастья. Молодая девушка и маленький мальчик привыкали друг к другу, становились друзьями, и теперь обоим казалось, будто они знакомы уже целую вечность.

* * *

Вечером в воскресенье они, как обычно, сидели на лужайке перед костром. Чтобы не испортить газон окончательно, для огня они приспособили старый металлический бак, валявшийся в садовом сарае.

Лиза лениво кидала в огонь маленькие веточки, а Брюс просто смотрел на пламя, слегка приоткрыв рот. Девушка сама не знала, почему начала этот странный разговор...

— Брюс, а ты хорошо помнишь маму?

— Еще бы! Я и не забывал никогда. Мне ведь было уже пять лет, когда она...

— Я... ты прости... я просто вдруг подумала — ведь она была моей сестрой, а я даже не знала о ее существовании. А мне всю жизнь хотелось сестричку. Или братика.

— У тебя ведь тоже не было мамы?

— Ни мамы, ни папы. Они погибли, когда я была совсем маленькая. Я их почти не помню.

— Маму я помню. А вот отца — нет.

Лиза мгновенно напряглась. Наверное, не стоит говорить об отце, которого у мальчика никогда не было...

— Лучше расскажи про маму. Какая она была?

— Хорошая. На тебя не очень похожа. Взрослая. Мы с ней были друзья. Она меня всему учила. А я учу тебя.

— Да уж. И научил очень многому. А где вы жили?

— Много где. Когда я был маленький... ну, совсем маленький, то в Англии. У папы.

Лиза запаниковала. Не было там никакого папы! Мистер Карч ничего про папу не говорил!

Брюс искоса посмотрел на взволнованную и смущенную тетю, а потом спокойно промолвил:

— Ты не тушуйся, Лиза. Тебе, небось, сказали, что у меня папы нет? Так это ерунда. Он у меня был. Просто они с мамой долго не женились. Очень долго. И у мамы была ее собственная фамилия, а у меня — папина. Брайтон. Так что я никакой не незаконный.

— Что ты, я совсем и не думала...

— Когда мама умерла, никаких документов папиных не нашли. Поэтому решили, что у меня его нет.

— Тогда... где же он?

— В Англии. Он там умер. Если б не умер, стал бы настоящим графом, жил бы в замке.

Лиза с облегчением вздохнула, украдкой. Это она помнила еще из занятий в колледже, по психологии. Если ребенку чего-то не хватает, он себе это придумывает. Карлсон, который живет на крыше. Папа-граф, который живет в замке. Надо просто сменить тему...

Брюс сердито дернул ее за рукав.

— Не смотри на меня, как на грудного младенца без мозгов! Я говорю правду.

— А я что, я ничего...

— Ты мне не веришь. Думаешь, я все выдумал.

— Нет, не думаю.

— Думаешь! А я могу тебе еще и дальше рассказать. У папы был брат-злодей. Он стал графом вместо папы, и папа умер.

— Значит, у тебя дядя-граф есть...

— Я тебя щас как стукну, тетка! Не буду с тобой жить! Ты мне не веришь.

— Да верю я, верю. Ну их, графов.

— Я вырасту и убью его.

— Здрате! Никого ты убивать не будешь!

— Буду! Потому что если бы папа не умер, они бы с мамой поженились и мама тоже не умерла бы, и мы сейчас все были бы вместе, и даже у тебя была бы сестра, понятно?! А так — все из-за этого дяди!

Брюс замолчал, словно ему рот заткнули, уставился на костер, скрестив руки на груди, и Лиза увидела, как подозрительно блестят его зеленые кошачьи глаза...

Вечер был испорчен. Брюс ушел спать, едва буркнув слова прощания, а Лиза еще долго

ворочалась в своей кровати.

Как жаль, что все хорошее так быстро кончается. Если задуматься, то будущее не так уж и безоблачно. Осенью придется подумать о школе. Уже сейчас нужно съездить в банк и выяснить насчет этой самой ренты и вообще денежных дел... Мистер Карч, конечно, негодяй и зануда, но зато дело свое знал великолепно.

А что, если опять обратиться к нему? Да, он не хочет иметь дела с Лизой — но, может, согласится вести дела Брюса Брайтона?

Господи, как все сложно-то! На работу надо устроиться...

Лиза заснула, и всю ночь на ее личике было суровое и озабоченное выражение.

* * *

Утром выяснилось, что мысли могут передаваться на расстоянии. Заспанная Лиза услышала чьи-то голоса на лужайке и осторожно выглянула из-за занавески.

Мистер Карч, по обыкновению напоминающий вопросительный знак в сером костюме, сидел на складном стуле и мерно кивал. Напротив, на таком же стуле сидел Брюс, болтал ногами и разглагольствовал. Как ни странно, судя по всему, мистери Карчу было вполне приятно разговаривать с Паршивцем. Во всяком случае, его худощавое лицо хранило благожелательное выражение.

Лиза торопливо оделась, причесала волосы и стянула их резинкой в хвост, наскоро протерла лицо влажной салфеткой — и выбежала в сад. Мистер Карч повернулся к ней и вежливо приподнялся со стула, однако большую часть благожелательности его лицо немедленно утратило. Ну и пожалуйста!

— Доброе утро, мистер Карч. Вижу, вы уже знакомы с Брюсом Брайтоном. Чему обязана?

— Доброе утро, мисс Кудроу. Мы с мистером Брайтоном провели незабываемые полчаса, за которые я многое узнал и смог оценить. Признаюсь — удивлен.

Брюс встрял в разговор с безмятежностью истинного ангела.

— Я ему сказал, что ты уже целую неделю капли в рот не берешь, научилась жарить омлет и сэкономила кучу моих денег.

Мистер Карч с улыбкой (да-да, именно С УЛЫБКОЙ!) посмотрел на мальчика, а Лиза воспользовалась тем, что он отвернулся, и скорчила Брюсу самую страшную рожу, на которую только была способна. Брюс и ухом не повел.

— Я вас оставлю, с вашего разрешения. Уверен, вам надо многое обсудить. Мистер Карч, вы выпьете с нами кофе?

Вот так и поверишь, что у мальчишки в родне есть английские лорды и графы!

Мистер Карч наклонил голову и ответил без тени усмешки:

— С большим удовольствием, мистер Брайтон. Мы с мисс Кудроу присоединимся к вам буквально через несколько минут.

Проводив тощую фигурку взглядом, мистер Карч вновь повернулся к Лизе.

— На самом деле, мисс Кудроу, сказать, что я удивлен, значит не сказать ничего. Я потрясен.

— Чем же?

— Зная вас, я мог ожидать чего угодно, но только не чистого, хорошо одетого и довольного жизнью малыша.

— Вы как всегда любезны, мистер Карч. Мне бы очень хотелось ответить вам в духе Брюса, что-то типа «ну что, съели?», но я не буду кривить душой. Скорее, я нахожусь под его опекой, чем он под моей. Удивительный мальчик. И знаете... мне с ним хорошо.

Мистер Карч задумчиво кивнул.

— Да, он интересный человек и развит не по годам. Впрочем, испытания ему тоже достались не по возрасту. А что до вас под его опекой... Знаете, Лиза, — можно мне вас так называть по старой памяти? — вы еще молоды и неопытны и потому не до конца понимаете то, что происходит. Ведь если бы вы ему не понравились, если бы он не почувствовал к вам доверие — ничего бы и не вышло. Никаких ометов и совместных поездок в магазин. Никаких пикников.

— Брюс вам и это рассказал?

— Не совсем так. Об этом позже.

— Хорошо. Пойдемте пить кофе? Мистер Карч, я ведь только вчера вечером вспоминала о вас. Знаю, что ко мне вы относитесь неважно, но надеюсь, что мальчик вам понравился и... Одним словом, не согласитесь ли вы стать ЕГО поверенным?

Мистер Карч долго и серьезно смотрел на Лизу, а потом улыбнулся самым краешком тонкогубого рта.

— Да, перемены налицо... Подумать только! Если бы знать заранее. Вот что, Лиза. Признаюсь вам в следующем: я уже являюсь поверенным Брюса Брайтона. Довольно давно, два года.

— Так вы...

— Все это время я следил за тем, как проходит ваше с Брюсом знакомство. У меня есть... свои источники, довольно неплохие. Я нарочно не хотел вмешиваться.

— Ну, знаете!

— Погодите, Лиза, не сердитесь. Я ведь давно знаю вас и успел изучить ваш характер. Вы избалованы и непривычны к самостоятельным шагам. В конечном счете за вас всегда и все делали и решали другие. Я решил рискнуть и поставить вас в такие условия, когда всю ответственность вам придется брать на себя.

— Вы рисковали Брюсом, между прочим! А если бы я оказалась полной идиоткой?

— Но вы же ей не оказались? Более того, повели себя, как разумная и добрая девушка.

— Ох, где бы это записать! Вы назвали меня разумной!

— Погодите острить. На самом деле меня привело сюда отнюдь не стремление сделать вам

комплимент.

— Что же?

— Проблема. Давайте пройдем в дом. Выпьем кофе и обсудим эту проблему. Втроем.

Лиза бросила быстрый взгляд в сторону кухни, где за раскрытыми окнами сновала маленькая фигурка с соломенными вихрами, торчащими в разные стороны.

— Вы уверены, что это надо обсуждать с Брюсом? Не слишком ли много проблем для одного мальчика?

— Рад, что вы за него переживаете, Лиза, но эта проблема из разряда тех, которые все равно нельзя скрыть.

— Хорошо. Пойдемте.

Она разливала кофе по чашкам, и, хотя голова у нее была занята тем, что сказал мистер Карч, где-то на краю сознания маленькая, глупенькая и страшно гордая собой Лиза Кудроу, подбоченившись, верещала: «Вот как ловко у меня получается разливать кофе по чашкам! И какой вкусный этот кофе у меня сварился! Аи да я!».

Потом все чинно пили кофе с булочками, а потом мистер Карч отставил свою чашку, поблагодарил и начал.

* * *

— Я долго обдумывал начало этого нелегкого разговора и понял, что лучше всего говорить без обиняков. Все просто: у тебя, Брюс, обнаружился очень близкий родственник, который готов взять на себя все заботы о тебе. Это твой родной дядя. Брат твоего отца.

Яростный и молниеносный взгляд зеленых глаз. Побледневшие веснушки. По-взрослому сжавшийся рот. И совершенно спокойный голос.

— Мистер Карч, ведь я сейчас живу у своей тетки, верно?

— Верно.

— И она за мной неплохо ухаживает. Во всяком случае, мне еще ни разу не захотелось убежать от нее.

— И это правильно.

— Тогда зачем мне другой опекун?

Мистер Карч тяжело вздохнул.

— Видишь ли, Брюс, в любом обществе существуют определенные законы. Твой дядя был родным братом твоего отца, а мисс Кудроу — всего лишь троюродная сестра твоей мамы. Кроме того, у мисс Кудроу нет своих финансовых возможностей содержать тебя, она в некотором роде находится у тебя на жалованье, в то время как твой дядя полностью финансово независим...

— Ага! Это деньги, которые он украл у моего папы!

Лиза встрепелулась. Выходит, Паршивец не врал и не придумывал? Был папа?

— Мистер Карч, а в самом деле, почему вы мне ничего не сказали об отце мальчика?

Мистер Карч испустил еще более тяжелый вздох.

— Это довольно сложное дело, Лиза. Особенно учитывая, что часть действующих лиц — граждане Великобритании. Собственно, до недавнего времени считалось... хм...

— Что я незаконный!

— Я бы выразился немного иначе: до недавнего времени у меня не было никаких документов, подтверждающих отцовство мистера Шона Брайтона, равно как и документов о наличии прочих родственников.

Лиза нахмурилась.

— А теперь объявляется этот самый дядя и хочет забрать Брюса к себе? Совесть заела?

Мистер Карч посмотрел на Лизу с некоторым неудовольствием.

— Все-таки вы еще не повзрослели, Лиза... Не знаю, почему у вас с Брюсом сложилось столь предвзятое мнение о мистере Брайтоне, но оно не имеет под собой никаких оснований.

— Брюс сказал, что у его отца отобрали наследство и титул...

— Ага, а то он стал бы графом!

— Увы, это несколько упрощенный подход к данной проблеме. Если позволите, я разъясню. После кончины старого графа Дугласа титул на вполне законных основаниях перешел к его старшему сыну, Джону Брайтону. Вашему, мой юный друг, дяде. Шон Брайтон, отец Брюса, как младший сын, не мог рассчитывать на титул — таковы английские законы — и практически не имел шансов на получение денежных средств, так как давно испортил отношения со своим отцом. Собственно, на тот момент он проживал в Плимуте со своей гражданской женой Шейлой Кудроу...

— А Брюс?

— А Брюс тоже в каком-то смысле проживал с ними, так как Шейла была на шестом месяце беременности.

Лиза с тревогой взглянула на мальчика, но тот не выглядел смущенным или расстроенным. Мистер Карч откашлялся и продолжал:

— Узнав о смерти своего отца, Шон Брайтон поспешил в родные места, надеясь, что ему достанется хоть что-то. Оглашение завещания привело его в бешенство, он поссорился со своим старшим братом Джоном и уехал обратно в Плимут. Я не беру на себя смелость судить о том, каким человеком был ваш отец, мой мальчик, я ведь не знал его. Однако то, что я узнал о нем за последнее время, пока наводил справки, говорит о следующем: Шон Брайтон был человеком неплохим, но легкомысленным; незлым, но вспыльчивым, а во всех своих неприятностях предпочитал обвинять других. За свою жизнь он сменил множество профессий и мест работы, но нигде не задерживался надолго. Очень любил свою жену, но так и не удосужился зарегистрировать брак. Мечтал о ребенке, но не оставил после себя ни гроша. При

этом он любил прихвастнуть, и потому перед отъездом в родной дом обещал Шейле вернуться богатым человеком. Когда этого не произошло, он немедленно придумал отговорку — во всем, дескать, виноват его брат, лишивший Шона законного наследства. Полагаю, мама говорила вам об этом, Брюс?

Мальчик закусил губу и кивнул. Мистер Карч печально покачал головой.

— Так я и думал. Дальше все стало еще хуже. Когда родился Брюс, с квартиры им пришлось съехать, переехать в Портленд — не наш, а английский, — и Шон стал пытаться устроиться на работу. В хорошее место его не брали, он в основном подрабатывал в порту, через полгода, зимой, заболел воспалением легких и скончался. Шейла Кудроу осталась одна, с маленьким ребенком на руках. Два года она прожила в Англии, а потом вернулась в Соединенные Штаты. После ее смерти Брюс попал в приют. Однако выяснилось, что Джон Брайтон все эти годы пытался разыскать жену своего брата. Дело осложнялось тем, что брак не был зарегистрирован, а ее фамилии он не знал. Его поиски увенчались успехом только в этом году, и на прошлой неделе я получил от Джона Брайтона письмо. Вот, собственно, и все.

* * *

Наступила тишина, только далеко в саду надсадно голосила какая-то птичка, и Лиза все не могла решиться заговорить, чтобы не нарушить эту невыносимую тишину.

Ну вот, все и решилось само собой. Конец ее недолгому опекунству. В конце концов, она ведь сама хотела отказаться...

А потом она случайно посмотрела на Брюса — и ее будто ошпарило. В глазах мальчишки горел немой вопль: «Не отдавай меня, Лиза!». И тогда она совершенно спокойно повернулась к мистеру Карчу.

— Что ж, полагаю, вам нужно написать мистеру Брайтону и объяснить, что Брюс уже живет в своем собственном доме и не нуждается еще в одном опекуне.

Мальчик вскочил и встал у нее за плечом. Цепкие пальчики впились в ее руку, и Лиза немедленно ощутила себя сильной и уверенной, абсолютно взрослой женщиной. Мистер Карч глядел на них обоих с каким-то странным выражением лица, а потом негромко сказал:

— Мне искренне жаль, что я не могу написать такого письма.

— Почему?

— Почему?!

— Потому что вчера утром мистер Джон Брайтон приехал в Батон-Руж и остановился в гостинице «Миссисипи».

Надоедливая птичка чего-то испугалась и улетела. Тишина стала полной и всеобъемлющей.

После ухода мистера Карча Брюс ушел к себе в комнату и запер дверь. Лиза бродила по гостиной, не зная, как подступиться к мальчику. Настроение у нее было отвратительное.

— Брюс!

Нет ответа.

— Брюс, открой.

Нет ответа.

— Брюс, это глупо. Ничего страшного и ужасного не произошло. Ну приехал, ну дядя. Поговорит с нами и уедет обратно в свою Англию.

Дверь рывком распахнулась, и на пороге возник бледный, растрепанный Брюс. В зеленых кошачьих глазах переливались слезы, голос подрагивал.

— Ты не понимаешь! Ты не знаешь, что это такое... когда все время отдают и забирают обратно! И каждый норовит сообщить, что я должен быть вечно благодарен тем, кто меня приютил! А потом начинается... плохо воспитанный... чего вы хотите — сирота... безотцовщина... А здесь мой дом! И ты не называла меня сиротой, ни разу! И надела ведро с мороженым на башку той выдре, которая назвала... Лиза, я не хочу к этому дяде! Я не пойду!!!

И Паршивец, вечно ухмыляющийся и невозмутимый Паршивец, Паршивец, которого невозможно было смутить или переговорить и у которого на языке жило целое осиное гнездо — этот самый Паршивец кинулся Лизе на шею и разрыдался, как самый обыкновенный восьмилетний мальчик.

У нее даже коленки ослабли. Осторожно глядя вихрастую голову, Лиза бочком подобралась к стулу, уселась на него и едва ли не силой отодрала зареванное лицо Брюса от своего плеча.

— Прекрати реветь, а то я тоже зареву.

— Я не реву.

— Ревешь. Стыд и позор. И нос вытри.

— Сама вытри.

— Не груби тетке. Слушай меня. Никто тебя не заберет, ясно?

— Мистер Карч сказал, у этого больше прав.

— Мало ли. Я еще не видела мужчину, который захотел бы воспитывать чужого ребенка в одиночку.

— Много ты их видела!

— Я сказала, не груби. В любом случае, он не очень плохой человек. Искал тебя столько лет. Другой бы плюнул.

— Я не хочу к нему!

— Подожди. Он придет, мы с ним просто поговорим. Объясним, что у нас все в порядке, денег хватает, жить есть где. У него просто нет причин забирать тебя.

— Ты обещаешь?

— Брюс, если ты будешь смотреть на меня такими глазами, то я точно разревусь, у меня опухнут глаза, и тогда твой дядя решит, что я выпиваю!

— Давай уберемся в доме! Чтобы у нас был полный-преполный порядок!

— Давай.

И они принялись метаться по дому, наводя блеск, чтобы неведомый Джон Брайтон был потрясен тем, как здорово они справляются с бытовыми трудностями.

Лиза мыла посуду и лихорадочно размышляла о том, каков окажется новообретенный дядя Брюса. Воображение разыгралось не на шутку, и вариантов у нее было уже множество, хотя почти все были похожи друг на друга.

Скорее всего, одно из двух. Либо этот мистер Брайтон — пухлый дядька с залысинами и брюшком, чопорный, как все англичане, до ужаса занудный и правильный* — иначе ему не оставили бы наследство, — и тогда Лиза ему точно не понравится.

Либо же это сухой и длинный джентльмен, чуть помладше мистера Карча, но такой же жилистый, с крючковатым носом, соответственно, столь же занудный, — и тогда Лиза ему не понравится еще точнее.

Варианты помоложе и покрасивее в голову Лизе не приходили. В конце концов, она читала английскую литературу — там все опекуны были просто ужас, что такое.

Она домыла посуду, потом перетащила ведро с мыльной водой на самый порог и стала домыть пол в кухне. Теперь дом совершенно чист. Она сейчас выйдет на заднее крыльцо, и они с Брюсом сгоняют в магазин, пока полы сохнут...

Лиза отжала тряпку, бросила ее в сторону, потом подняла ведро, разогнулась и с разворота выплеснула его прямо с крыльца.

За неделю эта техника была отработана до мелочей, мыльная вода отправлялась прямехонько на розы и львиный зев, благодаря чему достигался двойной эффект — полив и избавление от личинок тли. Однако сегодня все вышло иначе.

Вся вода попала на молодого человека в светлом костюме.

От ужаса Лиза застыла на крыльце, прижав мокрые руки ко рту. В голове крутилась одна и та же жуткая картина, виденная ею пару лет назад в Сан-Франциско. Стояла дождливая и слякотная зима, под вечер грязные лужи подернулись льдом. Из дверей отеля вышла ослепительная платиновая блондинка в белоснежной собольей шубке, белых брючках и белых высоких сапогах на шпильках. Блондинка подошла к своей машине, осторожно нагнулась над ветровым стеклом, чтобы снять квитанцию о парковке... Каблуки поехали по грязному льду, их обладательница нелепо взмахнула руками, и через пару секунд Лиза (вместе со всей компанией, разумеется) заорожено смотрела на то, как из лужи возле машины извлекают грязную и мокрую блондинку. На ее кукольном личике было написано прямо-таки безбрежное изумление, смешанное с возмущением и ужасом.

Вот к чему она это вспомнила! На лице молодого человека было точности такое выражение.

Не так уж он был и молод, кстати сказать. Просто волосы у него были очень светлые, а кожа чистая и загорелая, как у всех людей, помногу бывающих на открытом воздухе. А вообще — лет тридцать, не меньше. Высокий, худощавый, но плечи широкие. Волосы стрижены коротко, но все равно видно, что вьются. Костюм дорогой и ему идет... то есть шел.

В руках у блондина был небольшой элегантный кейс. Дорогие вещи Лиза определяла с ходу, а такие кейсы не покупают ради того, чтобы просто покрасоваться. Блондин явно не был клерком или менеджером, его годовой доход мог исчисляться и сотнями тысяч...

К этому моменту ступор прошел, и Лиза выпалила:

— Простите, простите меня ради бога! Хотите, я застрелюсь на ваших глазах?

Блондин явно испугался и даже попятился.

— Нет, нет, что вы...

— Понимаете, просто мы страшно торопимся. У нас сегодня намечается один очень неприятный визитер... Короче говоря, одна толстая и лысая зараза должна прийти с инспекцией. Видеть мы его не желаем, но вынуждены, поэтому собираемся произвести хорошее впечатление, чтобы она, то есть он, поскорее убрался обратно...

— Вам удалось.

Лиза вздрогнула. На таком правильном английском языке не говорили даже учителя в колледже. А тембр голоса у блондина был приятный — низкий, немного хрипловатый.

— Простите, что?

— Удалось произвести впечатление.

В этот момент из-за угла донесся звонкий голосок Брюса:

— Лиза, когда этот гадский придурок-дядюшка приедет...

Брюс вывернулся из-за дома на дорожку и замолчал на полуслове. Блондин усмехнулся углом рта.

— Интересно, что же будет тогда?

Брюс слегка насупился и стал бочком отступать к Лизе поближе. Блондин сокрушенно осмотрел свой загубленный костюм и вновь перевел взгляд на пылающую от смущения Лизу.

— Надо полагать, впечатление вы собирались произвести на «гадского придурка-дядюшку»?

— Э-э... мы...

— Так вот, повторяюсь — вы его произвели. Разрешите представиться: Джон Брайтон, граф Дуглас. Разрешите также воспользоваться вашей ванной.

Лиза совершенно обреченно махнула рукой в сторону парадного входа.

— Конечно. Проходите. Я сейчас дам вам полотенце и... Вот только переодеться вам вряд ли удастся, у нас не найдется вещей вашего размера.

— Я хотя бы попытаюсь замыть и просушить наиболее заметные пятна.

Джон Брайтон повернулся и величаво пошел по дорожке к дому. Лиза и Брюс последовали за ним, совершенно убитые собственной бестолковостью.

Четверть часа спустя Джон Брайтон, наподобие римского императора завернутый в махровую простыню, восседал за столом в гостиной. Перед ним был нетронутый чай, а по бокам стола чинно сидели Лиза и Брюс.

Джон Брайтон переводил взгляд с мальчика на девушку и внутренне кипел от негодования. Этот мистер Карч ненормальный, не иначе. Как можно настаивать на том, чтобы мальчиком занималась эта девчонка?! Да ей самой еще нужна нянька! Вон, сидят — и похожи, словно брат и сестра. Не в меру расшалившиеся дети, оставшиеся дома одни. В доме чисто, но вещи разбросаны, сад запущен. В холодильнике из еды наверняка только замороженная пицца.

А мальчик очень похож на Шона. Только выражение лица гораздо серьезнее, чем у его взрослого отца... Бедняга, нелегко ему пришлось. Ничего. Касл-Мэнор давно не слышал детского смеха, пора оживить старый дом. Мальчику там понравится.

Девушка тоже наверняка обрадуется возможности избавиться от такой ответственности. Ей, небось, хочется гулять, ходить по вечеринкам, покупать яркие тряпки в богатых бутиках. Да и родня они с Брюсом довольно дальняя, насколько он понял...

* * *

Брюс смотрел на дядю исподтишка, стараясь ничем не выдать своего волнения.

Мистер Карч наверняка ошибается. Вон, какой надменный этот граф! И ведь сразу так и представился — граф, мол! Прямо все в обморок должны упасть от счастья.

Не-ет, ни о чем нельзя к нему ехать. Такой со свету сживет, и никто об этом не узнает. Запрут Брюса в каменный замок, будут лупить розгами, как Дэвида Копперфильда, — они с мамой читали! — а то и вовсе отдадут в приют обратно.

Главное, чтоб Лиза не подвела. Она и так уж наделала дел — с ведром и помоями. Зато в доме у них чистота и порядок. Может, предложить этому графу пиццу? Нет, лучше сидеть и не высываться...

* * *

Лиза очень надеялась, что у нее вполне светский вид. Жаль, что футболка и джинсы — в них трудно произвести надлежащее впечатление. Кроме того, ужасно чешется нос... и щека... и шея. И спина немножечко. Так всегда бывает — зачесется что-нибудь одно, а потом не знаешь, куда деваться.

Какой ужас вышел с ведром. И какой душой она себя выставила, наговорив этому англичанину про него же самого. Немыслимо, совершенно невыносимо. То есть... даже если бы она СТАРАЛАСЬ произвести плохое впечатление, у нее вряд ли получилось бы лучше.

Он зануда, это сразу видно. Сидит, будто палку проглотил. Смотрит сердито. Брюс такой симпатичный мальчишка, а этот дядя даже не улыбнулся ему.

Наверняка вся эта история с поисками племянника — сплошная показуха. Графу нужно произвести впечатление в своем графском обществе, вот, мол, какой я молодец, бедную сиротку воспитываю. А на самом деле Брюс ему не нужен.

Вот и прекрасно, что не нужен! Они останутся здесь, в Батон-Руж, и прекрасненько со всем справятся, никакие графы им не нужны...

— А? Чего?

* * *

Джон Брайтон с неодобрением посмотрел на девушку. Какой из нее опекун! Витает в облаках, а ведь он говорит серьезные вещи.

— Не чего, а что. Я спросил, сколько вам лет, собственно?

Вот бывает так: появится человек. Не кривой, не косой, из носу не течет — но скажет всего одну фразу и сразу станет неприятен. Даже более того.

Лиза возненавидела Джона Брайтона в одну секунду. Виной всему была интонация. Высокомерная, презрительная интонация, с какой разговаривали только некоторые учителя в школе, да еще один парижский полицейский, задержавший Лизу в далеком прошлом за превышение скорости, а затем и за вождение без прав.

Она к тому времени уже привыкла считать себя хорошенькой, практически неотразимой, и потому не сразу поняла, что ее чары на полицейского не действуют. Он отвез ее в участок, содрал штраф и прочитал скучнейшую нотацию.

Того полицейского она ненавидела так же сильно, как сейчас — Джона Брайтона.

Какое он имеет разговаривать с ней так, будто она сопливая девчонка, залезшая в чужой сад и пойманная хозяином?

Лиза яростно и с наслаждением почесала нос и выпалила:

— Мне двадцать три года, хотя я не очень понимаю, какое это имеет...

— Имеет и довольно большое. По английским законам до двадцати пяти лет вы не можете быть опекуном кого-либо...

— Мы находимся на территории Соединенных Штатов Америки, если вы не заметили!

— Заметил. Левый руль и полная свобода нравов. Брюс является английским подданным.

Лиза открыла рот — и тут же его закрыла. Со стороны Брюса донесся странный звук — не то всхлип, не то вздох. Джон Брайтон довольно сурово посмотрел на мальчика и вновь обратился к Лизе.

— Хочу, чтобы вы правильно меня поняли, мисс Кудроу. Я искал Брюса и его мать шесть с половиной лет — с тех самых пор, как узнал об их существовании. Видит Бог, я делал все возможное, чтобы найти их. К сожалению, мой младший брат был довольно легкомысленным человеком...

— Мистер Брайтон! Вы говорите об отце мальчика.

— И о своем брате, мисс. Кроме того, я вовсе не собираюсь осуждать его. Я любил своего брата.

— Фига с два!

— Брюс!

— А чего он врет! Он отобрал у папы наследство! Из-за него папа умер. И мама — из-за него!

Лицо Джона Брайтона исказила короткая судорога. Потом он заговорил тише и немного взволнованнее.

— Я прошу у тебя прощения, Брюс, если задел твои чувства. Я лишь хотел объяснить мисс Кудроу, как обстоят дела. Повторяю: я искал Брюса много лет, чтобы вернуть ему то, что принадлежит ему и его матери по праву. Насколько я понимаю, вы, мисс Кудроу, еще две недели назад даже не подозревали о существовании мальчика?

— Да, но это неважно.

— Важно. Важно и то, что вы, совершенно очевидно, очень молоды. Вы вряд ли понимаете, какая ответственность легла на ваши плечи.

— Я молодая, но не идиотка. И я научусь всему, чего еще не умею. Я рада тому, что мальчик здесь, со мной, нам хорошо вместе...

— И я благодарен вам за это. Но Брюс поедет со мной в Англию.

В комнате сгустилась страшная, тяжелая тишина. А потом раздался звенящий от сдерживаемых слез голос мальчика:

— Я... пожалуйста, мистер... Я вас очень прошу, не забирайте меня от Лизы...

В этом детском голоске было столько горя, столько искреннего отчаяния, что Лиза едва не заревела в голос. В эту секунду Джон Брайтон олицетворял для нее сразу всех отрицательных персонажей мировой литературы. Девушка прижала к себе Брюса и поверх его растрепанной головы яростно взглянула на англичанина.

— У вас нет сердца, мистер Брайтон! Неужели вы считаете, что Брюс мало страдал?

Темные брови англичанина сошлись на переносице, потемнели серо-зеленые глаза. Сходство с римским императором усилилось.

— Вы только подтверждаете мою правоту, мисс Кудроу. Вам еще предстоит повзрослеть.

— Отстаньте от меня и моего возраста!

— Если бы вы соображали, как взрослый разумный человек, то ни за что не стали бы подливать масла в огонь.

— Это не я собираюсь насильно увезти мальчика в Англию.

— Не насильно, а по закону. Он английский подданный, у него в Англии есть дом, родной дом, а я его ближайший родственник и, уверяю вас, хочу ему только добра.

— Хотите ему добра — уезжайте!

— Пожалуйста, мистер...

Джон Брайтон неожиданно вскочил и со всей силы хлопнул ладонью по столу. Подпрыгнула и упала набок ваза с цветами, Лиза и Брюс разом замолчали, но отнюдь не потому, что испугались громкого звука. Просто от резкого движения римская тога размоталась и красиво

упала, оставив мистера Брайтона практически обнаженным, если не считать элегантных трусов-боксеров. Брюс, как все дети, быстро переходивший от отчаяния к веселью, громко фыркнул, а Лиза...

Лиза совершенно неприлично вытаращилась на открывшуюся картину и сообразила отвести взгляд только через пару секунд. За это короткое время образ практически голого английского лорда впечатался в ее память, скорее всего, навсегда.

Джон Брайтон был сложен не как спортсмен. Не как фотомодель. Не как римский император. Он являлся практически точной копией античного бога.

Сильно загорелыми были только руки и лицо, кожа у него была светлая и чистая. Волос на груди было совсем немного, только небольшой золотистый треугольник. Рельефные мускулы плеч и рук, накачанный торс, красивая шея — так мог бы выглядеть Гермес или молодой Аполлон.

Секунды, показавшиеся вечностью, миновали, мистер Брайтон судорожно подхватил простыню, завернулся в нее и прорычал:

— Я все сказал! Мы уладим формальности с мистером Карчем и уедем через несколько дней. Был бы вам крайне признателен, мисс Кудроу, если бы вы за оставшееся время отказались от мысли настроить мальчика против меня. Всего доброго.

Через десять минут английский аристократ в мокром костюме покинул дом Лизы и Брюса, оставив его обитателей в похоронном настроении.

* * *

Мистер Карч приехал после полудня. На вид он был мрачен, и сердце у Лизы упало. В этот раз он не позволил Брюсу присутствовать при разговоре и вежливо, но твердо выпроводил мальчика в сад. Лиза не сомневалась, что Паршивец будет подслушивать, и отчаянно колебалась: способствовать ему в этом или проявить сознательность. В конце концов, я все равно все ему расскажу, решила девушка, и разговор велся в гостиной при закрытых окнах.

Мистер Карч разложил на столе какие-то бумаги, водрузил на нос очки и сурово посмотрел сквозь них на Лизу. На самом деле он очень сочувствовал девушке — и мальчику, разумеется, тоже. Ведь он видел, как они сдружились за эти дни. Однако мистер Карч был профессионалом и дело ставил выше эмоций.

— Итак, Лиза, приступим к делу. Насколько я понял, вы уже... познакомились с мистером Брайтоном. Я встречался с ним в отеле.

— Представляю, что он наговорил. Честно говоря, знакомство началось крайне неудачно. А закончилось еще хуже. Мистер Карч, я все-таки настаиваю, чтобы Брюс остался со мной. Этот человек высокомерен и суров, он не поладит с мальчиком...

— Погодите. Слушайте меня. Прежде всего, ничего особенного он про вас не наговорил. Вы несколько... эксцентрично встретились, но он был тактичен.

— Возможно, с вами он был тактичен, но не со мной. Он на меня смотрел, как на пустое место! Слово я малолетняя идиотка.

— Вовсе нет. Он прекрасно знал, кого увидит. Мы подробно обсудили все еще до вашей

встречи. Я ввел мистера Брайтона в курс дела, сказал, что этот дом является собственностью Брюса и что, хотя вы и не имеете другого дохода, кроме ренты по опеке...

— О боже! И он наверняка решил, что я держусь за возможность жить в доме и получать денежки!

— Мисс Кудроу! Перестаньте делать из мистера Брайтона монстра. Поверьте, я разбираюсь в людях. Джон Брайтон — порядочный человек. Он вполне мог бросить поиски, но довел дело до конца. В Англии ему принадлежит большое загородное поместье, его капитал весьма внушительен. Долю Брюса он выделил в отдельное состояние еще шесть лет назад, когда только узнал о существовании семьи своего покойного брата.

— Но, мистер Карч...

— К сожалению, даже с чисто формальной стороны он имеет право забрать мальчика. Степень родства ближе, самостоятельный доход...

— А разве не должны учитываться интересы ребенка?

— Вот тут вы правы. Интересы ребенка в вопросе выбора опеки ставятся если и не на первое, то на одно из главных мест.

— Отлично! А Брюс выбирает меня!

Мистер Карч снял очки, протер их, водрузил обратно на нос и тяжело вздохнул.

— Если бы история знала сослагательные наклонения, мисс Кудроу... Если бы вы сохранили свой капитал, если бы вы имели хоть минимальный опыт в своей специальности — воспитатель-преподаватель, если бы, если бы, если бы! Тогда в любом судебном разбирательстве у вас был бы очень неплохой шанс выиграть. Женщине всегда предпочтительнее быть опекуном малолетнего ребенка. Но вы — легкомысленная молодая девица, не проработавшая после окончания колледжа ни одного часа, растратившая огромное состояние за шесть лет и не умеющая делать ничего... кроме оmlета. Как вы думаете, на чьей стороне будет суд?

Лиза всхлипнула, но это были слезы злости, а не бессилия.

— Вы продолжаете относиться ко мне предвзято, мистер Карч!

— Вовсе нет. Я действительно изменил свое мнение о вас. Я вижу колоссальные перемены, произошедшие с вами даже за одну неделю. Более того, я готов признать, что неправильно судил о вас — будь вы просто легкомысленной дурочкой, не смогли бы так измениться. Следовательно, вы по сути своей неплохой человек, Лиза. Но это я, я знаю вас с детства. Суд в подробности вдаваться не будет.

Лиза подняла на мистера Карча огромные, черные от горя глазищи. Тугие кольца волос рассыпались по плечам. Девушка была очень хороша, и старый поверенный с грустью подумал: надо ей поскорее замуж. Будет красавицей-женой какому-нибудь толстосуму, постепенно забудется недолгая опека над Брюсом Брайтоном, да и мальчик привыкнет на новом месте...

— Мистер Карч, неужели нет никакого выхода?

— Боюсь, что...

— Есть!

Паршивец стоял на пороге. Зеленые глаза горели мрачным огнем, светлые вихры торчали в разные стороны. Сжатые кулаки побелели от напряжения.

— Брюс!

— Погоди, тетка. Мистер Карч, вы сказали, мнение ребенка должно учитываться?

— Да, конечно.

— И у меня в Англии есть капитал?

— Да. И не только в Англии. Здесь тоже. Не такой большой, но все же неплохой.

— Я могу им распорядиться?

— До совершеннолетия — нет, но капитал тоже находится под опекой и растет вместе с тобой...

— Это меня мало волнует. Скажите, а могу я сам выбрать себе воспитателя?

Лиза вскочила, не в силах усидеть на месте от волнения. Нет, ну до чего же гениальный ребенок — если это то, о чем она подумала...

— Твое мнение, бесспорно, будет учтено.

— Тогда... Я согласен ехать в Англию. Но воспитательницей прошу назначить Лизу. Мисс Кудроу.

Мистер Карч молчал и смотрел на них обоих. За время этой невыносимо долгой, отчаянной паузы Лиза и Брюс встали рядом, и девушка сжала маленький кулачок мальчика в своей ладонке. Дети, подумал старый поверенный. Одинокие дети, нашедшие друг друга в огромном мире и страшно боящиеся потеряться вновь. Ведь у Лизы тоже никого нет, она круглая сирота. Возможно, они с мистером Брайтоном совершают ошибку...

Мистер Карч откашлялся и произнес своим скрипучим голосом:

— Думаю, можно рассмотреть этот вариант. Но, разумеется, не могу ничего обещать. Решение будет зависеть от мистера Брайтона. Со своей стороны приложу все... Я постараюсь его убедить. Не отчаивайтесь. Всего доброго.

* * *

Остаток дня Лиза и Брюс провели дома. Угроза разлуки огромной черной тенью нависла над старым домом, и они, словно пытаясь убежать, спрятаться от нее, зажгли в гостиной множество свечей, светильники по углам, растопили камин...

Они сидели рядышком на крыльце и болтали без умолку. Если замолчать, то хочется плакать, очень хочется.

Впервые за все время пребывания в доме Брюс попросил Лизу посидеть с ним перед сном. Девушке было не по себе — уж больно этот Брюс Брайтон отличался от ставшего привычным Паршивца Брюса. Испуганный маленький мальчик, отчаянно цепляющийся за ее руку. В

зеленых глазах то и дело появлялся предательский блеск, и Лиза поняла, что уходить нельзя. Прилегла на краешек кровати, обняла мальчишку, стала осторожно приглаживать вихры.

Сначала он засопел, вроде бы всхлипнул, но потом успокоился. Дыхание выровнялось. Брюс заснул. У Лизы затекли плечо и рука, но она и не думала уходить. Лежала себе тихонечко, только исхитрилась ногами завернуться в край одеяла.

Последней ее мыслью было встать и все-таки запереть дверь, но это попозже... попозже...

Луна заглянула в окно, пробежала серебряным лучом по комнате, задержалась на лицах спящих и осторожно принялась заливать комнату призрачным спокойным светом.

Джон Брайтон усилием воли заставил себя припарковаться на правильной стороне улицы. Подсознательная привычка к правому рулю делала его поездки по Америке едва ли не смертельным аттракционом.

Сегодня, собираясь в дом, где живет опасная мисс Кудроу, он предусмотрительно оделся в черные джинсы и легкую спортивную рубашку-поло. Конечно, вряд ли они моют полы каждый день, но мало ли...

Джон выключил зажигание и некоторое время посидел, собираясь с мыслями. Вчерашний вечерний разговор с мистером Карчем его здорово удивил. Прежде всего, он не ожидал, что этот сухарь-крючоктвор возьмется защищать мисс Кудроу. Судя по всему, мистер Карч вполне серьезно отнесся к нежеланию этих двоих расставаться друг с другом. Предложение взять в Англию мисс Кудроу в качестве воспитательницы для Брюса повергло Джона если и не в шок, то в состояние безбрежного удивления — точно. Нет, большой проблемы в этом не было, но Джон не предполагал, что все так серьезно. Дом большой, мальчику будет легче освоиться на новом месте, если с ним поедет уже знакомый человек — это понятно.

А вот от девицы он этого не ожидал, никак не ожидал. И по рассказам мистера Карча, и по первому впечатлению, вдобавок... подмоченному грязной водой, Джон представлял Лизу Кудроу особой инфантильной и легкомысленной. На вид она и вовсе девчонка, куда ей быть опекуном! Наверняка и парнишка к ней так привязался, потому что она для него скорее сверстница, чем взрослая тетка. Однако, похоже, что и она переживает за Брюса искренне.

Вполне возможно, что за этим стоит меркантильный интерес. Мистер Карч обрисовал материальное положение Лизы Кудроу, и Джон понял, что опекунская рента для девушки на данный момент — единственный источник дохода.

Вспомнив, как лихо девица растратила несколько миллионов за шесть лет, он опять рассердился. Вспомнил собственную юность, вспомнил то, как сам зарабатывал на учебу в университете. Вспомнил и Шона.

* * *

Отец, граф Дуглас, был человеком старой закалки и отвратительного характера. Богатый аристократ, он очень поздно вступил в брак, и Джон родился, когда отцу было уже за пятьдесят. Еще через три года родился Шон.

Нельзя сказать, чтобы отец их не любил — по-своему любил, конечно. Но во времена его молодости правила жизни аристократии были совершенно определенными. Старший сын — наследник титула и состояния, младший — скорее, нахлебник. Кроме того, старый граф был

уверен, что и старший, и младший сыновья беспрекословно пойдут по тому пути, который он выберет им сам. Джону светила армейская карьера, Шону — политическая. На худой конец — наоборот.

Когда Джон сообщил, что собирается поступать в Оксфорд, да еще на исторический, отец рассердился. Оксфорд — не забегаловка, протестовать вроде бы и нет причин, но графа Дугласа разозлило то, что его сын посмел оспаривать его волю. Джону было заявлено, что ни пенса на обучение он не получит, и жить ему придется в студенческом кампусе, как всем.

Джон принял это безропотно. Он вообще не обладал вспыльчивым темпераментом. Надо заработать на учебу? Что ж, он заработает. И Джон Брайтон подряжался на все работы, какие только находились для семнадцатилетнего-парня.

В результате до Оксфорда пришлось ждать долгих четыре года, и на первый курс поступил молодой, но уже-взрослый мужчина с хорошо развитой мускулатурой и мозолистыми руками рабочего.

Он умел строить дома, осушать болота, работал шофером-дальнобойщиком, штукатуром, грузчиком, медбратом в больнице. Он узнал цену физическому труду и научился уважать тех, кто посвятил такому труду всю жизнь. Быстрые деньги никогда не бывают легкими — это он тоже испытал на собственной шкуре. Адская боль в натруженных мышцах по ночам не давала уснуть, но зато теперь Джон Брайтон мог с легкостью гнуть пальцами подковы и в одиночку вытаскивал застрявший автомобиль из грязи.

Не гнушаться грязи он тоже научился. Именно поэтому в первых же археологических экспедициях в Оксфорде он стал незаменимым сотрудником — никогда не жаловался, работал за троих, да еще и получал от этого удовольствие.

О том, что Шон страшно поругался с отцом и ушел из родительского дома, старший брат узнал из писем тетушки Агаты, добрейшего и болтливейшего существа на свете. Родная сестра графа Дугласа была старой девой, впрочем, только номинально, поскольку в молодости ее поклонников приходилось отгонять от Касл-Мэнор при помощи охотничьего ружья. Да и молодость тетушки продлилась до вполне преклонных лет... Нет, ничего предосудительного, просто именно тетка вносила в чопорный уклад старого дома веселье и свет.

Так вот, тетя Агата написала Джону о жутком скандале и о том, что Шон уехал куда-то на север — или на юг? — и живет с какой-то девицей. Девица мало того что американка, так еще и с родословной у нее что-то не в порядке — кажется, проблемы с наличием отца. Одним словом, скандал, скандал, скандал!

Джон, с семнадцати лет привыкший полагаться исключительно на себя, не придавал большого значения сообщению о том, что Шон уехал из отчего дома. Парню уже девятнадцать.

Джон занимался наукой, жил от экспедиции до экспедиции в Лондоне, в небольшой квартире в Сохо. Деньги у него были, просто он не видел смысла в большой квартире. Все равно девять месяцев из двенадцати он разъезжает по стране и Европе.

Известие о болезни и скоропостижной смерти отца застало его в Эдинбурге, где нелетная погода стоит практически всегда. В результате до Каслтауна, остров Мэн, Джон добирался поездом и паромом, в два раза дольше обычного. Шон уже ждал его в Касл-Мэнор. Джона поразила перемена, случившаяся с младшим братишкой.

Вечно смеющийся, веселый, симпатичный Шон превратился в исхудавшего, озлобленного,

неряшливо одетого парня. Он непрерывно курил дешевые сигареты, много пил за ужином, а когда на следующий день, уже после похорон, все собрались в гостиной, Шон все никак не находил себе места, суетливо бродил из угла в угол, потирая руки и что-то бормоча себе под нос.

На голодную бродячую собаку он был похож, вот что. Джон тут же решил, что сразу после оглашения завещания нужно перевезти младшего брата с его девушкой в Касл-Мэнор, отмыть, откормить, дать время отдохнуть — и устроить на какую-нибудь работу. В конце концов, не у всех же получается с первого раза устроить свою жизнь! Джон старше, он должен заботиться о младшем брате...

Он почти не слушал адвоката, зачитывавшего завещание. По большому счету, оно для него не имело большого значения. Менять свой образ жизни он не собирался, а то, что все в равной степени принадлежит и ему, и Шону, и тете Агате — это же бесспорно, не так ли?

Именно поэтому он и испытал такой шок, когда понял, что Шон стоит перед ним, потрясая костлявыми кулаками, и кричит, брызгая слюной, словно выплевывает в лицо Джону ужасные, несправедливые, противные слова.

— Ты! Тихоня! Подлиза! Как же, пай-мальчик! Ухитрился и рыбку съесть, и на хрен сесть! Подавись ты этими деньгами, гад!

С этими словами Шон Брайтон навсегда покинул стены Касл-Мэнора. Только позже до ошеломленного Джона дошел смысл происходившего абсурда. Отец, видимо, сильно обиделся на младшего сына, поскольку в завещании заявил прямо: ни пенса! Опозорил имя Дугласов — пусть вертится, как хочет. Все имущество, вся недвижимость и все деньги оставались Джону, с надеждой, что он не оставит свою престарелую (в этом месте тетя Агата возмущенно фыркнула) тетушку.

Шон понял все слишком буквально. Следовало найти его и объяснить, что завещание ни при чем, потому что... потому что они братья, черт побери! И привезти его домой, дурака несчастного!

Он искал брата три месяца, узнал про Плимут, а потом ему позвонили из полиции и сообщили, что мистер Шон Брайтон уехал из Плимута в неизвестном направлении. Номер его медицинской страховки был неизвестен, водительских прав у него не было, так что поиски затягивались. Еще через полгода с небольшим они с Агатой получили документы из полицейского управления в Портленде, подтверждающие, что Шон Брайтон, 22 лет, безработный, умер от воспаления легких в муниципальном госпитале Портленда в феврале этого года. Больше никаких сведений не сообщалось. Шона, вроде бы, похоронила какая-то женщина, но официально он ни на ком не был женат.

Джон был историком-археологом и умел копать. Он уехал в Портленд и стал искать хоть что-то, могущее навести его на следы недолгой жизни Шона в этом мире. Тщетно. Квартиры тот снимал самые дешевые, в трущобах, а там не принято спрашивать документы. Личная жизнь тамошних обывателей интересна только им самим, а самым заметным событием становятся обычно похороны. Так что никаких следов.

Минуло еще полтора года. Джон не оставлял попыток. Давал объявления в газеты, и однажды на его призыв откликнулись бывшие соседи Шона. Так он узнал о том, что у него есть племянник.

Американку по имени Шейла разыскать в каком-то смысле удалось. По крайней мере, он узнал,

что она уехала из Англии. Джону начало казаться, что его преследует злой рок — он все время опаздывал буквально на один шаг. Поиски в Америке он поручил частным сыщикам и своим адвокатам, сам занялся наконец домом и семейными проблемами. В смысле, тетей Агатой.

Шесть долгих лет. Он даже экспедиции забросил, потому что не мог ничем заниматься. Он должен был их найти, должен!

И вот это тяжелое время закончилось. Жаль, что он не застал в живых Шейлу, жену Шона. Молодой женщине выпала трудная доля, Джон был бы рад облегчить ее. Что ж, теперь он собирался все силы и любовь отдать племяннику. Маленькому сыну своего младшего брата. Брюсу Брайтону.

И что же он выясняет? Что его считают «гадским придурком-дядюшкой», отобравшим у Шона состояние и доведшим родителей мальчика до смерти, а предложение поехать домой, в Англию, воспринимают как продажу в рабство на галеры! А если и соглашаются, то в нагрузку требуют взять и эту девчонку. Прямо Дэвид Копперфильд и Крошка Доррит в одном флаконе.

* * *

Джон очнулся, тряхнул головой и решительно выбрался из машины на тротуар. Надо попытаться обсудить с этой мисс Кудроу создавшуюся ситуацию.

В саду было тихо и дико. Непуганые птицы с любопытством разглядывали незваного гостя, но не улетали. Из густой травы выглядывали одичавшие мальвы и совсем уж неуместная герань. Джону, выросшему в стране, давшей имя лучшим в мире газонам и садам, было странно смотреть на это буйство трав и кустов.

Дверь в дом была открыта, но и изнутри не доносилось ни звука. Паника, невесть откуда взявшаяся, захлестнула горло тугой петлей. Что-то случилось? Забыли закрыть газ? Угорели от камина? Нет, не может быть. Все окна открыты, воздух совсем чистый.

Неужели эта маленькая зараза сбежала с мальчиком?!

Джон вихрем взлетел на второй этаж, где должны были располагаться спальни... Так и есть, комната пуста!

Он спустился вниз, кипя от ярости, и только здесь заметил двери в комнаты первого этажа. Осторожно приоткрыл одну — и сердце вновь упало. Здесь явно жила девушка, но сейчас комната была пуста, а постель не тронута.

Они удрали, малолетки несчастные!

Уже совершенно безнадежно он открыл дверь второй комнаты...

* * *

У великого Леонардо есть картина. Мадонна с цветком.

Маленький, но по-взрослому серьезный младенец Иисус на руках у девочки-матери. И непонятно, кто из них больший ребенок.

Та Мадонна была златокудрой, эта — брюнеткой, иначе сходство показалось бы Джону полным. На широкой кровати, обнявшись, спали крепким детским сном Лиза Кудроу и Брюс Брайтон.

Золотистая головка мальчика покоилась на плече девушки, и темные кольца ее волос переплелись с его пшеничными вихрами. Во сне Лиза крепко обнимала ребенка, словно защищала от всех напастей мира. От подобной картины зарыдали бы даже каменные сфинксы — юная девушка, сама почти ребенок, защищает другого ребенка.

Джон неслышно вздохнул, покачал головой. Воспитательница.

Да что же он на нее злится? Взрослый, здоровенный мужчина — на такую кроху. Если она в чем и виновата, так только в том, что родилась на десять лет позже Джона Брайтона.

Последняя мысль ему самому показалась несколько фривольной и двусмысленной, поэтому он поскорее убрался от двери и отправился на кухню. Сварит он им лучше кофе, вскипятит молока, и тогда, преломив, так сказать, хлеб, они смогут найти общий язык.

На кухне было чисто, и он невольно усмехнулся, вспомнив вчерашний душ из грязной воды. Нашелся кофейник, молоко в холодильнике, и свежие булочки стояли в бумажном пакете у задней двери — так уж было принято в Батон-Руж.

Закипела вода, и по кухне потек аромат свежего кофе и разогретых в духовке булочек. Джон не удержался, отщипнул хрустящую корочку и тихо рассмеялся.

Как хорошо будут они завтракать в Касл-Мэноре! И Брюс будет гонять на пони по окрестным лугам и меловым утесам, а маленькая воспитательница... и ей пони дадим, лошадь для нее велика.

И будет детский смех в старом доме, и запах горячих булочек и кофе, будет теплый желтый свет в стрельчатых окнах по вечерам, и тете Агате наконец-то будет кому рассказать все свежие — и старые! — сплетни про деревенскую жизнь...

Джон обернулся на шорох, послышавшийся сзади.

И мир заволокло белой мглой.

* * *

Лиза проснулась и с недоумением уставилась на солнечных зайчиков, бесившихся на потолке. Минуточку, сейчас же ночь?

Потом она почувала запах кофе.

Потом поняла, что рука и плечо у нее онемели до полного бесчувствия, и кофе, наверное, варит Брюс.

Потом она скосила глаза — и увидела спящего Брюса.

Лиза рывком села на постели. Брюс недовольно заурчал, потянулся и тоже сел, хлопая заспанными зелеными глазищами. Открыл было рот, чтобы спросить о чем-то — но Лиза стремительно прихлопнула ему рот ладошкой.

— Тс! В доме кто-то есть.

— ???

— Я заснула вчера и дверь не закрыла. Тихо, ладно?

— Угу. Давай его выгоним?

— А вдруг там бандит?

— А мы вооружимся.

— Чем, дурачок?

— Сама ты! Есть бейсбольная бита?

— Терпеть не могу бейсбол.

— Странно. Национальная гордость Америки. Во! Офигенно тяжелый! Пускаем в глаза, а потом бьем по башке.

— Брюс, давай вызовем полицию...

— Ага, и они скажут, что ты даже двери не запираешь, где тебе уследить за ребенком... то есть за мной. А так — ты будешь героиня, задержавшая преступника.

— Ладно. Но если что — беги со всех ног.

— Само собой. Дергать — вот здесь.

Через несколько секунд два абсолютно бесшумных силуэта пересекли гостиную и подобрались к двери в кухню. В щель было видно, что на кухне стоит высокий и здоровенный громила в черных джинсах. Судя по всему, громила намеревался украсть серебряный кофейник...

Лиза Кудроу выставила перед собой огнетушитель, а Брюс Брайтон ногой распахнул дверь. Громила повернулся от плиты и оказался Джоном Брайтоном.

В лицо ему ударила струя пены.

* * *

— О, БОЖЕ МОЙ...

— Уа-а-у!!!

— Тьфу... Да что же это... Вы что, издеваетесь надо мной, что ли?

— Я все-таки, пожалуй, застрелюсь на ваших глазах...

— Лиза, а чего ты! Зачем он без спросу на чужую кухню залез? Мы думали, вы грабитель, мистер!

— Надо же, вы боитесь грабителей?

— Не понимаю, откуда столько скепсиса в голосе... Сидите спокойно, тут еще за ушами пена... От него пятен не остается. По-моему.

— На штанах и совсем ничегошеньки видно не будет...

— Так я не поняла, почему вы с такой интонацией спросили про грабителей?

— Потому что люди, не запирающие дверь на ночь, вероятно, очень отважны и совсем не боятся грабителей. Они их топят. То в грязной воде, то в мыльной пене. Ай! Осторожно!

— Простите. Насчет двери... это мы вчера немножечко заснули.

— Я понял. Да перестаньте вы у меня в ухе ковырять!

— Там же пена...

— К черту пену! Дайте сюда полотенце, я сам.

— Мистер Брайтон, я должна принести вам свои искренние...

— Тетка, говорю тебе, он сам виноват!

Джон Брайтон поднялся и величественным жестом заставил их умолкнуть.

— Давайте постараемся быть взрослыми и цивилизованными людьми, хорошо? Итак, я прошу прощения, что вошел без спроса.

— Принимается. Я прошу прощения за вчерашнее ведро и сегодняшний огнетушитель.

— А я... я... за «гадского дядюшку».

— Придурка.

— Чего?

— Не чего, а что. За «гадского придурка-дядюшку».

— Ох. Хорошо.

— Принимается. Итак, леди и джентльмены... Давайте все же выпьем кофе и попытаемся договориться.

* * *

Через четверть часа на кухне царил несколько напряженная, но — идиллия. Следы пены убрал Брюс, булочки в духовке разогрел Джон, кофе сварила Лиза. Теперь все трое сидели вокруг круглого стола и чинно поглощали завтрак.

Отставив чашку, Джон извинился и отошел на порог кухонной двери, достав пачку сигарет. Лиза машинально отметила, что в джинсах, рубашке с открытым воротом и с сигаретой английский аристократ — вылитый Ковбой Мальборо. Брюс смотрел в стол и явно переживал. Лиза кашлянула.

— Я полагаю... Мистер Карч должен был вчера переговорить... с вами... насчет...

— Да. Он говорил. Именно поэтому я и пришел сегодня с утра. Признаюсь, меня застигло врасплох подобное предложение.

— Я без Лизы не поеду никуда...

— Вот что, молодой человек. Помолчи-ка ты пока.

— А я все равно не поеду.

— Брюс, дай ему сказать. Итак, мистер Брайтон?

Джон затушил сигарету водой из-под крана, выбросил ее в ведро, а потом неожиданно энергично взъерошил светлые волосы пятерней. В этот момент Лизу осенило: они с Брюсом похожи как две капли воды! Одинаковые глаза, одинаковые волосы, одинаковые высокие скулы, придающие взгляду что-то кошачье... Только Брюс еще котенок, а этот... леопард!

Джон посмотрел на Лизу и Брюса и заговорил негромко, но твердо:

— Я знаю, пройдет немало времени, прежде чем вы оба убедитесь, что я хочу Брюсу только добра. Мне и самому придется учиться быть твоим дядей, парень, хотя, видит Бог, я мечтал об этом шесть долгих лет. Я повел себя вчера заносчиво и глупо. Я судил предвзято, заранее настроившись против вас, мисс Кудроу...

— Лиза.

— Что, простите?

— Просто Лиза. «Мисс Кудроу» у вас как-то... противно выходит.

— Простите еще раз. Так вот, я был не прав. Чтобы загладить свою вину, предлагаю следующее. Давайте серьезно и без эмоций обсудим, действительно ли вы хотите вместе ехать в Англию.

— Еще как хотим!

— Спокойнее, Брюс. Я уже понял, что ты подружился со своей тетей, но не забудь — у нее ведь есть и своя жизнь. Она родилась в этом городе, здесь ее друзья, дом. Возможно, ей будет нелегко так запросто сменить страну жительства.

Брюс метнул на Лизу отчаянный взгляд, но она в нем и не нуждалась. Легкая улыбка тронула ее губы — и Джон Брайтон ощутил СОВЕРШЕННО неуместное желание ее поцеловать.

— Видите ли, мистер Брайтон...

— Джон. Просто Джон.

— Хорошо. Джон. Так уж получилось, что в этом городе у меня почти ничего и не осталось. Деньги я растратила, дом принадлежит Брюсу. Друзья... оказалось, я несколько погорячилась, посчитав их друзьями. Карьеру свою я не разрушу, потому что у меня ее и не было. Вещей немного — за эти две недели я выяснила, что на самом деле человеку требуется не так уж много вещей. Машина у меня арендованная. Собственно, все. А самое главное — вы можете мне не верить, но я действительно не представляю, как смогу теперь жить без Брюса.

Девушка встала и отошла к окну. Джон невольно obeжал взглядом точеную маленькую фигурку. Потом он испугался, что она заплачет... Но когда она повернулась, звонкий голос звучал спокойно и твердо.

— Понимаете, Джон, я ведь только сейчас сообразила, что уже очень давно живу одна. Совсем одна. На всем белом свете. И вдруг у меня появился Брюс. Теперь я знаю, зачем мне жить.

Джон не верил своим ушам. Эта легкомысленная девчонка, эта свистушка говорит так, словно

за плечами у нее целая жизнь, полная горестей и лишений...

Лиза заметила его смятение и слабо улыбнулась.

— Поверьте, я очень недавно стала об этом задумываться. Опять-таки благодаря Брюсу. Но на самом деле... Я сирота с трех лет. Почти как он. Мне повезло — я не попала в приют, у меня были богатые и любящие тетушки. Но ведь на самом деле я прекрасно помню, как мне было не по себе на школьных вечерах. У всех остальных ребят приходили мамы и папы, бабушки и дедушки, братья и сестры — а у меня только две старые тетки. Потом они умерли, оставили мне все деньги, но что толку? Я же не умела ими распорядиться, а подсказать мне никто не мог. Я не плохая и не дурочка, Джон, поверьте. И я действительно всему научусь... ради Брюса. Только, пожалуйста... не отбирайте его у меня!

Джон с трудом проглотил комок, застрявший в горле, и хрипло выдохнул:

— Вот что. Давайте-ка все втроем начнем готовиться к отъезду.

И тогда своды кухни зазвенели от восторженного мальчишеского вопля:

— Ур-ра! Лиза, мы едем вместе! Я же говорил, это сработает!

7

Подготовка к отъезду свелась к тому, что мистер Карч и Джон Брайтон в три дня оформили все необходимые бумаги, после чего мистер Карч через агентство нанял человека, который будет присматривать за домом, и заказал три билета через Атлантику.

Лиза и Брюс все это время слонялись по дому и не находили себе места. Для Лизы, выросшей в этих стенах, отъезд означал начало новой жизни. Для Брюса... что ж, для него тоже.

Вещи Брюса решили было не брать, но мальчик неожиданно заупрямился. Это подарок Лизы, заявил он, и вообще нехорошо вести себя так, словно им на деньги наплевать!

Джон Брайтон выслушал эти доводы абсолютно серьезно, хотя ему очень хотелось рассмеяться. Сам он — единственный из всей троицы — чувствовал себя прекрасно. Шестилетние поиски увенчались успехом, он везет племянника домой, и тетя Агата сейчас ставит Касл-Мэнор на уши, готовясь к приезду мальчика. Жизнь войдет в свою колею, и вскоре они все привыкнут друг к другу, подружатся, и все будет хорошо.

Он приходил каждый вечер, пил с Брюсом и Лизой чай, пытался разговорить их. Слишком мало времени, успокаивал он себя после таких визитов. Слишком мало времени прошло с момента знакомства. Несколько дней назад эти двое считали его своим врагом, а теперь едут с ним в другую страну. Естественно, что они так насторожены.

А Лиза и Брюс и в самом деле образовали нечто вроде альянса. Маленького, встревоженного, готового ко всему альянса. Они уже не воспринимали Джона Брайтона в штыки, но и полного доверия не чувствовали. Разговаривали вежливо, но в основном только кратко отвечали на его вопросы, сами беседу не поддерживая. Брюс вообще категорически уклонялся от ответов даже на самые тактичные расспросы Джона о папе и маме.

Наконец настал день отъезда. К удивлению Лизы, проводить их пришел не только мистер Карч. Молочник и булочник явились попрощаться с «юным постреленком», и в машину перекочевал пакет с горячими пончиками, истекающими маслом.

Никто из прежних знакомых Лизы не пришел. Она и не вспомнила о них, пока не пришло время запереть дом и отдать ключи нанятому мистером Карчем человеку. Вот тут Лизе стало тошно до слез. Она уезжала из Батон-Руж, города, в котором родилась и выросла, прожила двадцать три года — а выяснилось, что никому в этом городе она и не нужна. Закусив губу и призвав на помощь всю свою светскую выучку, девушка торопливо уселась в машину, забившись в самый угол сиденья. Брюс шлепнулся рядом. Джон Брайтон уступил место за рулем мистеру Карчу, и маленькая экспедиция отправилась в долгий путь до аэропорта Нового Орлеана.

Джон Брайтон и мистер Карч вели негромкий и до ужаса нудный разговор, Брюс напряженно смотрел в окно, и Лиза чувствовала себя одинокой и всеми позабытой. Вид домов, которые они проезжали, вызывал спазмы в горле, са всеми улицами было что-то связано, и девушка с трудом удерживалась от слез.

* * *

В Новом Орлеане они пообедали и почти сразу отправились в аэропорт. Здесь прощание с мистером Карчем символизировало прощание Лизы с Америкой — и с прошлой жизнью.

Старый поверенный церемонно пожал дрожащие пальчики девушки и промолвил на удивление тепло:

— Я желаю вам удачи, Лиза. Перед вами вся жизнь. Я искренне надеюсь, что у вас все получится. Простите старика за не всегда учтивые речи и излишнюю строгость...

Этого Лиза вынести не могла и немедленно заревела, по-детски размазывая слезы кулаком. Мистер Карч дружески похлопал ее по плечу своей костлявой рукой и промолвил еще тише:

— Удачи, девочка. Берегите Брюса.

С Брюсом они распрощались по-мужски сдержанно, но с явной симпатией друг к другу. Мальчик обещал писать мистеру Карчу — тем более что эти письма могли пригодиться на заседаниях опекунского совета. Хоть Брюс и был английским подданным, американские власти тоже несли за него ответственность.

Расклеившаяся Лиза, с больной головой, красными глазами и опухшим носом, прошла в самолет. Брюс уже вертелся на кресле у иллюминатора, так что девушка села посередине — между ним и Джоном Брайтоном.

Когда Джон опустился рядом, она сердито отдернула локоть. Пускай она больше не испытывала явной неприязни к этому англичанину, но он, как ни крути, увозил ее из страны, а кроме того... Кроме того, она отлично представляла, КАК она сейчас выглядит. Ни одна девушка на свете не захочет в таком виде сидеть рядом с молодым и довольно привлекательным мужчиной!

Именно поэтому на вопрос Джона, не нужно ли ей чего, Лиза буркнула что-то невразумительное, поглубже забилась в кресло и скрестила руки на груди, уставившись в спинку переднего сиденья. Джон с некоторым сомнением посмотрел на нее — и отстал.

* * *

Измученные, перенервничавшие мальчик и девушка заснули почти сразу, как только самолет взмыл в воздух. Брюс свернулся в удобном кресле калачиком, а Лиза спала сидя. Джон

пробовал читать, но, как только головка спящей девушки опустилась ему на плечо, немедленно забыл о книге. От этого прикосновения словно что-то пронзило его грудь. Может быть, это была пресловутая стрела Амура...

Она была маленькая и хрупкая, эта Лиза Кудроу. И в то же время — женственная до предела, вполне сформировавшаяся красавица. Наверное, так могли бы выглядеть женщины-фэйри из Маленького Народца Холмов...

Густые черные волосы завивались такими тугими кольцами, что Джон не удержался, осторожно взял локон двумя пальцами и легонько потянул — а потом отпустил. Распрямившиеся волосы мгновенно свернулись обратно в кольцо. Точно пружина...

От нее пахло магнолией и жасмином, а еще свежестью и юностью. Легкий румянец окрасил во сне милое личико, длинные ресницы чуть подрагивали, и немного страдальчески были заломлены красивые брови.

Под футболкой мерно вздымалась округлая соблазнительная грудь, и Джон Брайтон поспешно перевел взгляд обратно на лицо девушки. Еще не хватало!

Хватало или не хватало — а ощущения он испытывал вполне конкретные. Эрекция вообще вещь конкретная. Либо она есть, либо ее нет. Джон Брайтон тревожно завозился в кресле, и знойная пуэртиканка-стюардесса мгновенно подошла к нему.

— Вам что-нибудь принести?

— Если можно — два пледа.

— Конечно.

— И мне — шерри.

— Через минуту, сэр.

Она принесла пледы и помогла Джону аккуратно накрыть Брюса и Лизу, а потом, уже принеся шерри, заметила с улыбкой:

— У вас очень красивая семья, сэр. И такая молодая жена-красавица! Они с вашим сыном смотрятся почти ровесниками.

Джон ограничился смятенной улыбкой, а после ухода стюардессы принялся за шерри. Мысли метались в голове, словно перепуганные чайки. И это были мысли отнюдь не об археологии!

* * *

В свои тридцать два года Джон Брайтон не только не был женат, но и достаточно долгих отношений с женщинами никогда не имел. Самым его продолжительным опытом были три недели с Келли, хиппующей студенткой Кембриджа, во время раскопок в Нортумберленде. К тому времени — это было пять лет назад — Джон уже был одним из самых молодых профессоров университета, и студентки млели от него целыми курсами.

Келли была истинной дочерью людей-цветов. Она просто дождалась первого же вечера и пришла к Джону в палатку. Зашнуровала за собой полог, молниеносно разделась донага и села к нему верхом на колени, обняв за шею. Ошеломленный граф Дуглас не смог ничего возразить,

а Келли спокойно и вполне логично обосновала свои действия.

— У меня нет другого выхода. Вы с вашими принципами никогда не сделали бы первого шага, а мне в спину дышат еще три десятка красоток с трех потоков. Я люблю вас, профессор. Я хочу тебя, Джон. Если ты попробуешь сейчас меня выгнать, я закричу, и тебя обвинят в сексуальных домогательствах и попытке изнасилования.

— Келли, это же шантаж...

— Конечно. А как мне еще к тебе подобраться? К тому же... я не думаю, что так уж принуждаю тебя к чему-то, чего ты не хочешь. Так мне почему-то кажется.

С этими словами Келли быстро и сильно прижала горячую ладонь к молнии его джинсов, одновременно проведя голой грудью по его груди — и Джон вынужден был с ней согласиться, хотя бы внутренне. Через несколько секунд Келли быстро и сноровисто — что выдавало немалый опыт в подобных делах — раздела профессора Брайтона, после чего он практически не спал все три недели, занимаясь сексом каждую свободную минуту.

Он даже почти привык к ней, к Келли. Она была худощавая, с маленькой грудью, порывистая, гибкая, как гимнастка, любила нестандартные позы и была совершенно ненасытна в любви. Джон начинал подумывать о том, как они будут жить вместе в Лондоне, по возвращении из экспедиции, но однажды вечером, вернувшись с дальнего разреза, обнаружил, что все его оставшиеся в лагере студенты обкурились марихуаны и сидят вокруг костра, распевая песни Леннона и целуясь друг с другом. Келли тоже целовалась — с длинноволосым и очкастым парнишкой со второго курса. При этом была голой до пояса, а руки парнишки самозабвенно бродили у нее в шортах.

Появление профессора Брайтона практически никого не смутило, в том числе и Келли. Потрясенный Джон ушел к себе в палатку, а под утро туда заявила и Келли, погладила его по щеке и проворковала своим хриловатым грудным голосом:

— Прости, док. Это любовь с первого взгляда. К тому же у нас с тобой все равно ничего не получилось бы.

До Келли у него было несколько неудачных и скоротечных романов, а после Келли и вовсе не стало. Джон был нормальным здоровым мужчиной, но почти всю свою жизнь занимался тяжелым физическим трудом, а это в трудную минуту помогает лучше холодного душа.

В юности, когда ему приходилось работать шофером или разнорабочим, он узнал любовь зрелых женщин. Случайные подруги — их он всегда вспоминал с нежностью и без сожаления. Эти умели дарить любовь и наслаждение, ничего не требуя взамен. Возможно, среди них были и проститутки — но с Джоном они ложились исключительно по любви. Он стал мужчиной именно с такими, взрослыми женщинами и научился уважать их.

После истории с Келли Джон старался не оставаться с молоденькими студентками наедине и набирал в экспедиции преимущественно ребят. В последующие пять лет он поддерживал вялые и редкие отношения с коллегой по работе, одинокой и преданной науке сотрудницей Оксфордского музея археологии. Ее звали Бренда, и иногда Джону казалось, что свой первый распорядок дня она придумала еще в колыбели. Бренда не собиралась заводить семью в ближайшие десять лет, не переносила латекс презервативов и уверяла, что гормональные контрацептивы являются смертельным ядом. В силу этого дни для безопасного секса ею высчитывались на компьютере с точностью до нескольких часов. Сначала это коробило Джона, потом он привык. Редкие — не чаще двух раз в месяц — свидания он воспринимал, скорее, как

некие оздоровительные процедуры. К тому же Бренда была умной, порядочной и в высшей степени воспитанной особой, так что лучшего партнера и не найти...

Почему он сейчас вспоминает всех своих женщин?

Не потому ли, что запах магнолии и жасмина, легкий румянец на нежных щеках и тугие кольца волос возбуждают его в данную минуту куда сильнее, чем когда-то обнаженная Келли на коленях, женщины, сделавшие его мужчиной, и, без сомнения, — Бренда?

* * *

Удивленный и раздосадованный предательством собственного организма, Джон выпил еще три порции шерри, отвернулся от опасной Спящей Красавицы и заставил себя задремать. У него это почти получилось, когда он почувствовал, что его заботливо и осторожно укрывают пледом. Еще через минуту он услышал шепот.

— Я есть хочу, давай пончики съедим?

— Мы их почти все уже съели, в машине.

— Там еще два должно было остаться.

— Потерпи, скоро кормить будут.

— Лиза...

— Че... Что?

— Мне надо в туалет.

— Слушай, мы его сейчас разбудим, если полезем. Может, тебе не очень надо?

— Ну... пока не очень.

— Мне тоже пока не очень.

Джон улыбался, не открывая глаз. Это перешептывание за спиной звучало очень... по-домашнему, что ли?

— Лиза, а ты в Англии бывала?

— В Лондоне один раз. Зимой. Мне не понравилось. Очень сыро.

— А я не помню про Англию. Маленький был. Помню рыбу. Мы ее все время ели с мамой.

— Рыбу я люблю.

— А я ненавижу. С тех пор. Там же порт был. Только рыба и водилась.

Надо сказать тете Агате, пусть жарит мясо. Много мяса. И никакой рыбы! Джон невольно подался назад, чтобы лучше слышать.

— Ой, посмотри, не проснулся?

— Нет. Вообще-то он ничего, вроде. Не злой.

— Я же говорила, надо посмотреть.

— Да уж, мы на него посмотрели. Здоровско с него простыня свалилась, помнишь?

— Ох, не напоминай.

— Почему? Смешно вышло. Пришел ругаться — и получился голый. Лиза, можно я спрошу стыдный вопрос?

— Очень стыдный?

— Очень. Ты зажмурься, и я зажмурюсь.

— Зажмурилась. Давай.

— А когда я вырасту, у меня будет такой же... ну... большой... как у него? Ну, понимаешь, который у мальчиков.

Джон чуть не свалился с кресла. Лиза Кудроу, видимо, тоже.

— Брюс!

— Ты разрешила!

— Не знаю я. Вот обживемся в Англии, ты с ним подружишься и сам спросишь.

— А может, лучше ты, а? Лиза?

— Все, ну тебя. Ужасные какие вопросы задает! Теперь мне точно надо в туалет. Пойдем?

— Пойдем.

Сзади слышались пыхтение, возня, а потом Джон сделал вид, что сам проснулся. Повернулся и посмотрел на свою новую семью.

— Вы куда?

— Мы на минуточку. Брюсу надо в туалет.

— Еще чего! Ты первая сказала, что хочешь писать.

— Брюс!

— Я понял, не ссорьтесь. Сейчас я вас пропущу.

Через пару минут Лиза вернулась, и Джон поспешно приподнялся, пропуская ее на место. Ее волосы скользнули по его щеке, аромат жасмина осторожно защекотал ноздри...

Она потеряла равновесие всего на секундочку, начала клониться на него, и он совершенно машинально поймал ее. Импровизированное объятие длилось не дольше трех секунд, но эффект был потрясающий.

Джону казалось, что он обжегся. Поймал танцующий огонь голыми руками.

Лизе показалось, что ее ударило током. Не сильно, но ощутимо, так, что по позвоночнику

побежали хрупкие змейки, стало тепло в желудке и ослабли ноги...

Смущенные, растерянные, они сидели рядом и старательно смотрели в разные стороны. Вернувшийся Брюс с интересом посмотрел на них и изрек:

— У вас вид, как у детей, поссорившихся в песочнице. Можно мне пройти?

— Да. Конечно.

— Проходи. И не язви, будь любезен.

— Не буду. А когда будут кормить?

— Ух, что это за ребенок! Сейчас будут.

И действительно, принесли еду. Как это и бывает за трапезой, неловкость постепенно рассосалась, и за десертом они уже совершенно спокойно разговаривали. Точнее, Брюс и Лиза задавали вопросы, а Джон отвечал.

— Мы приземлимся в Хитроу?

— Да. Переночуем в Лондоне, а с утра двинемся на север.

— Ох. Для севера у Брюса маловато вещей...

— У нас будет целый вечер для необходимых покупок, а север в Англии — понятие относительное. Она вся на севере, особенно относительно Батон-Руж.

— Да уж. Я помню. Холод и холод. И еще холод. И дождь.

— Ну, вы же были зимой...

Олух и олух. И еще раз олух. Сейчас она догадается, что ты подслушивал.

— Мистер Карч наябедничал про мои разъезды?

Пронесло. Впредь надо осторожнее.

— На самом деле я мало где была. Мы катались с компанией, в основном по клубным вечеринкам. Клубы во всем мире одинаковые, так что Лондон, Париж или Рио — без разницы.

— Прожигали жизнь?

— Было дело. Теперь это в прошлом.

— Теперь она ого-го! А когда мы только познакомились, шагу не могла ступить сама.

— Брюс...

— Ну что — Брюс! Это же правда! Мистер Брайтон...

— Вот что, давай-ка мы как-то определимся с именами. Можешь звать меня дядей, если тебе так удобнее.

— А вам как удобнее?

Джон Брайтон усмехнулся.

— Меня всю жизнь звали просто Джон. И, как правило, — на «ты».

Брюс почесал нос.

— А если я буду вас так называть?

— Я обрадуюсь.

— Правда?

— Правда.

— Тогда я буду пробовать. Не сразу, конечно...

— Ну к Лизе же ты быстро начал обращаться по имени.

— Ха! Так то Лиза! Ее трудно звать иначе.

Джон Брайтон посмотрел Лизе прямо в глаза и ответил очень тихо:

— Это точно...

И от этого странного взгляда его серо-зеленых глаз, от тихого, низкого голоса, от задумчивой интонации Лизу внезапно бросило в жар. Вернулось смущение, прежняя скованность охватила всех троих, и, чтобы хоть как-то ее смягчить, Лиза упростила Брюса пустить ее на время к иллюминатору. Правда, секундой позже сообразила, что это выглядит как бегство, но было уже поздно.

Пейзаж за бортом лайнера был прекрасен, но несколько однообразен — океан облаков во все стороны и ослепительная синева чистой стратосферы наверху. Лиза упрямо вперилась в белую грудку облаков и задумалась. Ее томили какие-то странные и не совсем осознанные мысли и желания...

8

В шестнадцать лет она уже была такой же взрослой, как и сейчас, в двадцать три. А в двадцать три умудрилась сохранить почти все черты характера шестнадцатилетнего подростка. Честно говоря, до появления в ее жизни Брюса Лиза вообще не задумывалась о своем возрасте и том, что ему надо как-то соответствовать.

В шестнадцать лет у Сары Коннелли были уродские пластинки на зубах, прыщи на висках и перхоть. Голос Джимми Ханта то и дело давал петуха. Марлен не отпускали даже на школьные вечера. Остальные члены их будущей компании были немного старше и значительно самостоятельнее.

Лиза Кудроу в шестнадцать лет оказалась полностью предоставлена самой себе. Отныне все ее опыты над собственной жизнью оставались только на ее совести.

От природы жизнерадостная, добросердечная и смешливая, Лиза никогда не делала эти опыты опасными. Ей нравилось проводить время с друзьями, но ничего порочного в ее пристрастиях не было. Она целовалась с парнями, однако дальше дело не заходило довольно долго — до девятнадцати лет.

Четыре года назад в Ницце она влюбилась насмерть — и как многие первые любовные опыты, этот имел трагический финал.

Избраннику Лизы было двадцать семь лет, он еженедельно делал маникюр, увлекался йогой и звал всех девушек «лапулями». Скорее всего — это она сейчас понимала — потому, что не способен был запомнить их по именам.

Еще он был умопомрачительно, кукольно красив, изящен, хорошо воспитан и богат — все вкупе делало его лакомым кусочком для всех девиц побережья, но он выбрал Лизу, и она немедленно ослепла и оглохла от гордости и счастья.

Не случись с ней приступа слепоглухоты, она бы даже в свои неполные девятнадцать поняла бы, что для Бертрана она — всего лишь очередная куколка с красивым личиком, и вообще, не тот он человек, с которым нужно связываться...

Но окружающие девицы так отчаянно и явно завидовали, а Бертран был так невозможно хорош, что Лиза отключила мозг и три дня ходила за Бертраном, как овечка на привязи, а на четвертый он пригласил ее в свой номер на шампанское.

В теории Лиза знала, КАК ЭТО ПРОИСХОДИТ, но на практике еще не пробовала и немного волновалась. Будь она хоть немного опытнее, ее насторожило бы странное недовольство Бертрана на одной из ранних, так сказать, стадий процесса. Кукольный красавец был явно обескуражен тем, что эта крошка не понимает его намеков и совершенно ничего, судя по всему, не умеет.

На самом деле Бертран последние два сезона был все ближе к мысли, что несколько больше ему нравятся мальчишки. Девочки тоже ничего, но с ними много скучной возни, потом они все время чего-то требуют... Лизу он решил затащить в постель просто от скуки, ничего больше.

Было немного больно, очень-стыдно и как-то странно. Девушку удивила и шокировала откровенная брезгливость, с которой Бертран торопливо удалился в ванную, едва закончив... как же это назвать-то, господи?

Никаких поцелуев, никаких нежных слов — растерянная и смущенная Лиза завернулась в простыню и гадала, что ей лучше предпринять: тихо уйти или дождаться Бертрана.

Надо было уходить! Вернувшийся герой-любовник старательно отводил глаза, суетился, подбирал ее одежду и совал ей в руки. Когда Лиза сделала попытку обнять его, ее первый мужчина отшатнулся прочь.

— Нет! То есть... я хотел сказать... тебе сегодня больше нельзя. Это вредно после... первого раза.

— Но, Бертран...

— Иди, лапуль! Мне еще надо вызвать горничную... надо поменять постельное белье и вообще. Я устал. Я хочу отдохнуть.

Уже у самой двери он протянул капризным и недовольным тоном:

— И вообще — надо предупреждать. Я бы не связался с тобой, если б знал, что ты девственница! Не вздумай докучать мне впредь, поняла?

Она прорыдала у себя в номере всю ночь и весь следующий день, а потом умыла опухшее лицо ледяной водой, нацепила на нос самые темные очки, собрала чемодан и уехала из Ниццы, приказав себе забыть о своем позоре и о мерзавце Бертрране навсегда.

С тех пор у Лизы не было серьезных отношений ни с кем. Психотерапевт — если бы она к нему ходила — нашел бы причину этого в психической травме, нанесенной Бертраном, но у психотерапевта такая работа.

Она замкнулась в узком мирке своей компании, где все были хорошо знакомы и проверены. Джимми Хант казался влюбленным в нее, с Джереми ей нравилось целоваться, а с Тодом однажды на Ибице они занимались петтингом, но в этом не было ничего серьезного и потому пугающего. Лизу абсолютно не тяготило отсутствие полноценного секса.

Соответственно, и сексуальное возбуждение она вряд ли узнала бы, даже выскочи оно из кустов и дай ей по голове. Именно поэтому то, что она испытала сейчас, когда большие теплые руки Джона Брайтона на несколько мгновений обняли ее за талию, удивило и испугало Лизу.

Это было теплым и огромным, отнимающим силы и дарящим радость, от этого слабели ноги и становилась болезненно чувствительной грудь, темнело в глазах и становилось очень весело. Словно вы — воздушный шарик, наполненный гелием.

Лиза нахмурилась и сердито покачала головой. Он взрослый дядька и зануда! И вообще, даже будь он развеселым плейбоем — Лиза летит в Англию с Брюсом, чтобы мальчику было легче привыкнуть к новому месту. Когда все успокоится и встанет на свои места, когда Брюс приживется в Англии, она...

А что, собственно, она? По логике в этом случае она должна вернуться домой и заняться своей жизнью. Но что делать, если она не мыслит своей жизни без Паршивца? И одновременно не может вечно жить в доме Джона Брайтона, потому что... потому что она совершенно ему чужая!

Лиза повернулась, не в силах больше выносить груз тяжелых мыслей в одиночку, и увидела, что Брюс ушел в начало салона и смотрит там мультики, а Джон Брайтон задумчиво смотрит на мальчика, свесившись с подлокотника своего сиденья. У него был изумительный профиль! Лиза едва не загляделась на него, но вовремя опомнилась.

— Кхм!

— А? Простите, мисс Кудроу. Задумался.

— О чем, если не секрет?

— Не секрет. О Шоне. О моем брате. Знаете, Брюс на него очень похож.

— Значит, и вы с братом были очень похожи, потому что Брюс похож на вас.

— Интересно, а что у него от матери?

Лиза вздохнула.

— Видите ли, я даже представления об этом не имею. Совсем недавно я даже не предполагала, что у меня есть родня.

— Да, Бывает. Я тоже не знал, что у меня есть племянник, а он уже был. Ходил, смеялся, плакал, пачкал пеленки, улыбался маме...

— Вы любите детей, Джон?

— Очень. Мне с ними просто и легко. Со взрослыми бывает труднее.

— А... ваш брат? Вы с ним дружили?

— Я как раз об этом сейчас и думал. Видите ли... У нас три года разницы. В детстве это было здорово. Шон ходил за мной, как хвостик, я оберегал его, мы вместе играли, и это казалось незыблемым, как море и небо. Но в семнадцать лет я уехал из дома, а Шону было четырнадцать. Самый трудный возраст для мальчишки.

— Но ведь и вам когда-то было четырнадцать?

— Но от меня никто не уезжал. У меня другой темперамент, другой характер, и в моем мироздании тогда все было в порядке. А Шон остался один. Отец... У нас был очень строгий отец. Он хороший, порядочный человек, но... самодур, если можно так сказать. Хорошо бы смотрелся в эпоху феодализма. Шону было четырнадцать, а отцу почти семьдесят, какое уж тут взаимопонимание.

Лиза подперла кулачком щеку, пригорюнилась, и Джон поспешно отвел глаза. Маленькая фэйри сама не осознает, какой эффект она на него производит. А если осознает... тогда она еще опаснее.

— Выходит, вы вините себя в том, что с ним случилось потом? И таким образом Брюс — это частичное искупление вашей вины?

— Ого! Я слышу речь психоаналитика, а не юной девы.

— Не смейтесь. Я закончила педагогический колледж, а там преподавали психологию. Скажу честно, тогда она казалась нуднейшим предметом на свете.

Джон неожиданно расхрабрился.

— Лиза, а давайте выпьем на брудершафт. Нам ведь еще жить вместе...

Ужас этой фразы дошел до него позже, к счастью, и красавица-стюардесса не дала ему умереть от смущения. Через пару минут Лиза и Джон чокнулись пластиковыми стаканчиками мартини и перешли на «ты».

* * *

— Итак — на ты?

— На ты. Только иногда я буду сбиваться.

— Я тоже, наверняка. Лиза...

— Что?

— Ты сейчас выглядела расстроенной. О чем ты думала?

— Так, о ерунде. Я не расстроена, просто... озадачена. Согласись, все произошло стремительно. Как у Алисы в Стране чудес. Еще месяц назад, например, я была на Ибице. До этого в Амстердаме. У меня были тряпки, машины, друзья-подружки. И вдруг, в одночасье, у меня все это пропало, а вместо этого появился совершенно взрослый ребенок. А еще через неделю явился английский лорд и увез меня в Англию.

— Я не лорд. Папа был лордом, а я просто граф.

— Смешно. Просто граф.

— Лиза... А вы с Брюсом быстро подружились?

Лиза рассмеялась, вспомнив первые часы пребывания Брюса в Батон-Руж.

— Он сильная личность, этим все сказано. Честно говоря, я выглядела полнейшей идиоткой. Ходила за ним по пятам и отвечала невпопад, а он осматривал свои новые владения и язвил. Язвить он умеет прекрасно. На самом деле, ему было нелегко, но он умело это скрывал. А потом... не знаю, может быть, наша дружба началась с того, что он понял, что я не представляю для него никакой угрозы...

Джон нахмурился.

— Со мной, видимо, все иначе. Он все еще не может избавиться от многолетней уверенности, что я был причиной всех несчастий его семьи.

— Он уже так не думает, Джон. К тому же... я уже поняла, что завоевание доверия — процесс небыстрый. Когда мы будем в Лондоне?

— Через пару часов, если погода позволит.

— А где мы остановимся?

— В «Баррибо». Старый отель в центре, там же прекрасный ресторан.

— Ой, я про него читала.

— Про него все читали. Отель известен с восемнадцатого века, а ресторан с девятнадцатого. Для начала мы оставим вещи и пойдем за теплой одеждой. Потом немного пройдемся по Лондону, а потом отправимся в отель. Переночуем и на рассвете поездом поедem в Ливерпуль. Оттуда на выбор две возможности — морем и берегом. Берегом, разумеется, дольше, морем — однообразнее.

— Ох, Джон, а я ведь толком и не знаю, куда мы едем.

— Что ж, леди, могу рассказать. Брюс, иди сюда. Хочешь немного узнать о своем родном доме?

Брюс посмотрел с некоторым подозрением, но безропотно уселся на место. Джон Брайтон начал свой рассказ. Он привык читать лекции студентам, а сейчас перед ним были едва ли не самые внимательные слушатели.

* * *

— Говорят, что с острова Мэн отлично видно границу между Англией и Шотландией. Берег материка — это меловые холмы. Так вот, по легенде в месте раздела проходит красная полоса

— это кровь шотландцев, защищавших свою независимость и павших в битвах с англичанами. Самое интересное, что я эту полосу видел своими глазами...

— Ух, правда — кровь?

— Да нет, горная порода, но находится приблизительно по границе. Я не знаю объяснения, я не геолог. Я — историк, и мне интереснее считать, что это действительно кровь.

Остров Мэн не очень велик. На нем всего три крупных населенных пункта, несколько деревень и одна старинная церковь. Населяют остров в основном шотландцы, но церковь — ирландская, чем они страшно гордятся и в свою очередь утверждают, что шотландцы отобрали Мэн у Ирландии.

В Рамси, на севере, находится большой порт и рыболовецкая база. На юге, в Каслтауне, много старинных зданий и замков. Один из них стал в наши дни небольшим городком — Каслтауном. Вот в окрестностях Каслтауна и стоит наш, Брюс, Касл-Мэнор.

— Дом-замок...

— Совершенно верно. Дугласы с Мэна были не очень богаты. На настоящий замок у них золота не хватило, так что обошлись Касл-Мэнор. Но ты не думай, он все равно отличный и большой дом.

Его построили веке в шестнадцатом, но с тех пор два раза перестраивали. От первоначальной постройки осталась только башенка-маяк, на самом берегу моря.

— Так, значит, сам дом стоит на берегу?

— Да, Лиза. На высоком и крутом обрыве. Вообще-то там везде мягкий известняк, который с течением времени осыпается, но дом построен на базальтовой скале. Местные шутят, что, когда весь Мэн размоет море, останется торчать только скала, на которой стоит дом упрянца Дугласа.

— Я не поняла все-таки, почему Дуглас? Вы же Брайтоны!

— Граф Дуглас — это титул и родовое имя. Брайтон — обычная фамилия. Когда-то там, в роду, наследовал младший сын, и его фамилия по матери была Брайтон.

Брюс немедленно вскинулся.

— А мистер Карч говорил, что младшие сыновья в вашей дурацкой Англии ничего не наследуют! Значит, наследуют?! И папа мог стать графом?

Джон посмотрел на мальчика и с легкой грустной иронией промолвил:

— Наследуют. И папа мог стать графом. В том случае, если бы я умер.

Мальчик с шумом выдохнул воздух и отвернулся, но уже через минуту посмотрел дяде прямо в глаза.

— Прости меня, Джон. Я не должен был так говорить. И графом на самом деле я быть совсем не хочу.

— Но ты уже граф, мой друг. Ведь я холост и бездетен, так что вслед за мной графом будешь

ты...

— Эй, эй, мужчины, что это за похоронные разговоры! Давайте лучше про Касл-Мэнор. Кто там живет, кроме вас... тебя?

— О, там нас ждет замечательная женщина. Тетя Агата, родная сестра моего отца и твоя, Брюс, двоюродная бабушка.

— Она добрая?

— Лучше. Она легкомысленная.

— Ха! Чем же это лучше?

— Она очень веселая, все время все теряет и больше всего на свете любит клубничный джем и сплетни.

— А дети у миссис...

— Тетя Агата не вышла замуж. Легкомысленная, я же говорю. Сама она уверяет, что это потому, что она так и не смогла выбрать из пяти претендентов.

— Ого!

— Она и сейчас хоть куда. И я сам лично знаю двух ее бывших женихов. Одному восемьдесят, другому семьдесят шесть, и обоих до сих пор жены страшно ревнуют.

Лиза рассмеялась. Неведомая тетя Агата ей уже нравилась. Брюс уселся по-турецки и продолжил расспросы.

— А чего там еще есть? Это же остров, наверное, там не слишком весело.

— Это большой остров, так что там есть почти все, что есть на материке. Сосновый лес есть, луга, вересковые пустоши, даже болота есть, правда, немного. Но в основном — и это самое красивое — там меловые холмы.

— Чего это красивого в меловых холмах?

— Погоди, дружок, пока не увидел их. Они абсолютно белые и похожи на сугробы снега, но сверху их покрывает лиловый вереск и изумрудная трава, а внизу плещется бирюзовое море. На рассвете и перед закатом, когда солнце низко над морем, холмы сверкают мириадами огней, лучше всяких бриллиантов. Это из-за кварцевых песчинок. Уверяю вас, ничего красивее вы еще в жизни не видели. Жаль только, что солнце у нас не частый гость.

Лиза заворуженно наблюдала за Джоном Брайтоном. Он и вообще был очень ничего, но сейчас — просто красавцем! Серо-зеленые глаза стали почти изумрудными, на высоких загорелых скулах загорелся темный румянец, и рассказывал он так вдохновенно, что Лиза почти воочию представила сверкающие в лучах восхода — обязательно восхода! — холмы, и лиловые поля вереска, и прозрачное небо над призрачным морем...

— ...Говорят, в наших холмах до сих пор живет Маленький Народец. Фэйри, которые ушли еще во времена короля Артура. Племя волшебников и фей, эльфов и гномов.

Лиза немедленно представила и фей с эльфами, отчего картинка стала совсем уж волшебной,

но Паршивец Брюс был дитятей технического прогресса и в сказки не верил.

— Фей не бывает!

Лиза и Джон очнулись одновременно, одновременно с возмущением посмотрели на мальчика — тот даже слегка вжался в кресло под этими испепеляющими взглядами — и одновременно выпалили:

— Немедленно возьми свои слова обратно!!!

— Вы чего это...

— Скорее!

— Ладно, ладно... Беру. Бывают феи. И эльфы. И лохнесское чудовище, и зеленые человечки. Да что вы на меня так смотрите?!

Лиза и Джон переглянулись и расхохотались. Этот смех словно сблизил их, сделал единомышленниками. Лиза протянула руку и дернула мальчика за вихор.

— Эх ты! Питера Пэна надо читать.

— Я читал.

— Надо все время его читать. Очень полезная книжка. Таких книжек в мире всего-ничего. Питер Пэн, Алиса, Винни-Пух и Мэри Поппинс.

— Лиза, ты серьезно, что ли? Это же для малолеток! Джон, скажи ей!

Джон положил тяжелую ладонь на плечо мальчику.

— Когда-нибудь со временем поймешь, что это не совсем детские книги. Это не потому, что ты глупый, Брюс, просто... нужно, чтобы прошло время. А насчет фэйри... видишь ли, я все же не сказочник, а ученый, историк-археолог. Во время раскопок я своими глазами видел удивительные вещи. Существует множество доказательств того, что в незапамятные времена, когда одни люди ходили в звериных шкурах и не знали огня и металла, другие уже умели писать и читать, создавали великолепные произведения искусства, строили храмы и поклонялись неизвестным сегодня богам. Про Атлантиду слышал?

— Понятное дело. Она потопла.

— Верно. И даже в Библии об этом сказано. Но ведь Атлантида географически находилась совсем рядом. Собственно, Англия — это ее кусочек.

И Джон с удвоенным энтузиазмом принялся рассказывать Брюсу про Атлантиду. Лиза сидела между ними, очарованная рассказами, согретая теплом плеча Джона с одной стороны и телом Брюса, навалившегося на нее, с другой.

Рослые светлолицые воины проходили бесконечным строем по меловой сверкающей равнине...

Золотой храм нестерпимым блеском резал глаза...

Молодой красавец-жрец в странном одеянии, в головном уборе из оленьих рогов, протягивал Лизе золотую чашу с черно-красным, густым вином, похожим на кровь...

Синие татуированные змеи обвивают руки...

Два тела на медвежьей шкуре...

В объятиях светлого бога...

Брюс и Джон осторожно накрыли девушку пледом, потом Джон протянул руку и с легкостью перенес Брюса над головой спящей Лизы. В конце салона были свободные места, и они отправились туда, поскольку Брюс желал узнать окончание истории про Морриган, богиню войны, раздора, лжи и смерти, а Джон хотел чаю.

Самолет стремительно приближался к обломку Атлантиды по имени Англия.

9

Лиза запомнила зимний Лондон угрюмым, грязным и мокрым. Даже электрический свет, приглушенный туманом, казался каким-то блеклым. Наверное, поэтому ей никогда и не хотелось сюда вернуться. И уж точно поэтому так шокировал ее вид Лондона летнего, Лондона солнечного, Лондона цветущего.

Дорога из Хитроу пролегла в местности, которую любой американец назвал бы сельской, хотя для англичанина это был всего лишь пригород. Аккуратные квадратики полей поражали яркостью красок — зеленые, желтые, белые, розовые. Клевер и сурепка, пояснил Джон Брайтон. Кормовые культуры.

Те, для кого кормовые культуры предназначались, тоже были здесь. Толстые симпатичные коровы, лохматые овцы, пятнистые свиньи, лошади и козы. Лиза и Брюс в волнении метались на заднем сиденье просторного лондонского такси, не успевая насмотреться в одно окно, как за другим открывался еще более идиллический вид.

Пряничные домики с яркими палисадниками. Красные черепичные крыши. Золотая пыль над проселочными дорогами, ярко-голубое небо, уже темнеющее на западе, но все еще светлое, без единого облачка.

Потом начался Лондон, и если более современные постройки окраин их не впечатлили, то при въезде в центр мальчик и девушка вновь прилипли к окнам.

Красные двухэтажные автобусы, снующие по мостовым горожане, голуби на Трафальгарской площади, и горделивый одноглазый Герой Англии, снисходительно взирающий на все это с высоты. И летящий золотой ангел, незримо хранящий древнюю столицу, пережившую пожары и чуму, войны и междоусобицу.

Тауэр, Биг Бен и Большой Лондонский мост, извилистая Темза и лебеди, плывущие по ней, — все было знакомо Лизе по туристическим проспектам и открыткам, но при этом было лучше, лучше, лучше в триста тысяч миллионов раз! Теперь она могла прикоснуться ко всему этому, пройти старыми извилистыми улочками...

Брюс отчаянно моргал, зевал и вертел головой. Многочасовой перелет был слишком тяжел для восьмилетнего ребенка, и Джон был уверен, что парень заснет, едва доберется до кровати.

В отеле их уже ждали, и величавый швейцар распахнул перед ними двери. Потом мальчишка-коридорный в красном форменном мундирчике стрелой пронесся вперед, унося на себе весь их багаж. Вскоре Лиза и Брюс — одна с удовлетворением, другой с безбрежным изумлением —

оглядывали свой номер. Джон кашлянул позади них.

— Я заказал большой люкс, потому что не знал, согласится ли Брюс ночевать один в номере. Если хотите, можем поменять...

Лиза покачала головой.

— Здесь просто великолепно. Я уже влюбилась. И места полно — Брюс ляжет в спальне, а я...

— Уу-ооо-у!!!

Это Брюс заглянул в спальню. Здесь было от чего взвыть. Кровать, больше напоминавшая корабль, мех на полу, каменный камин, приглушенные тона обоев и тяжелых портьер, а из открытых французских окон льется тонкий аромат цветов. В такой спальне могли с успехом поместиться — и не мешать друг другу — приблизительно пять Брюсов сразу.

Джон опять кашлянул, неожиданно снова почувствовав неловкость. Завязавшаяся в самолете прекрасная дружба затрещала по швам. В сущности, он совершенно не умеет обсуждать с женщинами их потребности, и потому...

Тьфу, ерунда какая. Ты совсем с ума сошел, и все из-за этого жасмина и тугих локонов девчонки из Луизианы. Опомнись, профессор. Тебе тридцать два, ты давно уже не мальчик, и твои гормональные бури отгремели давным...

Лиза доверчиво взяла Джона за руку — и весь аутотренинг пошел насмарку. Сердце глухо бухнуло и провалилось в район желудка, кровь зашумела так, что Джон едва расслышал, что она говорит.

— ...Давай быстренько смотаемся за вещами, а потом уложим его спать. Он с ног валится.

— Ничего и не валюсь. Опять в магазин?

— Ты ничего мерить не будешь. Просто ткнешь пальцем.

— Хорошо. Только быстро. А потом мороженого.

— Разумеется. Я приглашаю вас обоих в ресторан — по случаю приезда и начала нашей совместной жизни.

Хорошо, что эти дети были так смешливы и легкомысленны. Потому что до Джона опять с некоторым опозданием дошел смысл сказанного, и он опять едва не прикусил себе язык.

Договорились встретиться в вестибюле через полчаса. Джон принял душ и переоделся в рекордно короткие сроки, после чего спустился вниз и вцепился в газету, не понимая и половины написанного. Его мысли были далеко, очень далеко.

Нужно разобраться, что происходит. Почему он реагирует на эту девочку так... словно он мальчик? Подросток, неспособный справиться с сексуальным возбуждением?

Да, она хороша, очень хороша. Но все ее двадцать три прямо написаны у нее на лбу, и за руки она его хватает не из женского коварства опытной соблазнительницы, а по-детски привлекая внимание к своим словам. Так же точно хватал его и Брюс, прося рассказать еще об Атлантиде.

Надо опомниться. Он привез ее, потому что так захотел мальчик. Он привез Лизу Кудроу для

Брюса, а не для себя. Они с Лизой чужие друг другу, и она вовсе не собирается прожить с ним вместе всю оставшуюся жизнь.

А сколько она собирается с ним прожить? То есть... не с ним, а с Брюсом — у него в доме? И какого черта они не обговорили это все с мистером Карчем — у него бы наверняка лучше получилось, у старого крючкотвора.

Ничего, ничего, сейчас они быстро съездят в «Харродс», купят все, что нужно, а потом немного пройдутся пешком, поужинают в ресторане и лягут спать, потому что завтра рано вставать, а еще потом ехать, ехать, ехать.

Да где они!

Он вскинул глаза — и увидел своего племянника и его тетку.

Брюс умылся и причесался — судя по недовольному и суровому виду, скорее, ЕГО УМЫЛИ И ПРИЧЕСАЛИ. Одет мальчишка был в настоящий костюм, причем не в один из тех дурацких псевдовзрослых костюмчиков, в которых юные джентльмены томятся и потеют, нет. Хорошие темно-серые брюки широкого покроя, расстегнутый пиджак, светлая рубашка — все немного в стиле 30-х годов, но элегантно и хорошо сшито. Мальчонке и самому явно нравилось. Джон мысленно поставил Лизе Кудроу пятерку — даже родители не всегда столь тактично и умело могут приодеть своих чад.

Потом Джон перевел глаза на Лизу — и сердце снова занялось акробатикой.

Маленькое черное платье, придуманное гениальной хулиганкой Коко Шанель, никогда и никого не подводило. Не подвело оно и Лизу Кудроу. В особенности учитывая стройную, точеную фигурку, длинные ноги, роскошные волосы и красивое личико. Поверх платья девушка накинула черный же кардиган с воротником-стойкой. Ткань была расшита тонкой золотой нитью, что создавало эффект парчи, но не придавало наряду громоздкости, характерной для этой ткани королей и священников.

Изящные туфельки на высоченной шпильке Лиза носила с той легкостью, которая достигается многолетними тренировками. Тонкий золотой браслет-цепочка на лодыжке, такая же, но чуть толще, цепочка на запястье, наконец, изящная витая цепочка с кулоном из черного оникса на стройной шее — изысканное сочетание черного и золотого необыкновенно шло Лизе Кудроу. Впрочем, по всей видимости, ей идет все, в смятении подумал Джон. Все, точно — потому что в футболке и джинсах она тоже великолепна.

Наверное, она великолепна в принципе, так сказать. То есть и без одежды...

Надо сходить к психоаналитику. Попить успокаивающее. А еще лучше — отвезти их домой и побыстрее смотаться в экспедицию. Там много работы, очень пыльно и грязно, вокруг одни потные мужики и нет никакой опасной Лизы Кудроу с ее тугими локонами и высокой грудью, на которую он сейчас пялится, словно замороженный, а ведь надо уже что-нибудь и сказать!

— Я... мне... Очень!

Лиза одарила Джона томной улыбкой.

— Благодарю вас, мистер Брайтон. Когда мужчина теряет дар речи — это лучший комплимент. Ну что, пошли?

Джон пришел в себя — в основном благодаря ехиднейшей улыбке, расцветавшей на лице его племянника. Эта улыбка словно говорила: «Ну что дядюшка, втюрился? Вот какая у меня тетка!».

— Пошли. Вы оба выглядите прекрасно. Лиза, а ты не устанешь на таких каблуках? Мы ведь думали пройтись.

— Долго мы все равно не прогуляем, Брюс едва держится на ногах...

— Фига с два!

— К тому же я к каблукам привыкла. Мне на них даже удобнее.

— Удивительно. Я бы и секунды на них не продержался. Идемте.

Швейцар с поклоном растворил зеркальные двери, свистнул куда-то в сумерки — и вот уже знаменитое лондонское такси тормозит перед парадным входом в отель «Баррибо». Закрывая за Лизой и Брюсом дверцу, Джон испытывал странное чувство. Похоже, никто из окружающих не сомневается, что это его, Джона, семья. Юная жена, маленький сын. Красивая и счастливая семья.

На самом деле все они — трое чужаков, отчаянно старающихся привыкнуть друг к другу. И это очень жаль. Потому что впервые в жизни Джону Брайтону, графу Дугласу, очень хотелось, чтобы эти двое и вправду были его семьей.

В «Харродс» все ощущения только усилились. Теперь они создавали видимость семьи, пришедшей за покупками. Лиза вертела недовольного Брюса перед зеркалом, а Джон придирчиво рассматривал мальчика со всех сторон. Пытку тряпками Брюс выдержал, но потребовал компенсации, и вскоре они с Джоном сидели на мягких креслах, Джон пил кофе, Брюс ел мороженое, а Лиза устраивала для них шоу-показ курток.

Они совершенно случайно вспомнили, что теплых вещей нет и у Лизы, так что куртка и пара плотных брюк не помешает и ей. Удивительные существа женщины — Лизу примерка нисколько не раздражала, наоборот. Она даже ухитрилась сделать из этого настоящее представление.

Молоденькие продавщицы с удовольствием приняли участие в шоу, а Брюс и Джон изображали зрителей. В конце концов они так разошлись, что начали всерьез аплодировать, свистеть и издавать приветственные возгласы, а потом Джон обнаружил, что Лиза уже собрала вполне приличную аудиторию, и это ее совершенно не смущает.

Раскованной, летящей походкой «от бедра» маленькая черноволосая фея носилась по подиуму, молниеносно меняя наряды, благо, маленькое черное платье сидело на ней словно вторая кожа. Наконец, после многочисленных критических замечаний Брюса, нужное было отобрано, и зрители проводили Лизу бурными аплодисментами. Смеющаяся, раздумывавшаяся девушка легко спрыгнула (это на каблуках-то!) с подиума и присоединилась к своим мужчинам. Джон улыбнулся ей и с энтузиазмом заметил:

— У тебя несомненный артистический дар. Ты зажгла публику. Смотри, вон та пара выбирает себе куртки, а еще десять минут назад, держу пари, и не думала об этом. Брюс, правда, Лиза молодец?

— Да уж, тетка, ты классно зажигала.

— Спасибо, спасибо, спасибо. Только теперь я очень хочу есть. И немножко — танцевать.

— Ого! Я думал, вы с Брюсом устали. День был очень трудным.

— Видишь ли, до появления Брюса я в основном вела ночной образ жизни. Отсыпалась днем, ночью веселилась в клубах. При Брюсе с трудом начала спать ночью и бодрствовать днем, но организм-то еще помнит! Так что разумнее всего было бы дать мне разгуляться на полную катушку и дожидаться, когда я упаду. Желательно, чтобы это произошло вечером, тогда я смогу жить в нормальном режиме, как все люди.

Все трое расхохотались, и люди, проходившие мимо, смотрели на них с улыбками, думая про себя: «Какая молодая и счастливая семья!».

* * *

Пакеты с покупками отправили в отель с посыльным, а сами еще побродили по ночному Лондону. Джон и Лиза наперебой сыпали цитатами из «Питера Пэна» и «Алисы», а Брюс вертел головой, не зная, кого слушать. В конце концов ноги у него стали заплетаться, и во время одного из перекуров на Пикадилли-серкус (Джон курил, а Лиза, сидя на парапете фонтана, декламировала Песенку Белого Рыцаря) мальчик мирно заснул на лавочке. Заметив это, Лиза ойкнула и прикрыла рот ладошкой.

— Нет нам прощения! Ведь я же знала, что он устал!

— Ничего страшного. Это хорошая усталость.

— Бедный Паршивец. Ой, а как же он без ужина?

— Мы закажем ему еду в ресторане и оставим в номере. Что-нибудь типа сока, сэндвичей и йогурта, а потом он поест нормально.

— Да, но как же сейчас-то... Надо поймать такси, но здесь они не ездят.

— Центр по вечерам закрыт. Ничего страшного, я его донесу.

— Уверен? Он не такой заморыш, каким кажется.

Джон усмехнулся и легко и бережно вскинул ребенка на руки. Брюс горько вздохнул, пробормотал нечто невразумительное — и продолжал спать.

Они шли по ночному Лондону, тихо разговаривали, и казалось, что в мире кроме них больше никого нет. Джону Брайтону, например, было совершенно ясно, что Лизу он знает давным-давно, просто обстоятельства — а может быть, временное помрачение рассудка — разлучили их, а вот теперь свели снова вместе.

Лизе Кудроу было легко и спокойно. Лондон оказался знакомым и теплым, как любимая книжка, Брюс остался с ней, а идти плечом к плечу с Джоном Брайтоном было до невозможного приятно. И одеколон у него был шикарный, и руки такие сильные, и зеленые, как у Брюса, глаза слегка светились в темноте.

Он еще и жутко умный, этот Джон Брайтон. Брюсу с ним будет интересно. Пожалуй, пока можно даже не думать про школу. Джон его поднатаскает...

— ...Я не могу дожидаться, когда поеду в экспедицию. Вообще-то, больше всего на свете я

люблю сидеть в разрезе и разглядывать какой-нибудь черепок от старого кувшина. Никогда не знаешь, что найдешь.

Лиза очнулась от своих грез и с подозрением уставилась на Джона.

— Интересно получается. Привезешь нас на новое место и сделаешь ручкой?

Вопрос звучал несколько агрессивно, и Джон немного растерялся.

— Ну... Я совсем запустил науку за эти годы, понимаешь? Просто не мог ни о чем думать, кроме Брюса и его матери. А сейчас чувствую себя так, словно у меня гора с плеч свалилась. Хочется сразу и всего.

— Кто-то мне говорил, что я еще слишком молода, чтобы взваливать на себя ответственность за ребенка. А теперь этот кто-то сам норовит свалить от ответственности.

— Неправда!

— Правда. И не ори, Брюса разбудишь. Джон, нельзя сейчас от него уезжать. Он только начал привыкать к тебе — а ты дашь понять, что твои черепки для тебя важнее. Ведь мальчику жить с тобой, он должен доверять тебе.

— Я подумал, раз ты с нами, то...

Голос Лизы изменился, стал твердым и немного отчужденным.

— Все очень быстро происходит с нами, Джон, на самом деле надо о многом подумать.

— Мы еще даже до дома не доехали...

— Это ВЫ до дома не доехали, ты и Брюс. Это ВАШ дом. А я... Я в любом случае не буду с вами долго.

— Почему?

Этот абсолютно детский вопрос вырвался у Джона машинально. Ибо в течение последних часов он свято уверовал в то, что Лиза Кудроу будет в его жизни всегда.

Лиза сердито посмотрела на светловолосого атлета с растерянным лицом. Если бы не Брюс, так бы и пнула Джона Брайтона. За глупость.

— Я еду в Касл-Мэнор только на время. Только для того, чтобы помочь Брюсу освоиться. Ты же прекрасно понимаешь, что на самом деле воспитательница из меня никакая.

— Ты колледж закончила...

— И не работала ни одной минуты!

— Ты любишь детей. И они тебя любят. Это сразу видно, и этому не учат в колледже.

— Брюс помог моим мозгам встать на место. Теперь я должна подумать о своем будущем. О том, где я буду жить, на что я буду жить, чем буду заниматься. Понимаешь?

— Брюс не захочет, чтобы ты уезжала.

— Я тоже. Но придется.

— И я не захочу.

Наступила тишина. Ошеломленная Лиза обдумывала услышанное, Джон отчаянно сгорал от смущения.

Вообще-то она права. Ее положение в доме может быть истолковано в неверном свете. Неженатый молодой хозяин дома, молодая американка, якобы дальняя родственница племянника хозяина... Слухи поползут, ох поползут.

Черт бы с ними, со слухами. Лиза сама будет тяготиться своим положением.

Что же сделать? Нанять ее официально в качестве учительницы?

Ага, и предложить ей жалованье. Легко представить, как она после этого будет на него смотреть.

Есть еще прекрасный выход, сообщил вдруг внутренний голос. Ты можешь на ней жениться.

— Нет!!!

Лиза в изумлении посмотрела на Джона. Почему ее невинное замечание вызвало такую реакцию?

— Почему — «нет»?

— Что?

— Ты сказал — «нет!!!»..

— Когда?

— Сейчас. Только что.

— А ты что сказала?

— Я сказала, что для начала мы можем остановиться на двух оставшихся летних месяцах. А ты сказал — «нет!!!». Тогда определи сроки сам.

Джон ощутил громадное облегчение. Значит, до конца лета она точно останется.

— Господи, да это я вообще о другом. Разумеется, до конца лета. И дольше тоже. И вообще, я бы предложил год. За это время мы его подготовим к школе и отправим туда, посмотрим, как он там освоится, убедимся, что ему нравится в Касл-Мэнор...

— Джон, мне все равно придется уехать, рано или поздно.

Он кивнул и пристроил Брюса поудобнее.

— Хорошо. Ты решишь сама. Но сейчас давай об этом не говорить. Мы едем домой, считай это летней туристической поездкой.

— Договорились. Ох, вот и отель.

— Ты не устала? Готова к ресторану?

— А ты?

— Шутишь! С такой дамой! Мне будет завидовать весь Лондон.

* * *

Они вместе уложили Брюса. Как родители, с неожиданной горечью подумал Джон. Как родители, которых у мальчика нет и которыми они с Лизой не являются. Неумелые, неловкие дураки-родители.

Потом Лиза подкрасила глаза и губы, а Джон заказал по телефону легкий ужин в номер, на случай, если Брюс проснется, и написал мальчику записку. Лиза взяла Джона под руку, и они отправились в ресторан «Баррибо».

Старинные интерьеры, прекрасная кухня и тихая музыка обычно настраивали посетителей на умиротворенный и лирический лад, но молодые люди чувствовали странное возбуждение.

Каждый глоток шампанского разжигал кровь, каждая фраза таила в себе скрытый смысл. Еще больше нервировало то, что ни Джон, ни Лиза не понимали толком, что с ними происходит. Они то избегали смотреть друг другу в глаза, то, наоборот, замолкали на полуслове, вглядываясь в собеседника.

В какой-то момент Джон решил разрядить обстановку и пригласил девушку на танец. Это было ошибкой, хотя и прекрасной ошибкой! Лиза хорошо двигалась, замечательно чувствовала музыку, одним словом, была прекрасной партнершей, но держать ее в объятиях, касаться щекой ее пушистых волос оказалось для Джона настоящей пыткой.

Он снова чувствовал, что сжимает в объятиях танцующее пламя. Оно обжигало его, сводило с ума, и вот уже не стало вокруг никого и ничего, только сияние огней, музыка и огромные темные глаза девушки, доверчиво и немного испуганно глядящие прямо в смятенную душу Джона Брайтона.

Продлись танец немного дольше, он бы не смог удержаться. Эти нежные губы были так близки и так желанны, что он изо всех сил сдерживался, чтобы не впитаться в них поцелуем.

Они уселись на место и тут же принялись болтать без умолку, оба одинаково смущенные и возбужденные. Пожалуй, за время ужина они умудрились узнать друг о друге больше, чем за неделю общения.

Катастрофа случилась в самом конце вечера. Джон проводил Лизу до дверей номера и остановился, не зная, что сказать. Разумеется, можно было бы зайти посмотреть, как там Брюс, но огонь в крови разошелся в настоящий пожар, и Джон боялся самого себя, боялся не сдержаться и сделать что-то непоправимое, после чего не получится уже ни совместной поездки в Касл-Мэнор, ни совместного воспитания Брюса, ничего!

Лиза взялась за ручку двери, робко подняла глаза на Джона.

— Что ж, спасибо за прекрасный вечер. Умираю — хочу спать. Спокойной ночи?

— Да. Спокойной ночи.

Это вышло само собой. Он наклонился вперед и одновременно взял ее руку, чтобы поцеловать ее, но вместо этого вдруг с силой притянул к себе девушку и поцеловал прямо в полураскрытые губы.

Это был отчаянный и страстный поцелуй, поцелуй-пытка, поцелуй-возмездие. Губы казались раскаленными, и сплелись в жаркой схватке языки, а потом он почувствовал вкус ее крови... или своей?

Он пил ее дыхание, пил аромат цветов и юности, умирал от нежности, задыхался от желания, знал, что теперь все кончено, испорчено безвозвратно, и она не простит, не простит его никогда, так что нет никакого завтра, никакого будущего, есть только сейчас, здесь, немедленно и навсегда, а потом он умрет, закопается в своих экспедициях и больше никогда не посмотрит ей в глаза...

Лиза цеплялась за Джона, как утопающий цепляется за сухую ветку, проплывающую мимо.

Ей казалось, разожмет она руки — и улетит. Ног девушка не чувствовала, они были слабыми и дрожащими, словно желе.

Внутри тоже было пусто, и еще — горячо. Слово огромный костер разгорелся на месте сердца, и кровь закипела золотыми пузырьками шампанского.

Она не знала таких поцелуев раньше, но это не мешало ей отвечать на них инстинктивно и верно. И секунды стали веками, потому что невозможно было разорвать объятия, ибо за ними — только смущение, стыд и невозможность смотреть в его невыносимые зеленые глаза...

А потом все кончилось. Растрепанный, ошалевший, с дикими глазами, Джон Брайтон стремительно отступил назад, порывисто выдохнул и прошептал:

— Простите! Простите меня, мисс Кудроу.

Еще секундой позже хлопнула дверь его номера, а потом и Лиза, едва волоча ноги, смогла войти к себе, запереть дверь и тут же бессильно привалиться к ней спиной.

Ну и как теперь жить дальше? Как завтра здороваться с ним, смотреть ему в глаза, ехать к нему в дом?

Разумеется, мнение свое он о ней составит. Легкомысленная девица, едва ли не в первый вечер знакомства (Америку не считаем, там все было по-другому) позволяет делать с собой все, что угодно.

Да?

Да. Если бы он захотел сейчас с ней сделать ВСЕ, ЧТО УГОДНО, она согласилась бы, не раздумывая.

Подсознание — штука подлая и несвоевременная — немедленно мобилизовалось, и вот в голове Лизы отчетливо вспыхнула картинка, которую она тщательно старалась забыть. Падающая красивыми складками махровая простыня — и практически полностью обнаженный Джон Брайтон с лицом рассерженного небожителя.

Мускулистые руки. Золотой треугольник волос на груди. Плоский накачанный живот и другой золотистый треугольник, только перевернутый и видимый не до конца, исчезающий под

резинкой чертовски элегантных трусов-боксеров... И то, что не в силах скрыть даже чертовски элегантные трусы-боксеры!

Лизу обдало жаром. Она швырнула кардиган в кресло, метнулась в спальню — Брюс спал крепким сном младенца, но стакан сока на прикроватной тумбочке был пуст, и сэндвичей стало меньше. Девушка кинулась в ванную.

Холодная вода горячила кожу лица, а потом защипало губы, и Лиза удосужилась впервые взглянуть на себя в зеркало. Припухший, счастливо и глупо улыбающийся рот, пылающие щеки, лучистые распахнутые глаза, буря растрепанных волос цвета ночной бури...

Непонятное, дикое торжество захлестывало девушку с головой, мешало дышать. Она чувствовала себя желанной и прекрасной, почти всемогущей, и ничто на свете сейчас не могло поколебать ее уверенности в себе.

Невозможно лечь спать. Невозможно убедить себя, что ничего не было. Она сейчас пойдет и скажет ему обо всем, что почувствовала в его объятиях, почувствовала впервые в жизни. Пойдет — потому что все равно не сможет завтра делать вид, будто ничего не произошло. Скажет — потому что нельзя молчать о том, что чувствуешь.

Лиза босиком выскользнула в коридор, плотно прикрыла за собой дверь номера. Толстый ковер заглушал звук ее шагов, но и без того они были легки.

Девушка постояла несколько секунд перед дверью, и уверенность начала ее покидать. Стучать было страшно, и Лиза малодушно подумала: если дверь заперта, она не станет стучать. Уже почти час ночи, это неудобно.

Она осторожно нажала на ручку.

Дверь отворилась. Лиза осторожно шагнула внутрь номера — и замерла на пороге, не в силах пошевелиться.

10

Джон первым делом прошагал тяжкими шагами в ванную и ровно три минуты простоял под холодным душем. Не помогло.

Он небрежно вытерся и вышел в гостиную. Стоял, обнаженный, перед весело горящим камином и искренне подумывал о бегстве в Иностраннный легион.

Что за глупая, неприличная, дикая выходка! Испортить своими руками хороший... ну, нормальный вечер! Теперь она замкнется в себе, будет думать о нем невесть что, и совершенно правильно, совершенно верно будет думать, потому что джентльмены, тем более графы, не бросаются на девушек, как только им приспичит целоваться.

В этот момент память историка с тоской подсказала эпизоды из прошлого, когда английские графы просто перекидывали полюбившуюся девицу через седло и везли ее в свой замок. И все, между прочим, было прекрасно, и разводов тогда не было в помине! А демография!

Он вдруг явственно представил себе спальню в Касл-Мэнор, высокие черные балки под потолком, и жаркий огонь в громадном каменном — не то что здесь — камине. И шкуру медведя на полу, а на этой шкуре — раскинувшаяся в жаркой истоме маленькая черноволосая фея, нежная и страстная, желанная и единственная во всем белом свете. Лиза.

Он вцепился скрюченными пальцами-когтями в каминную полку. Мышцы на спине затвердели, словно каменные. Еще более каменной была некая часть его тела, и никакой холодный душ не мог с этим ничего поделать.

Джон Брайтон не расслышал, а, скорее, почувствовал легкое движение за спиной. И повернулся.

И утонул в черных, как ночь, глазах маленькой женщины.

* * *

Она дышала так тяжело, словно только что пробежала несколько километров по склону горы. Напряглись и закаменели соски под тонкой тканью вечернего платья, жаркой истомой таяло тело, подгибались колени, и впервые в жизни она неистово, бесстыдно и жадно хотела мужчину. Этого мужчину.

Она впилась скрюченными пальцами в дверной косяк, закусила губу. Стоявший у камина Джон медленно повернулся к ней...

Отблески пламени играли на светлой коже, делали ее золотистой. Обнаженный мужчина был прекрасен, словно языческий бог, и внушал такое же языческое желание. Лиза порывисто всхлипнула, а потом бросилась к нему, на ходу яростно освобождаясь от невыносимо раздражавшего ее платья. Миг — и два обнаженных тела покатались по пушистой шкуре, сплетаясь в немыслимый, нерасторжимый, единый клубок страсти, желания и восторга.

* * *

Она была очень горячей и гладкой на ощупь. Немыслимо нежной — и в то же время упругой. Казалось, в ней воплотились все идеальные представления мужчин о женском теле.

У нее была небольшая грудь — он легко накрывал ее ладонью. В то же время эта маленькая грудь была округлой и упругой, и крошечный темный сосок был нежнее лепестка розы.

Он осторожно прикоснулся к соску губами, обхватил, провел кончиком языка, потом перешел к другой груди — и женщина со стоном выгнулась в его руках, забилась, раскрываясь, словно цветок, навстречу его желаниям.

Он не будет торопиться. В сказке все должно идти своим чередом, потому что иначе сказка взорвется изнутри — так говорила Герцогиня Алисе.

Продолжая ласкать языком ее соски, он осторожно проводил пальцами по напряженной спине девушки, внутренне ужасаясь жесткости собственных ладоней. Ему казалось, что он может поцарапать эту нежную кожу.

Она вдруг обхватила его бедрами, изо всех сил обняла за шею руками, и он вскинул к ней пылающее лицо, не в силах закрыть глаза и отдаться поцелую целиком. Он должен был смотреть на нее. Должен был напиться ее красотой, напитать ею свое тело, почувствовать, как они растворяются друг в друге.

Она была такой маленькой и хрупкой, тоненькой и гибкой, и он страшно боялся причинить ей боль. Он знал свое тело, знал собственную силу и мощь своей плоти, но не испугает ли это ее?

Однако маленькая фея сама прильнула к нему, выгнулась, прижалась, и только судорожный

вздых сквозь стиснутые зубы, только темное пламя страсти в огненных глазах, а руки-птицы уже опустились на его плечи, и не осталось в мире ничего — только огонь, тьма и бесконечное море нежности.

Их тела забились в едином бешеном ритме, в старом, как мир, танце для двоих, и он даже не заметил, как вошел в нее, потому что это было естественно, как дышать — быть единым целым.

И тьма начала разрастаться мириадами взрывающихся солнц, рокот Океана заполнил разгоряченные головы, неведомая сила стиснула им обоим горло, и последним выдохом прозвучало под потолком, превратившимся в небо:

Люблю!

* * *

Она вновь видела белоснежную равнину, и золотой отблеск на бесчисленных доспехах, и татуированные змеи ползли с мускулистых рук ей на грудь, но не жалили, а растворялись жидким огнем в крови, делали тело невесомым и послушным воле мужчины.

Она не чувствовала боли или неудобства — хотя он был очень велик для нее, и тяжесть его тела почти не давала ей вздохнуть. Однако именно эта тяжесть и была желанна. Она растворялась в нем постепенно, вливаясь пламенем в его кровь, вплавляясь потоками жидкого золота под горячую кожу.

Молодой языческий бог сжимал ее в объятиях, и она с нежностью и радостью превращалась в его жрицу, в его рабу, в его повелительницу.

Куда-то делись стены и потолок, вместо них все стало — небо. Ушло время — наступило бессмертие. Больше не нужно было искать истину — она жила под стиснутыми ресницами, на искусанных от счастья губах, в коротких ритмичных вздохах и стогах. Осталось только понять ее — и самому стать богом.

И в тот момент, когда истина обрушилась на них громадной волной невидимого Океана, они рухнули с вершины в бездну, а потом вознеслись туда, где должно было быть небо, но вместо него оказалось — огонь, мягкий мех на полу и два тела, спаянных воедино в смертельно прекрасном объятии...

* * *

Конец света обернулся началом времен. Изнеможенные, выжатые до последней капли, переполненные нежностью и усталостью, они так и заснули, не разомкнув объятий.

* * *

Лиза очень хотела проснуться, потому что ей надо было проснуться, ее ждало важное дело. Какое — она во сне не помнила, но то, что важное, знала наверняка. Поэтому она попыталась сесть с закрытыми глазами, так у нее раньше получалось.

Раньше — не теперь. Теперь сесть оказалось невозможно. Лизу что-то держало. Это «что-то» было горячим и гладким, очень приятным и, главное, большим. Таким большим, что накрывало Лизу наподобие одеяла.

Совершив во сне могучее усилие воли, она проснулась, лежа, и уставилась в потолок. Потом

скосила глаза вбок. И улыбнулась.

Всю ее целиком обнимал большой светловолосый мужчина, спавший с ангельской улыбкой на загорелом лице. Сейчас, в утреннем прозрачном свете, он уже не казался богом. Это был просто мужчина. Ее мужчина.

Лиза рассмеялась, извернулась в могучих руках и поцеловала мужчину в нос. Джон немедленно открыл глаза — и Лиза чуть не утонула в любви, брызнувшей из их зеленой глубины.

— С добрым утром, граф.

— С добрым утром, Владычица.

— Владычица чего?

— Моего сердца — несомненно. Моего тела — точно. Меловых Холмов — скорее всего.

— Думаешь, я — фэйри?

— Почти уверен. Я люблю тебя, я говорил?

— Говори еще.

— А ты?

— И я.

— Нет, скажи словами.

— Я люблю тебя.

— А я тебя.

На свете нет ничего более бессмысленного, чем разговор двух любовников через пять минут после пробуждения.

Однако разум, тактично выжидавший первые пять минут, решил напомнить о себе, и Лиза с тихим, но энергичным воплем взвилась в воздух, а потом заметалась по комнате, собирая разбросанную одежду. Джон блаженно вытянулся на ковре и не сводил с нее влюбленных глаз.

— Боже, который час?!

— Не знаю, но еще рано, потому что портье обещал разбудить меня в половине шестого.

— А Брюс там один!

— Он же спит.

— А вдруг он испугался?

— Испугался бы — пришел сюда.

— Нет! Только не это. Какой кошмар, граф. Ты хоть понимаешь, что мы всю ночь пролежали голышом при незапертых дверях?

— Всего одну коротенькую ночь. Даже и не ночь — часа четыре.

— Одевайся!

— Почему?

— Потому что мне трудно на тебя смотреть... такого.

— Иди ко мне.

— Нет!

— Лиза...

— Я ухожу.

С этими словами черноволосая фея упорхнула из номера, и Джон тихо рассмеялся, вспомнив горячую и гладкую кожу под своими пальцами, и тихие стоны, и прерывистое дыхание на своей груди...

Вот теперь все устроится совсем хорошо. Она не уедет от него. Нет, от НИХ. Брюс может быть спокоен, она больше никогда и никуда не уедет. Как порядочная женщина, Лиза Кудроу просто обязана выйти за него замуж.

Джон едва успел завернуться в халат, как в дверь просунулась голова коридорного.

— Мистер Брайтон, пора вставать.

— Благодарю вас.

— Вы сами разбудите... э-э... миссис...

— Да, конечно. Спасибо.

Через четверть часа, умытый, чисто выбритый и счастливый, он уже стучался в дверь соседнего номера.

Дверь открыл Брюс. Заспанным он не выглядел, на Джона посмотрел спокойно, но без особого дружелюбия, и, буркнув «Добрутр», ушел в спальню.

Лиза Кудроу, в джинсах и легком пуловере, выглядела юной и немислимо прекрасной. Однако на прелестном личике застыло несколько озадаченное и тревожное выражение. Джон подошел и быстро поцеловал ее в упругую щеку, пахнущую жасмином.

— С добрым утром еще раз, красавица.

— Виделись, граф. Послушай, я не понимаю, что с Брюсом. Он был в постели, когда я пришла его будить, но не сказал мне ни слова.

— Да? Со мной он тоже был суров. Может, не выспался? Или голодный. Брюс!

— Чего?

— Пойдем завтракать?

— Не хочу.

— Надо. Нам ведь ехать.

— А я все равно не хочу. Так поеду.

— Ну тогда давай вещи соберем.

— У меня они все собраны.

Джон и Лиза озадаченно переглянулись — и решили не приставать к мальчику.

* * *

И по дороге на вокзал, и в поезде Брюс хранил на своей загорелой мордашке отчужденно-замкнутое выражение. Не прореагировал на мороженое, уселся к самому окну и прижался к нему носом. Так и просидел почти целый час, пока терпение Лизы не кончилось.

На самом деле она подозревала, в чем дело, но боялась об этом думать.

Брюс мог встать ночью, не найти ее в номере и пойти искать. И тогда он мог заглянуть в номер Джона и застать их... Неважно, в процессе или после него. Они в любом случае были голыми.

Что-то насчет детской психотравмы по этому поводу крутилось у Лизы в голове, но вот что именно? Кроме того, в учебнике шла речь о родителях, которых ребенок застал в постели. Они же с Джоном не родители... И не в постели...

Мучиться догадками Лиза не могла и потому знаками и жестами выпроводила Джона из купе, а сама подседа поближе к Брюсу. Тот буркнул, не отрываясь от окна:

— Хотела его выгнать, так сказала бы словами. А то корчишь рожи, как макака.

— Брюс, чего это ты так со мной?

— Ну... не как макака.

— Что с тобой, дружок?

— Я тебе не дружок, тетка. Дружок у тебя другой.

У Лизы упало сердце. Видел!

— Я все еще не понимаю, в чем дело. Не хочешь поговорить?

— Не хочу.

— Брюс, что происходит? Я тебя чем-то обидела?

— Нет. Тетка, отстань, а?

Он опять уставился в окно и головы больше не поворачивал. Вернувшийся в купе Джон вопросительно поднял бровь, но Лиза только беспомощно пожала плечами.

Мальчик не отреагировал и тогда, когда они сбежали в тамбур и целовались там до звона в ушах. После этого Джон заверил Лизу, что не доживет до дома, но она наотрез отказалась

искать пустое купе.

В остальном же путешествие до Ливерпуля было вполне обычным, то есть долгим и немного скучным. Сегодня погода решила не баловать гостей туманного Альбиона, и небо заволокло тучами. Пошел классический английский дождик, все вокруг заволокло лирической серой дымкой, и южанка Лиза немедленно пригорюнилась, разом вспомнив и дом в Батон-Руж, и тетюшек, и — почему-то — мистера Карча, а также тот день, когда в ее жизни впервые появился Паршивец Брюс.

Джон подсел к ней и обнял за плечи. Лиза метнула испуганный взгляд в сторону мальчика, но тот никак не отреагировал. Кажется.

Постепенно мерный стук колес убаюкал не успевших выспаться любовников, и вскоре Лиза склонила свою головку на широкую грудь Джона, а он прижался щекой к ее кудрявой макушке.

Они спали и потому не могли видеть, как восьмилетний мальчик смотрит на них. В потемневшем от тоски взгляде зеленых глаз горели ревность, отчаяние, тоска, и до синевы были сжаты маленькие кулаки, судорожно прижатые к груди.

* * *

Шестичасовое путешествие закончилось в Ливерпуле, городе битлов и хиппи. При виде смеющихся девиц с тесемочками на лбу и в расшитых цветами джинсах Джон почему-то помрачнел и решительно потащил Лизу и Брюса в сторону гостиницы, но тут дорогу им преградила невысокая и на редкость тощая девица.

— Привет, профессор! Рада тебя видеть.

— Э... Здравствуйте, Келли...

— Познакомь меня со своей девушкой. Мы все же не чужие друг другу.

— Лиза, это Келли. Она у меня училась.

— Да. И чуть было к нему не переехала. Я не очень? А, Джонни? Ты не парься, подруга, это дело давнее. Судя по твоему прикиду, ты тогда еще ходила в школу. Ну ладно, док, пока.

И тощее создание упорхнуло, приветственно помахав рукой на прощание. Навернутые на запястье индийские бусы с маленькими бубенчиками прощально звякнули. Брюс презрительно фыркнул и молча зашагал вперед. Лиза же подхватила Джона под руку и пропела медовым голоском:

— Да ты Дон Жуан! Соблазнитель юных дев! Разве профессорам можно крутить любовь со своими студентками?

— Лиза, ты не думай, пожалуйста, что я и Келли... Это действительно было очень давно, и я уже пять лет...

Лиза неожиданно прижалась к его плечу и сказала уже совсем обыкновенным тоном:

— Только не веди себя, как дурачок. Я догадываюсь, что в твоей жизни были женщины. Возможно, их было куда больше двух. Или, скажем, десяти. Разве это важно? Важно, что

сейчас с тобою рядом я. И я счастлива.

Он не удержался, поцеловал ее на виду у всей улицы, и какой-то парень громко зааплодировал, а идущий впереди Брюс слегка ссутулился и еще глубже засунул руки в карманы.

* * *

Им не терпелось поскорее добраться до Касл-Мэнор, и потому был выбран морской путь. На небольшом катере, курсирующем вдоль побережья от Уолласи до Уайтхевена с заходом на Мэн, Брюс слегка оттаял и проявил некоторый интерес к управлению катером. Собственно, он просто достал из своего рюкзака новую куртку, надел ее и ушел в рубку к капитану. Судя по всему, они отлично поладили, ну а Лиза и Джон обосновались на корме.

Они снова целовались, разговаривали, еще целовались, смеялись, говорили друг другу слова, которые могут родиться только в голове у безумцев — или влюбленных, что, впрочем, одно и то же. Серое море сливалось с серым небом, мелкая рябь плясала под килем катерка, но через час путешествия из-за туч низко низко над горизонтом вынырнуло солнце, и тогда Лиза ахнула и вскочила на ноги.

Далеко впереди, но уже хорошо различимый, вставал ослепительно белый остров. Он был похож на айсберг, невесть откуда взявшийся в здешних местах. Лиза обернулась к Джону, почему-то не в силах вымолвить ни слова от волнения, и он с улыбкой кивнул ей, а потом легко и быстро взбежал по трапу наверх, к рубке. Лиза видела, как он что-то говорит Брюсу, а мальчик отвечает ему, и тут некое чувство, очень напоминающее ревность, кольнуло Лизе сердце.

Выходит, Паршивец не хочет разговаривать исключительно с ней? На Джона его обида не распространяется? Лиза немедленно расстроилась и надулась, так что в Каслтауне на берег сошли сразу два разобиженных пассажира. Джон Брайтон долго переводил взгляд с одного на второго — и решил ничего не предпринимать.

* * *

А Касл-Мэнор оказался удивительно, упоительно хорош. Сказочный мини-замок, высящийся на базальтовой скале, чистый и ухоженный, заросший плющом и виноградом. К нему вела посыпанная белоснежным песком дорога, и Лиза своими глазами смогла увидеть, как сверкают на солнце песчинки кварца.

Растворились двери сказочного замка-малютки, и на самом верху каменной лестницы появилась пожилая женщина, при виде которой разгладилось лицо даже у Брюса.

Агата Брайтон была невелика росточком, краснощека и кудрява, словно овечка. На ней было черное платье, которое вполне могло бы сойти за строгое, не будь оно кокетливо оторочено кружевами и не выглядывай из-под него целый ворох шуршащих крахмальных юбок.

При виде Лизы и Брюса тетушка Агата приподнялась на носочки, сложила ручки на довольно обширной груди и издала радостный вопль:

— Какое счастье! Я вся исстрадалась, пока ждала вас, мои дорогие. Входите, входите же. Касл-Мэнор ждет вас. Бог ты мой... Шон... маленький мой мальчик. Ты — Брюс. Мой единственный внук. Немедленно!!! Немедленно обними свою бабушку!

Брюс криво ухмыльнулся и бочком подобрался к жизнерадостной старушке. Та немедленно

прижала его к груди, осыпала поцелуями и увела в дом, впрочем, очень быстро выскочила обратно и затараторила, не сводя с Лизы блестящих голубых глаз.

— Я тебе тоже страшно рада, дорогая. Не обращай внимания на глупую старуху. Я так ждала этого малыша, что совершенно запуталась. Ты очень хорошенькая. Это замечательно. У нас в роду красивые мальчики, но вот девочки всегда были так себе. Ты будешь приятным исключением.

— Тетя!

— Что — тетя? Ты думаешь, твоя тетя выжила из ума? Или что она ослепла? Не дождетесь, как говаривал сэр Уинстон Черчилль! Мне совершенно понятно, что в данном случае речь может идти в крайнем случае о трех-четырёх месяцах. Хотя лучше сентября месяца нет! И точка! Дорогая, я все-все тебе расскажу, введу тебя в курс дела и познакомлю с соседями, но сначала устрою котеночка. Ваши комнаты будут все на одном этаже. Джон, потом Брюс, потом ты, девочка. До встречи. Мэгги, Полли, Сэнди! Где вы, паршивки? Немедленно помогите молодой мисс отнести вещи в комнату и устроиться!

Проводив тетю Агату восхищенным взглядом, Лиза повернулась к Джону.

— Она потрясающая! Я никогда не думала, что можно разговаривать с такой скоростью. А что это — про сентябрь?

Из окна второго этажа немедленно высунулась кудрявая голова тетушки.

— Свадьбы лучше всего играть в сентябре. Самайн. Потом, потом!

Лиза ошеломленно уставилась на Джона, тот смущенно кашлянул.

— Что такое Самайн?

— Осенний праздник. Нечто вроде древнего Рождества, только наоборот. Свадьбы в это время играли, потому что полевые работы в основном заканчивались.

— А она... про нас...

— Не спрашивай. Клянусь, я не успел ничего ей сообщить, а то, что говорил по телефону из Америки, было, скорее, не слишком лестным.

— Ты меня ругал?

— Нет, что ты. Просто жаловался, что ты очень молода и...

— Легкомысленна?

— Ну... Да.

— Подлец вы, граф. Показывай мою комнату.

Они взялись за руки и бок о бок вошли в старый дом, стоящий на самом берегу Ирландского моря.

Лиза чувствовала себя в этом доме... как дома! Удивительно, но факт: все закоулки, все комнаты и коридоры казались смутно знакомыми, вид из окна — море и небо, иногда чайки — вызывал совершенно беспричинную радость, девушка еле удерживалась от того, чтобы не накинуться на ничего не подозревающую тетюшку Агату с поцелуями.

Виной всему была, разумеется, любовь к Джону Брайтону, но об этом Лиза почему-то не задумывалась.

Следующие несколько дней она прожила, как в чад, потому что в первую же ночь Джон пришел к ней в комнату и остался до утра, то же повторилось и на вторую, и на третью, и на все последующие ночи. Любовная горячка захватила их обоих с головой; Лиза выходила к завтраку сонная, с отсутствующим взглядом и слегка безумной улыбкой на припухших губах.

Тетюшку Агату подобные изменения во внешности гостя совершенно не шокировали, но настроили на лирически-умиленный лад, и бодрая старушка оставила молодых людей в покое, полностью переключившись на Брюса, тем более что мальчик в этом отчаянно нуждался.

* * *

Потом, много времени спустя, Лиза будет выпрашивать у Брюса прощение, хотя к тому времени он уже перестанет дуться. Потом они с Джоном едва не натворят глупостей в порыве раскаяния перед позабытым им малышом. Сейчас же — сейчас они были заняты исключительно друг другом.

Брюс ни разу не улыбнулся в течение нескольких дней кряду. На свою новую комнату он отреагировал вяло, хотя там было все, на что оказалась способна бурная фантазия его двоюродной бабушки. Достаточно сказать, что одним из первых экспонатов детской стала пресловутая Почти Настоящая Железная Дорога.

А еще там были настольные игры, мячи, клюшки, коньки, удочки, маска и трубка, ласты, шпионские наборы и реактивы для юных химиков, петарды и пистоны, почти все виды стрелкового оружия, луки, стрелы и арбалеты...

Одну стену игровой комнаты тетя Агата отвела под книги, и яркие обложки соседствовали с благородным шоколадно-золотым оттенком старинных томов собраний сочинений.

В специальной нише стоял громадный аквариум. Чирикали и щелкали в просторной клетке яркие попугайчики. Меховой коврик на кровати оказался при ближайшем рассмотрении котом тети Агаты по кличке Чериш. На попугаев кот не реагировал и вообще был до одури добр и несколько глуповат. Все инстинкты ему заменяло постоянное чувство голода, а кушать он любил только куриную печенку, особым образом приготовленную...

На вид Брюс был мрачен, но на самом деле Касл-Мэнор был для мальчика настоящей пещерой сокровищ. Кроме того, Паршивцу страшно понравилась Агата Брайтон. Она была совершенно нетипичной старушкой и напоминала миссис Корри из «Мэри Поппинс». Брюс инстинктивно почувствовал к ней расположение, и за пару дней они стали неразлучны.

Несмотря на свой довольно преклонный возраст, тетя Агата с удовольствием ходила вместе с Брюсом на прогулки и знакомила его с окрестностями. Как-то к ним попробовал присоединиться Джон Брайтон, но Брюс немедленно замкнулся и помрачнел, так что Джон больше попыток не возобновлял.

Зато через три дня на белой песчаной дорожке гарцевал угольно-черный пони в полной сбруе.

Брюс прекрасно понимал, кто именно подарил ему лошадку, но продолжал хранить непроницаемое выражение лица.

Тетя Агата — особа патологически любопытная и настырная — пыталась осторожно выведать у Брюса причину его практически враждебного поведения, однако сиротский приют хорошо учит своих воспитанников, и Брюс тайны не раскрыл. Тетя Агата со вздохом отступилась.

* * *

А по прошествии неполных двух недель Джону Брайтону пришло письмо. Университет Эдинбурга приглашал профессора принять участие в каких-то крайне важных раскопках возле города с немыслимым названием Лохгилпхед. Экспедиция должна была продлиться до середины августа. Джон сообщил обо всем этом за ужином и робким вопросительным взором обвел своих домашних.

Тетя Агата с тревогой посмотрела на Брюса. Лиза с плохо скрываемым разочарованием посмотрела на Джона. Брюс чертил вилкой по скатерти и вообще ни на кого не смотрел. Джон кашлянул.

— Я понимаю, что с моей стороны несколько... короче, возможно, я тороплю события. Но, поймите меня, я столько времени не занимался любимым делом всерьез... А сейчас испытываю такой душевный подъем, что могу вручную перекопать всю Шотландию! Брюс... если ты против — скажи.

Мальчик поднял голову, и на его загорелой физиономии появилось ехидное и злобное выражение.

— Да что вы, любезный дядюшка! Я-то здесь при чем. Меня и спрашивать не стоит. Тем более что у вас есть любезная тетушка, которая будет без вас скучать... намного сильнее, чем я.

— Брюс!

— Что — Брюс? Я правду говорю. Мне лично по барабану, копать ты поедешь или груши околачивать. Лиза расстроится — ее и спрашивай.

С этими словами юный революционер поднялся из-за стола и удалился в свою комнату, оставив в столовой гробовую тишину и троих растерянных и расстроенных взрослых.

Минуту спустя Джон подал голос.

— Ну и как на это надо реагировать? И надо ли на это реагировать? Тетушка!

— Зачем ты спрашиваешь о воспитании детей у старой девы?

— Тетя, не будь лицемерной. О своем сомнительном девичестве ты вспоминаешь только тогда, когда надо уйти от ответственности. Перед тобой два молодых идиота, которым нужен твой совет. Что с мальчиком? Почему он так мрачен? И что нам делать?

Тетя Агата решительно помахала в воздухе десертной ложечкой.

— Что ж, тогда слушайте и не сердитесь.

Лиза робко заерзала на стуле.

— Вы тоже считаете, что это из-за нас?

— Конечно, моя дорогая, но вы не виноваты.

— Как это?

— Все очень просто. Вы слишком бурно переживаете собственные... гм... отношения. Вам кажется, что все автоматически наладилось, Брюс — дома, вы — влюблены. Теперь вот экспедиция у Джонни. На самом деле вы поторопились. Ни к чему вам обоим говорить, что Брюс пережил серьезную трагедию. Он скитался по приемным семьям и приютам, потеряв мать в том возрасте, когда ее уже не так легко позабыть. Строго говоря, мальчика футболили, словно мяч, и никого на свете по большому счету не интересовали его чувства. В тебе, девочка, он нашел, разумеется, не замену матери, а товарища. Почти сверстницу, не менее одинокую, чем он сам. Потом появился Джонни. Лиза, вначале вы с Брюсом ведь встретили его в штыки, верно? А это очень объединяет.

— Что — штыки?

— Общий враг. Вот, к примеру, миссис Хатчинсон из деревни. Она лет десять не разговаривала со своей соседкой миссис Прауд, но как только приехал молодой Элайджа и вознамерился проложить через общий выгон асфальтовую дорожку...

— Тетя!

— Отвлекаюсь, да? Так вот, общий враг объединяет. Вы с Брюсом чувствовали себя маленькой гордой крепостью, и неважно, что Джонни оказался не таким уж и монстром. Вначале были Лиза и Брюс — и Джонни. А потом ты переметнулась на сторону противника.

— Но я... мне казалось, Брюс тоже подружился с Джоном.

— Подружился... Боже, какая прелесть. Милая моя, вы с Джоном не подружились! Вы полюбили друг друга и стали вместе спать.

— Тетя!

— Хочешь сказать, что на самом деле вы вслух до утра читаете друг другу Бернса? Перестань, Джон. Девочка еще молода, но ты вполне взрослый мужчина и должен называть вещи своими именами. Вы оба увлеклись своими чувствами и забыли о чувствах мальчика. А он чувствует себя преданным Лизой и брошенным тобой. В этой ситуации еще и экспедиция... Не знаю, не знаю. Очень не уверена.

И тетя Агата откинулась на спинку стула, сурово разглядывая рубиновую жидкость в своем бокале на свет.

Лиза сидела, боясь пошевелиться. У нее горели щеки, уши, шея — все тело. Интересно, а чего ради они с Джоном, как идиоты, бегали на цыпочках и боялись лишнее слово произнести? Все равно все всё знают. И тетя Агата, и слуги, и — самое страшное — Брюс.

Джон Брайтон хмурился и покусывал нижнюю губу. Самое обидное, что тетя права, абсолютно и во всем права. В отношении Брюса именно он, Джон, повел себя непростительно легкомысленно. Решил, что Брюс будет так же радоваться их союзу с Лизой, а Брюс на самом деле почувствовал себя лишним.

Тикали громадные часы в углу столовой, трещали дрова в камине. Наконец тетя Агата с шумным вздохом поставила на стол опустевший бокал.

— Вот что, поезжай ты в свою экспедицию. Возможно, это успокоит мальчика. Лиза опять будет проводить время с ним, а не с тобой, а я за ними пригляжу.

* * *

Через три дня Джон Брайтон уехал в Эдинбург. Ночное прощание с Лизой было бурным и страстным, но утром, при Брюсе, они простились вполне сдержанно, эдак по-студенчески небрежно поцеловав друг друга в щеку. Тетя Агата милостиво махала с крыльца платком. Брюс особых эмоций не проявил, просто пожал протянутую ему руку, повернулся и убежал к своему пони. Джон беспомощно посмотрел мальчику вслед и перевел взгляд на тетюшку. Та развела руками.

— Не все сразу, Джонни. Не грусти. Езжай, копай свои курганы. Пройдет время, Брюс успокоится, а Лиза — Лиза постарается быть мудрее.

Сама Лиза была в этом совершенно не уверена, тем более что без Джона дом сразу опустел. Девушка вернулась к себе в комнату, провела рукой по подушке — и почувствовала, как наворачиваются на глаза слезы. Это удивило Лизу и даже немного испугало. Она никогда в жизни не плакала от тоски по мужчине. Нет, Бертран — да, но это были слезы злости и унижения, а здесь совсем другое.

Ей не хватает Джона Брайтона, хотя еще и часу не прошло, как он уехал. Ей не хочется ничего делать, никуда идти, ни с кем разговаривать... Ей хочется лечь на разоренную постель, обнять подушку, еще пахнущую Джоном, и ждать, когда он вернется.

* * *

Когда первый приступ отчаяния прошел, Лиза умылась, натянула тонкий шерстяной свитер и вышла в сад.

Брюс сидел на поваленном дереве, грыз орехи и вполголоса разговаривал с пони. Черный как смоль Уголек кротко и сочувственно пофыркивал, щипал траву, но иногда вскидывал плюшевую морду и самым натуральным образом кивал своему маленькому хозяину. При виде Лизы оба сделали вид, что ее не замечают.

Лиза села рядом с Брюсом и спрятала зябнущие руки в длинных рукавах. День сегодня выдался на редкость прохладный, не июльский, а, скорее, сентябрьский.

Некоторое время спустя Брюс молча протянул ей орех. Лиза кивком поблагодарила, взяла. Еще через пару секунд негромко спросила:

— Трудно кататься на пони?

— Неа. Он тихий.

— Ясно. А я смогу?

— Уголек — мой, но на конюшне есть еще пони. Хочешь — попроси дядю Мэтью, он тебе подберет.

— Кто такой дядя Мэтью?

— Конюх, естественно.

— Извини. Я еще не со всеми познакомилась.

— Конечно. Тебе же некогда.

— Брюс, почему ты злишься?

Он вдруг птицей слетел с дерева, встал перед Лизой, засверкал своими зелеными кошачьими глазами — только что не зашипел, как дикий котенок.

— Потому что я правильно не хотел уезжать! Потому что ты такая же, как все! И на самом деле я тебе не нужен. И Джону не нужен, никому!

— Это не так. Джон искал тебя, чтобы вернуть тебя в родной дом. Я поехала с тобой, чтобы тебе было не так одиноко на новом месте...

— И что дальше? Он меня вернул в этот самый дом и умотал на свои копания! А ты — ты приехала сюда, чтобы со своим Джоном спокойно...

— Брюс! Не произноси слов, о которых потом сам пожалеешь!

— Еще скажи, что я не знаю их значения! Все я прекрасно знаю! И то, от чего дети рождаются, тоже знаю. И вот что я тебе скажу — вы с Джоном женитесь и родите ребеночка, а тогда наследником будет он, а совсем даже и не я!

Лиза ошалело смотрела на гневного, растрепанного Паршивца. Самой ей эта мысль могла прийти в голову только в страшном сне или горячке, но мальчик, судя по всему, достаточно давно и тяжело обдумывал подобную возможность.

— Мне плевать на графов и наследство, только вот я опять буду никому не нужный, сиротка из милости, а уж то, что все, даже тетка Агата — хотя она мировая бабка! — будут носиться с этим вашим младенцем... Да лучше мне было остаться в том приюте!!!

С этими словами Брюс отвернулся от Лизы, уткнулся в гриву Уголька и зарыдал.

Девушка неловко, бочком слезла с дерева и подошла к мальчику. Обнять не решилась — в таком состоянии Брюс явно мог ее оттолкнуть — и просто тронула рукой за плечо.

— Вот что. Ты опять оказался совсем, совершенно прав. Это — твоя история, а не моя. Я тебе обещаю вот что. Если ты все еще не против, то до конца лета я проживу в Касл-Мэноре. А потом уеду. И не будет никаких... Джонов и меня. И других детей. И графов, и наследников, и всей этой чуши.

Паршивец стремительно обернулся. В зеленых глазах горели сомнение, надежда, подозрение, неуверенность — все сразу. Парнишка явно сам не знал, что лучше...

— Лиза, ну почему все так? Ведь мы так здорово жили в Батон-Руж. У нас все получалось.

— Да. Я жалею о том времени. Представляешь, это ведь было совсем недавно.

— Лиза... Ты, правда, не хочешь за него замуж?

Она набрала воздуха, чтобы объяснить: она очень любит Джона Брайтона и очень хочет жить с ним вместе, но, чтобы не расстраивать Брюса, готова отказаться и постараться устроить свою жизнь... А потом вдруг подумала — какого черта! Сколько она еще будет взваливать на этого малыша совершенно взрослые проблемы? Да, Паршивец Брюс даст фору любому взрослому, но он, тем не менее, ребенок, и заставлять его решать взрослые проблемы НЕЧЕСТНО!

Лиза спокойно и мягко улыбнулась, хотя внутри все разрывалось от боли.

— Не волнуйся, Брюс, все нормально. Не хочу я замуж, ни за Джона, ни вообще. Мы с тобой проживем вместе, пока он не вернется, а потом я уеду в Штаты. На лето будешь приезжать ко мне, в Батон-Руж, я договорюсь.

— А ты будешь жить в моем доме. Я так хочу!

— Хорошо. Теперь я буду содержать его в порядке. Ты меня научил.

Они пожали друг другу руки и вместе отправились на конюшню, чтобы подобрать пони для Лизы. Из окна на них одобрительно смотрела тетя Агата. Если бы она могла слышать их разговор, то скорее упала бы в обморок, но нипочем бы не улыбнулась...

Лето летело вскачь, не хуже пони. Меловые утесы и изумрудные луга Мэна были исследованы вдоль и поперек, коллекции бабочек и растений оказали бы честь любому школьному музею, и даже с будущей учительницей Брюса Лиза успела познакомиться, навестив школу в Каслтауне.

После того разговора и принятия такого сложного для девушки решения она разом повзрослела на несколько лет. Теперь, когда на этом острове у нее осталось только одно важное дело — Брюс, Лиза успевала втрое, вдесятеро больше, чем раньше.

Свозила его в город, чтобы вместе заранее купить все для школы. Поговорила с учительницей. Договорилась о дополнительных занятиях. Познакомилась с врачом семьи Брайтон, представила ему Брюса. Начала писать с мальчиком диктанты — писать он умел неплохо, а читал просто замечательно.

По вечерам они брали с собой тетю Агату и шли на берег моря. Шелест серых волн успокаивал, мерное журчание голоса тети Агаты умиротворяло, и приближающаяся разлука уже не казалась чем-то страшным. В самом деле, все ведь хорошо, и Брюс приедет на следующее лето...

Только глухими ночами, когда уж точно никто не мог ничего расслышать по причине крепкого сна всего дома и его обитателей, Лиза Кудроу беззвучно и страшно рыдала, накрыв голову подушкой.

Она уже все придумала. У нее все равно не хватит сил что-то объяснять Джону, врать и изворачиваться, чтобы не нарушить обещания, данного Брюсу. Она уедет за пару дней до его возвращения — благо, как все англичане, Джон регулярно писал домой письма, так что о его приезде она узнает заранее.

Во время одной из поездок в Каслтаун Лиза по телефону заказала билет с открытой датой и дозвонилась до мистера Карча. Старый поверенный — судя по СЛЕГКА оживившемуся голосу — был рад ее звонку, сбивчивые объяснения выслушал терпеливо, а потом сообщил, что переживать совершенно незачем. Мистер Брайтон поручил ему заниматься домом, и мистер Карч просто возьмет Лизу на место того человека, который присматривает за домом в данный момент. Таким образом, будет заодно решена и материальная проблема — ведь за это

полагается жалованье. Насчет места воспитательницы мистер Карч обещал узнать, а все планы Лизы Кудроу хранить в тайне. После этих телефонных переговоров на сердце у девушки полегчало. Все же приятно сознавать, что дома тебя ждет союзник.

Даже если у него облик мистера Карча.

* * *

Брюс Брайтон являл собой тип ребенка-ангела. Тетя Агата — дама весомых достоинств почти во всех отношениях, кроме воспитания детей, — совершенно успокоилась и прониклась к Лизе глубочайшим уважением. Видимо, считала тетя Агата, юная американка проводит умную и тонкую политику, подготавливая мальчика к будущей семейной жизни его дяди и тети.

Вечерами они втроем пили чай в гостиной, и тетя Агата блаженствовала. Впервые за долгие годы у нее появились аж два благодарных слушателя! Сплетни и байки про жителей окрестных деревень лились рекой. Это вам не Сэнди или Молли рассказывать, они и так все знают. Все байки тети Агаты носили глубоко познавательный характер, это было нечто вроде старинных сказок с неременной моралью в конце. И неважно, что молодым слушателям было трудно уследить за калейдоскопом имен и дат событий, случившихся с носителями этих имен, — тетя Агата всегда заканчивала каждый рассказ неким обобщающим образом.

* * *

— ...Минни, когда выходила за Теда, не знала, что он к бутылке пристрастился еще в юности. А уж после свадьбы началось: как рабочая неделя кончается, Теда до полуночи дома нет. Приходит — глаза аж стеклянные. И сразу, молча так, идет на кухню, берет там здоровенный тесак и напрямиком в спальню. Минни в первый-то раз просто испугалась до одури, вот и сидела на кровати ни жива ни мертва. А потом догадалась, что Тед в это время ровно как змея: видит только то, что шевелится.

И вот Тед вынимал из шкафа свой костюм и начинал его рубить на антрекоты. Минни дожидалась, когда муж уставал, и аккуратно все зашивала. Ну не новый же костюм покупать?

А потом из Манчестера к ним приехала Тедова мамаша. Противная такая была, все в гости норовила набиться. Никто ее особенно не приглашал, так она давай изводить бедную Минни: почему, мол, мой сыночек у тебя во всем заштопанном ходит, хотя ты сама три пальто имеешь!

Минни пыталась ей объяснить, но мамаша твердила, что Минни это все сама придумала, из вредности. А потом, как-то раз, сидят они на Рождество дома и отмечают праздник. Тед выпивает, сколько ему положено, встает и идет на кухню. Минни-то уж знала, потому и сидела молча и тихо, а мамаша злится — чего с ней невестка не разговаривает. А Минни ей так бровями — посмотри, мол, назад.

Обернулась Тедова мамаша, да и увидела там своего сыночка с тесаком. Тед, ясное дело, к шкафу, за костюмом, мамаша — в дверь, Минни сидит тихо, ждет, чтобы за иголкой пойти. И думает, что уж после этого мамаша Теда ее изводить перестанет.

Так и что ты думаешь?! На следующий день Минни уже вся деревня осуждала, потому что Тедова мамаша сказала, что Минни Теда до всего этого и довела.

К чему я это все? Да к тому, что злой язык любую крышу перекрасит. Минни ведь хорошая женщина была, все ее здесь с детства знали, а ведь поверили чужой злой бабе!

...А еще был случай, когда у Боба Хьюли померла жена, а остался мальчонка, Брюсовых, вот, лет. Через какое-то время Хьюли женился заново, а была это Бесс, ну сестра старшая тетки нашей Сэнди. Отличная она была девушка, в войну служила в военном госпитале. Все думали, что Хьюли несказанно повезло.

Но парнишка маленький боялся, что Бесс его не полюбит, и стал отцу на нее наговаривать разных гадостей, да еще просить, чтоб тот не проговорился, иначе, мол, Бесс его убьет. Боб сына любил, стал отдаляться от молодой жены, следить за ней. В общем, один раз и увидел всего-то, как Бесс мальчонке подзатыльник дала за то, что он рукой в сметану полез. Боб ее и выгнал.

Бесс в Уайтхевен уехала, поступила в больницу, замуж так и не вышла. А Боб запил с горя, да и помер. Мальчонку того в приют определили. Горя он там хлебнул, болел часто, а потом Бесс прослышала и забрала его к себе. Вырастила, выучила. Он ее до конца ее дней мамой звал и все прощения просил.

Это я к тому, что из-за такой ерунды люди расходятся — а потом вся жизнь наперекосяк...

Да вот, хоть взять моего жениха, молодого Прескотта? Ведь из-за чего мы поссорились — я с другим мазурку танцевала, которую обещала ему. Так он мне все письма вернул и написал, что я могу себя считать не связанной никакими обязательствами. И я ему, конечно, тут же кольцо — пожалуйста, обратно! А ведь если за кого и хотела выйти, так только за него. Остальные так, пшено...

К чему я веду-то: если уж повезло в личной жизни, так надо быть умнее. Беречь любовь. Злых людей не слушать, чужим капризам не потакать, глупости не совершать.

И никогда не рубить сплеча! Это для любви самое губительное. Брюс, ты спишь, что ли?

Ну спи, моя рыбка, спи. Лиза, кликни Сэнди и Молли, надо его в комнату отнести.

* * *

Августовские ночи становились все холоднее и длиннее, днем все чаще накрапывал дождик, и вскоре в Касл-Мэнор пришло письмо от Джона Брайтона, в котором он сообщал, что приезжает через четыре дня, в среду.

Лиза предусмотрительно похитила это письмо из общей стопки корреспонденции на рассвете — она уже несколько дней специально вставала пораньше и просматривала почту.

В конце концов, если для Брюса и тети Агаты возвращение Джона станет сюрпризом — не страшно. Их-то он расплех не застанет. А вот Лизе пора уезжать.

12

Такси она заказала на десять. После завтрака и поедет.

Брюс об отъезде Лизы уже знал, но секрет хранил. Доводы девушки типа «Долгие провода — лишние слезы» одобрил, тетя Агата наверняка начнет причитать и уговаривать остаться.

В результате этих конспиративных действий они чуть было не лишились тети Агаты в самом прямом смысле этого слова. Услышав за завтраком, что Лиза через полчаса уезжает в Америку, мисс Брайтон замерла, вытаращив глаза, а потом взялась за сердце одной рукой, а за

голову — другой.

— погоди, душенька, я с утра как-то не очень быстро соображаю. В каком смысле — в Америку? А Джон?

— А Джон скоро приедет. Брюс отлично проведет время с вами, правда, Брюс?

— Правда.

— Да нет, при чем здесь — со мной, Джон ведь приедет не ко мне, а к...

— Правильно, к Брюсу. Я уже почти обо всем договорилась, в школе и вообще. Джону останется решить вопрос с машиной, в смысле, как Брюсу добираться туда и обратно...

— ЛИЗА!!!

— Да, тетя Агата?

— Брюс, ангелочек мой, пойдди в сад.

— Там дождь.

— А ты зонтик возьми, рыбка моя.

— Но я...

— Возьми два зонтика. В сад!

Лиза улыбалась, глядя в скатерть. Хорошо, что она молчала до последнего. Тетя Агата и в мирном настроении может до смерти заговорить любого, а уж в экстремальной ситуации...

— Ну и что это значит, девочка? Что за внезапный отъезд? Ты удираешь?

— Вовсе нет. Мы с самого начала договорились, что я поживу только до тех пор, пока Брюс не освоится. Он освоился. Мне пора ехать.

— Но ты не можешь уехать, не поговорив, даже не повидавшись с Джоном! Он ведь тоже, знаешь ли, в некотором роде к тебе привязан!

— Тетя Агата! Прошу вас, давайте не будем больше говорить на эту тему. Я здесь ради Брюса, да и Джон тоже — ради Брюса, в противном случае незачем все это было затевать. Важно, чтобы у мальчика был дом, семья, чтобы он доверял своей семье и любил свой дом.

— Но он любит тебя!

— И я люблю его, но по одной этой причине не могу жить в чужом доме.

— Молли, детка! Тридцать пять капель на рюмочку воды, ты помнишь. Лиза, милая, да ведь Джон тебя любит, неужели ты этого не видишь?

— Я тоже его люблю. Но сейчас не время выяснять наши, взрослые взаимоотношения. Главное — сделать так, чтобы хорошо было Брюсу.

— И ты полагаешь, что ему будет без тебя хорошо?

— Земной шар не так уж и велик. Мы будем видеться. И потом, дело не в том, как Брюсу будет без меня, важно то, что ему плохо... с нами с Джоном. Когда мы — вместе.

— Чушь!

— Нет, не чушь. Он ревнует. Он боится своего, как он считает, неустойчивого положения в семье.

— Что за ерунда! Он же сын Шона...

— Ему основательно замусорили голову выдержками из английских законов, а также слишком часто передавали с рук на руки. Пока он ощущает себя приемным сиротой, сыном младшего сына английского лорда...

— Что за ересь!

— Да, согласна, но я американка! Для меня это все не более чем просто предрассудки. Для Брюса это очень серьезно. Прошу вас, тетя Агата, мое такси уже внизу. Не ругайте меня и, ради бога, не обсуждайте это с Брюсом. Пройдет время, мы все успокоимся и сможем встретиться и поговорить... Я побегу за вещами.

— Девочка моя, ты совершаешь огромную глупость...

* * *

Прощаясь, Брюс плакал настоящими слезами, поэтому заревела с чистой совестью и Лиза. Они стояли возле такси, обнявшись, и Брюс казался таким маленьким и худеньким в громадных резиновых сапогах и дождевике, таким беззащитным и растерянным, что у Лизы сердце разрывалось.

Потом он решительно отстранился, вытер нос рукавом и сказал гнусавым басом:

— И если мне не понравится училка в школе, или если Джон меня обругает и скажет, что ты из-за меня... тогда я приеду к тебе!

— Брюс, Джон тебя любит. И здесь твой дом. Не расстраивайся. Я тебе буду писать письма. И ты мне пиши.

— Буду, тетка! Я тебя люблю!

— И я тебя люблю! Пока?

— Пока...

* * *

Она махала маленькому человечку в желтом дождевике, пока такси не повернуло на извивающуюся горную дорогу и Касл-Мэнор не скрылся за базальтовыми скалами. До парома удалось продержаться, зато уж на палубе, продуваемой холодным морским ветром, Лиза Кудроу дала волю слезам.

Ведь все можно свалить на то, что ветер в лица.

* * *

Джон Брайтон ухитрился свернуть экспедицию на три дня раньше, сдал оборудование и найденные экспонаты на кафедру в Эдинбурге, после чего не поехал сразу домой, но отправился в Лондон, где и провел полдня в одной очень уважаемой адвокатской конторе. Здесь ему вежливо задавали вопросы, степенно выслушивали ответы, а потом выдали целую пачку бумаг с печатями и без. Те, что с печатями, Джон уложил в одну папку, те, что без, — в другую.

Потом он заехал в один очень уважаемый магазин для торжественных случаев и попросил упаковать нечто белое и кремовое, воздушное и шуршащее, расшитое жемчугами и украшенное лебединым пухом. Нечто было такое большое, что упаковали его в золотистую круглую коробку наподобие очень большой шляпной картонки.

В следующем, еще более уважаемом и известном — теперь уже на весь мир — магазине Джон выбрал другое нечто, в маленькой бархатной коробочке. Перед тем как захлопнуться, коробочка испустила снопик радужных лучей.

После этого в оружейном магазине было куплено детское, но совершенно настоящее ружье с инкрустированным прикладом; в целой череде других магазинов закуплен еще ворох коробок, пакетов и коробочек, а потом все это было отослано на вокзал и с особой тщательностью погружено в багажный вагон.

Три часа спустя экспресс Лондон — Бирмингем — Ливерпуль уносил самого счастливого в мире археолога навстречу счастью.

* * *

Джону снились исключительно радужные сны. В них они с Лизой все время смеялись и целовались, а рядом несли веселый и счастливый Брюс. Они бежали по изумрудной траве, по лиловым вересковым зарослям, по белоснежным меловым утесам, а потом — раз! — взмывали на бегу в бирюзовое небо. Было не страшно, только немного кружилась во сне голова.

Джон спал и улыбался.

В эти самые минуты высоко в небе бесшумно летел межконтинентальный авиалайнер. В нем, свернувшись комочком в слишком просторном кресле, спала маленькая черноволосая женщина с бледным заплаканным личиком.

Лизе Кудроу ничего хорошего не снилось. Только одинокий остров, зеленый и лиловый, белоснежный по краям, посреди серой глади моря. Дом на высокой скале. Теплый желтый свет окон. И все это стремительно удалялось от Лизы, превращаясь в ослепительно яркую искорку, от которой болело сердце.

* * *

Джон Брайтон сидел возле стола в гостиной и механически щелкал крышечкой бархатной, коробочки. Открыто... Закрыто... Открыто... Закрыто...

Он ворвался в дом с веселым воплем клоуна «А вот и я!», но Молли и Сэди прятали глаза, а Брюс, появившийся наверху лестницы, был бледен и напряжен. Тетя Агата, наоборот, выглядела неестественно оживленной, суетилась, покрикивала на девушек, норовила сама отнести сумки по комнатам...

И все было странно, до ужаса странно, и Джон почувствовал ужасающую, паническую тревогу,

шагнул вперед и громко спросил:

— Где Лиза, тетя Агата?

И она ответила.

Лизы нет. Лиза уехала в Штаты. Если все будет хорошо, то на следующий год Лиза ждет Брюса на каникулы в Батон-Руж. Конечно, если позволит Джон.

Она будет писать, обещала. Что? Лично Джону? Нет, ничего не передавала. Сожалела, что срочно уезжает, но там вроде бы появилась вакансия воспитательницы, это неплохой шанс устроиться на работу, надо воспользоваться.

Открыто... Закрыто... Открыто...

Брюс прекрасно себя ведет. Скучает по Лизе, да, но они хорошо расстались. Да, она уже переговорила с учительницей, так что Джону почти ничего не надо делать. Брюсу тоже, кажется, понравилась школа...

Закрыто... Открыто... Закрыто...

Тетя Агата, по обыкновению, готовилась перейти к изложению одного из бесчисленных случаев из жизни, иллюстрирующему данную ситуацию, но Джон не дослушал, аккуратно поставил коробочку в середину стола, встал и вышел в сад.

Дождь не шел — моросил, слабенький, но постоянный, и водяная взвесь стояла в воздухе, даже не падая на землю. Джон попытался вдохнуть до конца, но в груди закололо, и он махнул рукой, пошел так, без воздуха.

Желтый дождевик и огромные малиновые сапоги маячили в зарослях шелковиц. Брюс повис на изгороди и смотрел в море. Из этого уголка сада открывался на редкость дикий и потому успокаивающий пейзаж. Джон подошел и повис рядом.

Они и с Шоном сюда раньше убегали, когда отец ругался. Убегали и висели часами, глядя на море. Потом, уже в сумерках, тетя Агата приходила забрать их домой...

Брюс шмыгнул носом и буркнул:

— Это из-за меня...

Джон вяло покачал головой.

— Нет. Из-за меня. Тебя она любит.

— Она и тебя любит. Но я... капризничал.

— А я не сказал сразу того, что должен был сказать.

Помолчали. Дождь шелестел в листьях, словно оплакивал одиночество двух суровых мужчин.

Потом Джон негромко и как-то безразлично сказал:

— Я там привез... Кое-какие бумаги. Надеюсь, ты будешь не против. Разумеется, можешь и дальше звать меня, как захочешь, просто... официально я все оформил.

Брюс покосился на дядю из-под капюшона и опять шмыгнул носом.

— Чевой-то?

— Не чего, а что... Впрочем, неважно. Я привез документы об усыновлении.

Брюс немного подумал и осторожно уточнил:

— Об усыновлении меня тобой?

— Ну да.

— То есть ты хочешь, чтобы я был как будто твой ребенок?

— Не как будто, а просто — мой. Ты и так мой племянник. Сын моего брата родного. Ничего эти бумаги не меняют. С ними просто проще...

— Меняют.

— Много ты понимаешь!

— Много. Меня никто никогда не хотел забрать насовсем. Опекуну были, а родителей — нет.

— А Лиза?

— Мы с ней очень дальние родственники. Но с ней мне очень хорошо живется... жилось. А потом я все испортил. Особенно сейчас.

— У тети Агаты набрался? Потом — а особенно сейчас...

— Я, понимаешь, дядя Джон, испугался.

— Чего ты испугался?

— Что вы с Лизой поженитесь, и вам будет не до меня, а потом у вас родится чего-нибудь, и тогда я опять буду приемный, и никакой не наследник — ты не думай, я не от жадности! — просто мне сказали, что здесь такие законы... А ведь ваш с Лизой ребеночек будет сыном старшего сына, а я — сын младшего...

Голос мальчика погас, сорвался на сиплый, полный слез шепот. Потрясенный Джон смотрел на поникшую фигурку в желтом дождевике и ругал себя последними словами. Идиот-профессор! Археолог человеческих душ! Рядом страдал и боялся маленький одинокий мальчик, рядом самая лучшая девушка на свете принимала тяжелое решение, а он самозабвенно рылся в кургане и самонадеянно полагал, что отныне жизнь всегда будет прекрасна и удивительна!

Джон откашлялся и за шиворот снял Брюса с изгороди.

— Вот что, парень. Я нагородил, ты нагородил — надо нам что-то с этим делать. Ты скажи мне, нужна нам Лиза?

— Да!

— Поедем за ней?

— Да! Только она не вернется.

— Вернется. Надо просто хорошо попросить. Пойдем, оценишь, там я привез...

— Чего еще?

— Не чего, а... ладно, пойдем.

* * *

Сентябрь в Батон-Руж — это много солнца и всех оттенков золота и зелени. Птицы выводят третье по счету потомство за лето, Миссисипи из серовато-желтой становится свинцово-серой, и только небо, странно высокое и прозрачное, напоминает о том, что на дворе все-таки осень.

Пятница была коротким днем, малышня из сада разобрали рано, и Лиза Кудроу решила навести порядок в доме прямо сегодня, чтобы суббота была полностью свободна.

Она проскакала по дорожке, открыла дверь, пронеслась вихрем по комнатам первого этажа, открывая все окна, потом взлетела на второй этаж. Здесь теперь тоже царил чистота, и, хотя вся мебель была заботливо укутана в чехлы, сияли чисто вымытые стекла, пол был натерт, и стояли в больших напольных вазах цветы...

Лиза по-прежнему жила на первом этаже, но по возвращении из Англии ей вдруг стала невыносима мысль о пыльных и затхлых комнатах нежилого этажа. Конец августа она убила на уборку старого дома, и теперь по праву могла гордиться собой. Чистоту наверху оставалось только поддерживать, а внизу она убираться привыкла.

Работу ей мистер Карч подыскал, группа малышей была небольшая, и все они были смешные до ужаса, Лиза только с ними и забывалась. Дома тоже старалась все время что-то делать, потому что иначе в голову лезли всякие мысли, а то и слезы наворачивались на глаза — она стала очень плаксивой в последнее время.

Видимо, из-за слез с утра ей не хотелось не только вставать, но и жить в принципе. Или дело было в том, что семь часов — это нереально рано?

Как бы то ни было, сегодня, вечером в пятницу, она торопилась убратся, потому что знала, что завтра с утра ее опять будет ломать, и крутить, и тошнить, и мир будет отвратительным и тусклым.

Она мыла пол, насвистывала и решала, что ей сегодня приготовить: курицу или мясо? Пожалуй, лучше всего порубить мясо кусками, замариновать его до вечера в йогурте, а когда стемнеет, устроить барбекю.

Домыв кухню, она привычно подхватила ведро с мыльной водой и приготовилась выплеснуть ее с заднего крыльца...

— Лиза, НЕТ!!!

Двойной вопль заставил ее заорать в ответ, упустить ведро, вцепиться в косяк раскрытой двери, потом она медленно повернулась, не веря своим ушам, не веря тому, что видит перед собой, не веря в то, что вообще не спит и не бредит...

* * *

Они были очень похожи, большой и маленький. Оба светловолосые, лохматые, зеленоглазые, с высокими скулами, придававшими их лицам что-то кошачье. Скажем, тигр — и тигренок. Или камышовый кот — и котенок.

Они и одеты были примерно одинаково, в джинсы и светлые рубашки, а тонкие пуловеры небрежно свисали у них с плеч, рукава завязаны на груди...

Они одинаково стиснули от волнения кулаки и одинаково выжидающе смотрели на нее, но только у маленького выдержки оказалось меньше, и он кинулся первым, вопя отчаянно и истошно:

— Лиза! Прости! Соглашайся! Пожалуйста! Лиза! Я больше никогда! Честное-пречестное!

Она ошеломленно посмотрела вверх плеча Брюса на большого. Джон Брайтон растерянно и просительно улыбнулся ей.

— Лиза, я был немножечко идиот, так что я сейчас скажу, ладно?

— Джон... Брюс... Что происходит...

— Лиза, я так был счастлив, так переполнен всем, что случилось... Я совсем забыл, что так и не сказал тебе: я тебя люблю.

— И я! И я! Джон, скажи ей!

— Нет, вместе, мы же договорились...

Лиза поставила Брюса на землю и даже ножкой топнула от бессильного гнева.

— Перестаньте! У меня сейчас мозги от вас вскипят. Что вы хотели мне сказать, только тихо и четко!

И тогда два этих любимых ею мужчины приосанились, выпрямились и произнесли в один голос:

— Выходи, пожалуйста, за меня замуж.

— Выходи... за него. Замуж. Пожалуйста.

Она переводила взгляд с Брюса на Джона, с Джона на Брюса, все хмурила брови, хмурила, потому что на лицо неудержимо напознала счастливая, бездумная, широкая улыбка, а потом выпалила:

— Я согласна!

И по нечесаному саду прокатился, пугая уже пристроившихся на ночлег птиц, тройной вопль «Ура!».

* * *

Потом, когда они все же поцеловались с Джоном, когда Брюс помог убрать пострадавшую кухню, когда мясо отправилось мариноваться, и сок был разлит по бокалам и все уселись за столом в гостиной, — Джон выложил перед ней бархатную коробочку и замер, выжидательно глядя на Лизу.

Она тысячу раз видела это в кино, но почему-то страшно разволновалась. Подтянула к себе коробочку, осторожно приоткрыла... Маленький и яркий сноп радужных лучиков пробежал по разругавшемуся личику. В коробочке на черном бархате переливалось бриллиантовое кольцо.

Лиза медленно вынула его из коробочки, осторожно надела на палец, Брюс одобительно хмыкнул, а Джон с шумом выдохнул — оказывается, все это время он не дышал. Девушка посмотрела повлажневшим взглядом на своих мужчин, кашлянула и сказала:

— Я чувствую себя так, как чувствует воздушный шарик в тот самый момент, когда отрывается его веревочка... Но объясните мне, что случилось... и почему Брюс не в школе!

И они начали рассказывать. Когда Брюс дошел до того, как учительница с удовольствием отпустила его в поход за новой мамой, Лиза нахмурилась.

— Мама у тебя одна.

— Я знаю. Ты на нее и не похожа. Но ведь Джон не сказал тебе самого главного. Давай, дядька.

Тогда Джон жестом фокусника выложил на стол две папки. Одну подвинул Лизе, и она прочитала документы, удостоверяющие, что Джон Осмонд Брайтон, граф Дуглас, усыновил Брюса Шона Брайтона и передал последнему все права наследования состояния и титула. Потом пришла очередь второй папки. Лиза непонимающе подняла глаза на Джона.

— Здесь чистые бланки?

— Да. Пока — чистые. Это — свидетельство о браке. Жених — я. А это... Если ты подпишешь первую бумагу, то сможешь подписать и вторую.

Лиза читала и чувствовала, как слезы застилают ей глаза.

«Элизабет Гвендолен Майра Джессика Кудроу, в замужестве Брайтон, графиня Дуглас, дает свое согласие на усыновление Брюса Шона Брайтона с соблюдением всех прав последнего на наследование состояния и титула своих родителей...».

Девушка не дочитала, кинулась к Джону, обвила его шею руками.

— И ты все это придумал и сам сделал, а мы не знали, даже не догадывались! Джон, как здорово, как замечательно, как...

Она вдруг осеклась и с тревогой взглянула на Брюса. Паршивец хранил молчание с самой ангельской физиономией на свете.

— Брюс... а ты? Ты не против?

Джон засмеялся и притянул девушку к себе.

— Он и предложил приехать в Батон-Руж и взять тебя врасплох. Лиза, скажи еще раз, что согласна?

— Ох...

— Лиза, скажи!

— Конечно, согласна! Согласна, согласна, согласна! И если бы вы знали, как я скучала без вас!

* * *

Вечером в старой бочке гудело пламя, а потом над садом поплыл аромат жареного мяса. Тихие разговоры под яркими осенними звездами, смех. Старый дом доброжелательно подмигивал желтым теплым светом окон, и не было на свете людей счастливее, чем те, кто сидел в этот поздний час в саду дома в Батон-Руж, штат Луизиана...

Эпилог

Конец сентября на острове Мэн был совершенно обычным, дождливым, ветреным, промозглым и совершенно безнадежным. Тем приятнее было всем собравшимся на свадьбу графа Дугласа войти под теплые своды старинного собора в Каслтауне, где пахло воском и цветами.

Чопорные дамы сидели, приготовив белоснежные платочки, райской птицей колибри выделялась среди них Агата Брайтон, непрерывно вертевшаяся и обмахивающаяся веером.

Болтали и пересмеивались университетские друзья Джона Брайтона — в основном, чтобы подбодрить самого жениха, метавшегося, как раненый тигр, на узком пяточке перед алтарем. Подружки невесты, все в сиреновом и лиловом, торопливо пудрили носы.

Потом появился священник, дружелюбно поприветствовавший собравшихся, а еще потом распахнулись тяжелые двери в конце стрельчатого огромного зала, и бело-кремовое видение в ворохе кружев, перьев и атласа ступило на каменные плиты собора. Даже густая фата не в силах была скрыть черные как смоль, тугие кольца кудрей, сияние темных глаз и нежный румянец невесты.

Ее вел к алтарю худой, высокий и желчный старик в цилиндре. Мистер Карч за последние две недели прижился в Касл-Мэнор, успел очаровать тетю Агату и в душе подумывал о переводе бизнеса в Великобританию... Но сегодня он исполнял важную и ответственную роль посаженного отца! И очень ею гордился.

У самого алтаря мистер Карч удивил собравшихся. Вместо того чтобы вручить невесту жениху, он неожиданно с церемонным поклоном подвел ее к юному джентльмену в прекрасно пошитом и сидевшем фраке.

Брюс Брайтон, Паршивец и будущий граф Дуглас, недрогнувшей рукой взял Лизу Кудроу за руку и негромко произнес:

— Не дрейфь, тетка! Теперь-то уж точно все будет хорошо.

С этими напутственными словами невеста наконец попала в руки жениха.

И совсем последний эпилог

Восемь месяцев спустя

— Брюс...

Нет ответа.

— Брюс!

Нет ответа.

— Брюс, пропадаю!

— Чего тебе?

— Я не знаю, как это застегивать.

— Я ж тебе показывал триста раз — берешь, подкладываешь эту часть, разворачиваешь эту — готово!

— Ох, как ты ее здорово держишь... А я боюсь.

— Тетка, это твоя дочь. Да, Шилли? Это наша мать такая трусоватая! Мы вот с Шилли не боимся — а она боится.

— Осторожней! А ты уверен, что ее можно так подбрасывать?

— В книге написано, что можно, если у подбрасывающего твердая рука. Тебе не советую, но за себя я спокоен.

— Ах ты, маленький нахал...

— Значит, в следующий раз памперс надевать будешь без меня. Бедная Шилли! Бедная сестричка!

— Я Джону скажу!

— А я ему скажу, как ты с Шилли полезла на утес!

* * *

Джон Брайтон скрючился в три погребели у замочной скважины и подслушивал, как препираются у колыбели его дочери его жена и его сын.

На лице молодого профессора археологии цвела абсолютно счастливая улыбка.

За стенами Касл-Мэнор ослепительно сверкали в лучах молодого солнца меловые утесы.

В такие дни Маленький Народец выходит погреться на базальтовых скалах.

И тогда зацветает вереск...

КОНЕЦ